

К 70-летию ВЛКСМ. Страницы истории
Участвуем в экономическом эксперименте
Отечество. Века и дни Тобольска
Никита Михалков. О кино и о себе
Остросюжетная повесть Георгия Вайнера

СМЕНА¹

1988 год — год 70-летия Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

За семь десятилетий школу комсомола прошли многие миллионы юношей и девушек — несколько поколений советских людей.

История ВЛКСМ — это часть истории нашей страны и ее во всей сложности должен знать каждый комсомолец. Знать свершения и победы, ошибки и просчеты. Знать, чтобы жить активнее, чтобы смелее участвовать в перестройке нашего общества.

К юбилею нашего Союза мы начинаем публикацию материалов, рассказывающих о славных страницах истории комсомола, о тех, кто в разные годы были его вожаками, чья юность связана с революцией и прошла в борьбе за утверждение революционных идеалов. Открыть эту летопись мы решили очерком об Оскаре Рывкине, который стоял у самых истоков юношеского коммунистического движения, был одним из первых организаторов комсомола.

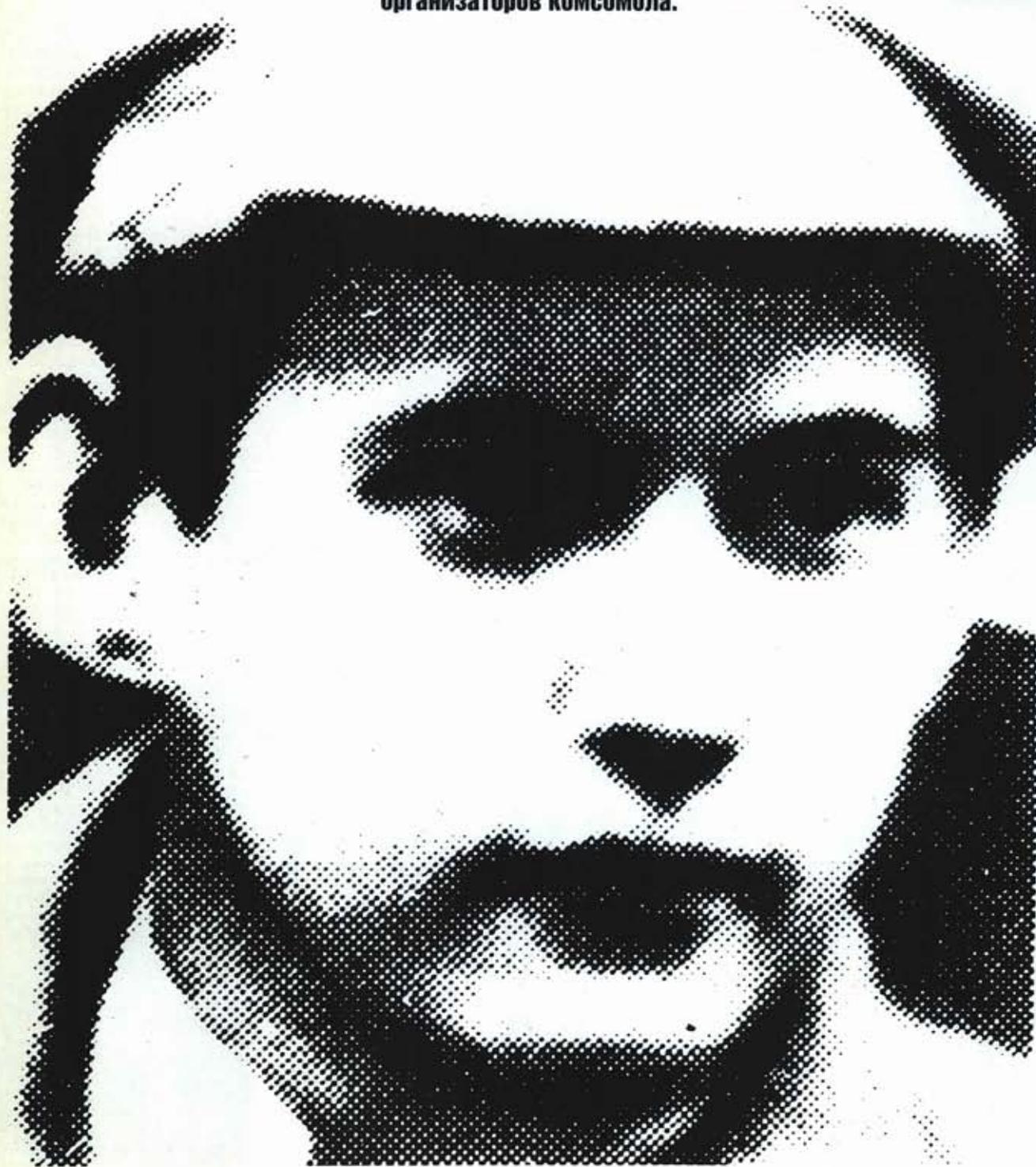
ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ

Алексей АЛЕКСЕЕВ,
кандидат исторических наук

Оскар Рывкин не оставил после себя автобиографических записок. Почти не сохранилось и документальных свидетельств его жизни: пять страниц личного дела, хранящегося в Центральном архиве ВЛКСМ, из которых только одна — подлинная. Орывочные сведения об этом человеке дают нам опубликованные в разное время воспоминания старых комсомольцев, некоторые из которых и по сей день пылятся в спецотделах библиотек.

Благодаря утверждающейся в нашем обществе атмосфере гласности и социальной справедливости из небытия возвращаются многие имена партийных и комсомольских работников, чья жизнь была перечеркнута в период культа личности.

Шел октябрь восемнадцатого года. В Москве, в здании Политехнического общества в Малом Харитоньевском переулке, 4 (ныне улица Грибоедова), собрались на свой первый съезд представители юношеских социалистических союзов, объединявших в то время немногим более 22 тысяч парней и девчат. К октябрю 1917 года оформленные организации рабочей и учащейся молодежи имелись в Петрограде, Москве, Екатеринбурге, Иваново-Вознесенске, Перми, Туле и других промышленных городах. Инициатором созыва Всероссийского съезда стал Петроградский комитет Социалистического Союза рабочей молодежи (ССРМ), который наряду с Московским союзом рабочей молодежи «III Интернационал» играл роль общероссийского центра по сплочению разрозненных организаций в единый союз. Стремление молодежи к единению было так велико, что, даже несмотря на обстоятельства военного времени, съезд открылся в назначенный день — 29 октября. Взволнованные делегаты приглядывались друг к другу, обменивались впечатлениями, спорили. Ведь каждая организация дала своему представителю наказ отстаивать ту точку зрения, которая была выработана в ходе подготовки к съезду. Им предстояло решить важнейшие вопросы жизни и деятельности будущего Российского Коммунистического Союза Молодежи, определить его цели и задачи, принять единую Программу и Устав. В основу этих документов были положены ленинские идейные и организационные принципы партийного

руководства юношеским движением, получившие воплощение в резолюции VI съезда РСДРП(б) «О союзах молодежи»: «Наша партия должна стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь создала самостоятельные организации, организационно не подчиненные, а только духовно связанные с партией. Но в то же время партия стремится к тому, чтобы организации эти с самого своего возникновения приняли социалистический характер, чтобы будущий социалистический союз рабочей молодежи России при самом своем возникновении примкнул к Интернационалу Молодежи».

Они были разными по возрасту, темпераменту, образованию, эти первопрородцы комсомола, но в то же время единными в своем яростном стремлении служить делу революции, делу рабочего класса. Вот на трибуну Первого Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи поднимается коренастый, невысокого роста паренек. Горько и убедительно говорит он о том, каким должен быть союз по своему составу, чтобы он мог выполнить задачу сплочения всего передового революционного юношества Республики Советов. Это делегат рабочей молодежи Петрограда Оскар Рывкин. Многие присутствующие в зале уже знали его как одного из активных организаторов Петроградского союза молодежи, возникшего в августе 1917 года, члена редколлегии первого комсомольского журнала «Юный пролетарий». Все делегаты получили четвертый номер этого журнала, где были напечатаны проекты Программы и Устава общероссийской организации молодежи, разработанные Оскаром. Ему же принадлежит идея назвать союз коммунистическим, которую на съезде пришлось серьезно отстаивать от тех, кто боялся, что такое название отпугнет массы несознательной молодежи. Отстаивая свою позицию, Рывкин говорил: «...дело в том, что мы хотим носить не только в сердце, но и открыто название коммунистов...». Проникшись доверием к посланцу Петрограда делегаты съезда избрали его членом Центрального Комитета. Так Оскар Рывкин стал сначала товарищем (заместителем) председателя ЦК РКСМ, а с июля 1919 года — председателем. Этому скромному, с виду незаметному, но очень целеустремленному и энергичному парню только-только исполнилось 19 лет. В комсомоле никогда после него не было столь молодого первого секретаря.

Биография Оскара Рывкина очень похожа на биографии тех, кого подняла к активной жизни революция. Он родился на юго-западной приморской окраине Петербурга 4 января 1899 года в семье ремесленника-переплетчика. Детство и юность Оскара прошли среди детей рабочих Адмиралтейского завода, в районе которого, рядом с проходной, жила его семья. Закончив двухклассное городское училище, он, совсем еще мальчишка, поступил учеником наборщика в типографию, но из-за плохого зрения должен был бросить это занятие и стал учеником аптекаря. Шестнадцатилетним юношей Рывкин втягивается в революционную борьбу, участвуя в профессиональном движении аптекарских работников. В марте 1917 года, будучи уже рабочим картографической фабрики, Оскар вступил в партию большевиков. В то время это было нормальным явлением: ведь комсомола еще не существовало, и огромная тяга молодежи к марксизму, к революции побуждала ее вступать в большевистскую партию. В. И. Ленин, приветствуя и всячески поддерживая это стремление юношей и девушек, отмечал: «...разве не естественно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь? Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи.

Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы со старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь».

Способный организатор и пропагандист, Оскар Рывкин стал одним из инициаторов объединения молодежи в самостоятельные политические организации для борьбы за свои права, за утверждение нового, справедливого строя. В июне 1917 года в большевистской «Правде» за подписью члена РСДРП(б) О. Скара (псевдоним Рывкина) появилось «Открытое письмо товарищам рабочим и солдатам», в котором автор выступил против решения Временного правительства о выборах в Учредительное собрание, по которому избирательных прав лишались юноши и девушки, не достигшие двадцатилетнего возраста. Большевики же требовали предоставления этого права с 18 лет. Рывкин призвал рабочих и работниц «организоваться в мощный союз защиты избирательных прав, чтобы в нужный момент суметь отстаивать свое право». Вскоре Рывкин выдвигается в число руководителей революционно настроенной молодежи Петрограда.

Став во главе Центрального Комитета комсомола, Рывкин полностью отдается этой работе. Приходилось впервые ставить и решать целый ряд основных теоретических и практических вопросов движения: каким быть союзу, как строить свои отношения с партией, с государственными и общественными организациями, как наладить связь с международным юношеским движением и многое другое.

Условия работы «главного штаба» комсомола были чрезвычайно тяжелыми. Из пятнадцати членов ЦК постоянно работало 4—5 человек, причем состав их постоянно менялся. Остальные были на фронте или разъезжались по своим организациям. Были моменты, когда в аппарате ЦК оставалось двое-трое. Помимо своих прямых обязанностей Оскар Рывкин заведовал издательской деятельностью ЦК, руководил экономико-правовой работой, был членом редакционной коллегии журнала «Юный коммунист», представителем ЦК в Наркомпросе, руководил семинаром актива РКСМ в Центральной партийной школе (позднее — Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова).

Было бы неверно представлять, что развитие союза молодежи происходило по заранее составленным схемам, без сомнений и противоречий, при полном единстве взглядов. Трудности становления, отсутствие опыта руководства движением, неоднородность социального состава организации вызвали идейную путаницу в умах некоторых членов Центрального комитета, приводили к ошибкам и дискуссиям в комсомоле, а иногда и к серьезным разногласиям как внутри самого ЦК, так и организации в целом. В такой обстановке руководителю комсомола нелегко было проводить принципиально ленинскую линию в основных вопросах юношеского движения. Но Оскар Рывкин, обладавший ясным марксистским взглядом на его классовую природу, последовательно отстаивал большевистские принципы организации и деятельности комсомола.

В июле 1919 года в ЦК РКСМ состоялась дискуссия на тему «Может ли наш союз быть массовой организацией рабочей и крестьянской молодежи?». Из стенограммы этой дискуссии, опубликованной в журнале «Комсомольская летопись», мы видим, как убедительно критиковал эту точку зрения Оскар Рывкин. «Наша организация,— говорил он,— есть и должна быть массовой организацией рабочей молодежи... Мы не должны ждать, пока все станут нашими членами, и всякий вопрос, по-

скольку он не чисто организационный, может обсуждаться в присутствии широких масс рабочей молодежи, чтобы жизнь нашего союза была открыта, чтобы каждый знал его задачи и ближайшие интересы. Вот способ, вот путь к успеху». По предложению Рывкина собрание большинством голосов подтвердило, что РКСМ есть и должен быть единственной массовой организацией рабочей и крестьянской молодежи. II съезд РКСМ в своих решениях закрепил это положение.

В борьбе за массовый характер союза, за единство молодежного коммунистического движения в стране пришлось отстаивать и его организационную самостоятельность, бороться за последовательное соблюдение ленинского принципа самостоятельности РКСМ. В декабре 1919 года VIII Всероссийская партийная конференция приняла новый Устав партии, который предусматривал создание при партийных комитетах специальных отделов по работе среди молодежи. С учетом существующей структуры комсомольских органов это создавало ненужный параллелизм в работе, а на практике привело к тому, что в ряде мест распускались бюро РКСМ, а вместо них образовывались отделы по работе среди молодежи при губернских комитетах партии. Оскар Рывкин был делегирован на IX съезд РКП(б), где высказал точку зрения комсомола на создавшуюся ситуацию. Стенограмма партийного съезда сохранила для нас не только текст выступления Рывкина на заседании организационной секции 2 апреля 1920 года, но и тот темперамент, то взволнованное состояние души комсомольского вожака, с которыми он обращался к делегатам. «Мы обращаемся к воле партийного съезда, — восклицал он, — чтобы этот казус был исправлен: или союз молодежи, или отделы по работе среди молодежи... Рабочая молодежь и без того выбирает руководящие органы из членов партии коммунистов... Нужна тесная связь, но не нужно параллелизма в работе... Мы предлагаем съезду исключить этот пункт из Устава партии».

Партия уделила серьезное внимание этому вопросу, помня, что самостоятельный характер комсомола — это краеугольный камень успешного выполнения им своих функций. Уже в июле 1920 года, вскоре после съезда, был разослан Циркуляр ЦК РКП(б) «О работе среди молодежи», где осуждалась практика партийного руководства, имеющего характер мелочной опеки комсомольских организаций, не оставляющего простора «для самостоятельности подрастающего поколения коммунистов».

Первые шаги юношеского коммунистического движения, его укрепление и возмужание неразрывно связаны с борьбой рабочего класса за победу социалистической революции, с вооруженной защитой молодой Советской республики. Естественно, что в условиях, когда наша страна по воле врагов революции превратилась в военный лагерь, в центре всей деятельности Центрального Комитета комсомола и его председателя Оскара Рывкина стояла работа, связанная с помощью фронту. В 1919 году не было почти ни одной союзной организации, члены которой не проходили бы военное обучение. Трижды ЦК РКСМ объявлял всероссийскую мобилизацию комсомольцев: сначала на Восточный, затем — на II съезде РКСМ в октябре 1919 года — на Южный фронт и весной 1920 года на борьбу с белополяками и Врангелем. Некоторые комсомольские организации в полном составе уходили защищать революцию с оружием в руках. Председатель ЦК Оскар Рывкин не только руководил всей военной работой комсомола, но и сам неоднократно вставал на защиту Советской власти.

В начале января 1918 года Петроградский комитет союза провожал своего секретаря и группу добровольцев на фронт для подавления контрреволюционного мятежа, поднятого атаманом донского казачества генералом Калединым. Перед отправляющимися на фронт бойцами Красной гвардии с напутственной речью выступил В. И. Ленин. Приветствуя решимость русского пролетариата бороться за торжество русской революции, ее вождь сказал: «Нам надо показать, что мы — сила, способная победить все преграды на пути мировой революции. Пусть товарищи, отправляющиеся в окопы, поддержат слабых, утвердят колеблющихся и вдохновят своим личным примером всех уставших». Впоследствии Оскар Рывкин имел счастье неоднократно слушать В. И. Ленина и даже непосредственно встречаться и беседовать с ним в октябре 1918 года, когда Владимир Ильич — Председатель Совета Народных Комиссаров республики — принимал в своем кремлевском кабинете группу делегатов I съезда РКСМ, в составе которой был и Рывкин.

Оскар Рывкин одинаково уверенно и твердо держал в руках винтовку и перо. Он автор одной из первых брошюр о комсомоле, которая называлась «Под Красное знамя союза»; один из первых теоретиков и историков юношеского коммунистического движения в нашей стране.

...На IV съезде союза (апрель 1921 года) О. Рывкин, уже ушедший к этому времени с поста первого секретаря ЦК, делал доклад об очередных задачах. Это был первый съезд комсомола в условиях перехода страны к мирному социалистическому строительству, что потребовало существенно изменить характер и содержание комсомольской работы. От проведения военных мобилизаций и кампаний комсомольские организации постепенно переходили к планомерной работе. Главным делом комсомола на многие годы становилось коммунистическое воспитание юношества. Требовалось отказаться от военно-административных методов работы, перестраивать ее на широких демократических началах. В докладе было выделено две группы задач, которые предстояло решать ВЛКСМ в новых условиях. Одна из них — оказание активной помощи Коммунистической партии и Советскому государству в решении практических вопросов социалистического строительства и воспитания молодежи. Другая — коммунистическое воспитание своих членов, идейное укрепление союза, борьба против мелкобуржуазного влияния на молодежь.

Это выступление было своего рода завещанием, так как Оскар Рывкин прощался с комсомолом. Ему исполнилось 23 года. Рывкин был направлен на учебу на курсы теории и практики марксизма, а затем перешел на партийную работу сначала в Нижегородскую губернскую партийную организацию, затем — в ЦК ВКП(б). Был делегатом XV, XVI и XVII съездов партии. После учебы в Институте красной профессуры Рывкин в 1934 году избирается первым секретарем Краснодарского горкома партии, где честно и добросовестно трудится до 1937 года, когда жизнь его трагически оборвалась. В январе он был арестован по мифическому обвинению в троцкизме, а в августе расстрелян. Реабилитирован после XX съезда КПСС.

Оскар Рывкин стоял у руководства комсомолом первые три года. Срок вроде небольшой. Но как много успел сделать союз в этот период своего становления! В знак признания заслуг Рывкина перед комсомолом на V съезде РКСМ он был навсегда избран Почетным комсомольцем. Таким он и останется в памяти всех последующих поколений комсомольцев.

Павел ЕЛЬЧАНИНОВ,
кандидат
психологических наук

М

ожно ли, не вкладывая ни копейки, увеличить производительность труда в три-четыре раза? Повысить зарплату рабочим в два-три раза?

Добиться, чтобы каждый отдавал все — без утайки — силы и способности работе?

Фантастика? «Дело недалекого будущего», — утверждает кандидат психологических наук П. Е. Ельчанинов. И предлагает разработанную им модель перестройки экономики.

— Павел Егорович, в одном из своих выступлений М. С. Горбачев говорил о том, что здание нашей экономики нуждается не в перекраске стен и выметании сора из углов, а в коренной перестройке. Эта работа уже начата, и ведется она очень интенсивно. С начала 1988 года примерно две трети промышленных предприятий действует в условиях хозрасчета и самофинансирования. Насколько я знаю, ваша работа также посвящена этому. Расскажите сначала в нескольких словах, в чем суть ваших предложений?

— На мой взгляд, достичь каких-то успехов в перестройке экономики возможно, если, во-первых, работник станет прежде всего подлинным — на деле, в жизни, а не на словах — хозяином производства, каким он является, скажем, в своей, предоставленной ему государством квартире; когда он, во-вторых, сможет сам, исходя из уровня своих знаний, опыта, мастерства, выбирать свою будущую норму выработки; и, в-третьих, когда рабочий будет получать за труд выраженную в деньгах определенную часть произведенного им продукта.

— Всякое практическое преобразование основывается на теоретических выкладках. Что послужило базой для создания вашей, Павел Егорович, модели?

— «Нет хозяина» — вы заметили, как часто мы произносим в последние годы эти слова? Вот рабочий приехал на предприятие на своем автомобиле. Поставил его в теньке — не дай бог перегреется на солнышке... И он же может бросить экскаватор, на котором ему поручено работать, посреди улицы и не возвращаться к нему полгода: пусть ржавеет, пусть снимают с него запчасти... А почему? Автомобиль — «мой», экскаватор — «не мой»...

Долгое время такое положение вещей мы объясняли «пережитками капитализма в сознании людей». Отсюда бесконечные призывы типа: «Будь бережливей!», «Экономике быть экономной!», «Рабочий, ты — хозяин на производстве»... Нет, конечно, нужны и лозунги, и они способны улучшить дело, но не кардинально его изменить. Мы утешались тем, что перестройка сознания, искоренение мелкобуржуазной психологии — дело лет, а то и десятилетий. Неправда. Перестройка сознания — дело дней и часов...

— Дней и часов? Не слишком ли смело?

— Не слишком... Хочу спросить: вот вы, когда собираетесь пить чай, сколько воды подогреваете?

— Ну, как правило, полный чайник... Мало ли зачем кипяченая вода может понадобиться...

— Значит, вы расходуете в восемь — десять раз больше газа, чем требуется. Да не вы один: я опросил несколько сот человек и получил примерно такие же ответы. А вот теперь представьте: вечером вы приехали на дачу. А там плитка с газовым баллоном. А его нужно купить за свои деньги да еще притащить из города... Сколько вы вскипятите воды для чая? Можете не отвечать — ровно столько, сколько вам в тот момент нужно. Вот и переменялась психология.

— Значит — продолжу вашу мысль, — достаточно связать карман работника с перерасходом или экономией сырья и материалов, как тот станет бережлив. Но ведь это же известный всем хозрасчет. Что тут нового?

— Я предлагаю не только внедрить хозрасчет, но и передать работникам в право собственности вверенные им средства производства и продукты труда. Тогда рабочий станет действительным хозяином станка, заготовок, конечной продукции... Подождите, не торопитесь возражать. Да, это звучит непривычно. Мы считаем, что у нас единственным собственником на средства производства является государство. Однако если вы перечитаете Маркса, Энгельса, Ленина, вы не найдете подтверждения, будто при социализме только так и должно быть. Напротив, в «Манифесте коммунистической партии» сказано: «Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности...» Маркс указывал, что с ликвидацией капитала «собственность на сырье и орудия труда была бы тогда номинальной; экономически они принадлежали бы рабочему». Фактически у нас средства производства принадлежат всему народу — значит, каждый труженик является социалистическим собственником средств производства. Современный экономист А. Ю. Мелентьев пишет: «Тот факт, что при коммунизме (социализме) средства производства принадлежат обществу трудящихся в целом, означает: каждый отдельный трудящийся в качестве члена этого общества выступает как совладелец, как ассоциированный собственник».

Итак, все мы являемся собственниками на средства производства и продукты труда, но ни в общественном, ни в индивидуальном сознании это не отражено! Это противоречие надо преодолеть.

— Значит, конкретное лицо будет юридическим собственником средств производства... Но ведь это же реставрация капитализма!

— А что, тот, кто пользуется государственной квартирой, — капиталист? Государство остается собственником жилья и передает владельцу лишь права собственности. А хозяин пользуется квартирой, он бережен к ней, он за ней ухаживает... Если угодно, передачу права собственности можно назвать передачей во владение. Вспомним, что писал В. И. Ленин, имея в виду земельные отношения после победы революции: «Помещичьи земли должны быть тотчас конфискованы, т. е. собственность на них отменена тотчас и притом без выкупа».

А как быть с владением этими землями? Кто должен сразу завладеть ими, засеять их? Местные крестьяне, и притом организованно, т. е. по решению большинства. Вот совет нашей партии. Владение помещичьими землями отдать сразу местным крестьянам, собственности оставить у народа».

Идея передачи права собственности конкретным работникам кажется кое-кому чуть ли не «антисоциалистической». Но это, по сути, записано в Законе СССР о социалистическом предприятии. Там говорится: трудовой коллектив использует как хозяин вверенные ему средства производства.

— Значит, достаточно, по-вашему, передать права собственности конкретным работникам — и экономические проблемы решены?

— Нет. Второй составляющей модели является отказ от нормирования труда.

— Чем же вам нормирование не по душе?

— Берусь утверждать, что нормирование труда — это не только «пережиток капитализма», но и «пережиток рабства». При постройке пирамид Египта или дорог Древнего Рима рабу давали всевозрастающую норму труда. Если он не справлялся с ней, его били. Чтобы выжить, рабу необходимо было постоянно скрывать свои истинные физические возможности. Наконец, резерв возможностей достиг такой величины, что рабский труд перестал быть выгодным.

Феодализм частично снял проблему. Теперь вассал сэкономил силы только на барском поле. Правда, и на своем участке он не особенно старался: лишний продукт барин мог отобрать.

Капитализм сначала дал рабочему иллюзию, что тот получает за труд сполна. Поэтому рабочий не резервировал свои возможности. Но шло время. Капиталисты богатели, а рабочие умирали от изнурительного труда. Пролетарии поняли, что их просто-напросто обманывают. Снова появилась потребность скрывать свои трудовые возможности. Чтобы заставить рабочего выполнять все увеличивающуюся норму, капиталисту понадобилась огромная армия безработных, постоянно растущие цены на предметы первой необходимости...

После социалистической революции противоречие между трудом и капиталом было устранено. Рабочий понял, что если он работает не на капиталиста, а на самого себя, резервировать возможности не нужно. И производительность труда резко возросла. В течение первой пятилетки она увеличилась на 41 процент, второй пятилетки — на 90 процентов. Война, восстановление разрушенного хозяйства... До скрытия ли способностей было, когда существовала постоянная опасность уничтожения социализма, порабощения страны!

Мы проводили исследования на одном из московских заводов. Пущенный в 1969 году, он мог бы выйти на проектную мощность в 1973-м. Однако — жесткое планирование от достигнутого! — планы каждый год повышались понемножечку... В течение пятнадцати лет коллектив работал не в полную силу. Получали премии, благодарности, знамена... Каждый заводчанин убеждался: «Чем больше возможностей утаю, тем мне выгоднее». И вот, наконец, в 1983 году завод достиг проектной мощности. А на следующий год ему, как обычно, добавили к плану еще два процента. Но выше головы не прыгнешь! Завод «рухнул». Сняли директора, инженерно-технические работники лишились премий, резко возросла текучесть кадров...

Психология «утаивания резервов» (и соответствующая стратегия поведения) характерна и для рабочего, и для начальника цеха, и для директора, и, смею думать, для министра. Скрываешь истинные возможности — охраняешь жизнестойкость организма.

— Не верю, что никто у нас не работает в полную силу...

— Мы очень разные. Люди заметно отличаются друг от друга по физической силе, выносливости, координации движений, быстроте реакции и так далее. У нас очень различные эмоционально-волевая устойчивость, память, внимание... Если трудовые возможности одного равны единице, то у других они равны трем, пяти, даже пятнадцати. Ничего удивительного: есть «музыканты», выступающие одним пальцем «Чижик-пыжик», а есть Святослав Рихтер... А норма всем устанавливается одна. И если все справляются с ней, значит, она ориентирована на самых слабых рабочих. Они работают по возможностям. Большинство же свои резервы скрывает.

На одном из подмосковных предприятий мне встретился токарь, который мог за смену выполнить двадцать дневных заданий...

— ?!

— Да, именно двадцать. Его работа заключалась в том, чтобы сверлить в деталях — под разными углами — восемнадцать отверстий в каждой. Кто-

НЕ ФАНТАСТИ

Но к 70-м годам темпы роста производительности труда упали, стали ниже, чем в годы первых пятилеток, в три-четыре раза. Рабочие начали резервировать возможности. Почему?

Рабочий опасается: «Если сегодня я покажу все, на что способен, то завтра результат, на который я истратил все без остатка силы, станет нормой. И мне всегда надо будет работать с максимальным напряжением. А ведь с годами я не стану сильнее — значит, наступит момент, когда с нормой невозможно будет справиться».

Ситуацию усугубляет и система оплаты. Вот норма: изготовить, скажем, тысячу деталей в месяц. За это рабочий получит, условно говоря, сто рублей. Если он произведет 1001 деталь, ему заплатят не 100 рублей и 10 копеек — что было бы логично! — а 140 рублей — премию за перевыполнение нормы. Значит, стоимость 1001-й детали для рабочего уже не 10 копеек, а 40 рублей! И потому тоже он заинтересован в минимальной норме.

Подобная психологическая установка: «Чем больше скрываю резервов, тем лучше живу» — действует и в отношении трудовых коллективов.

то из его коллег «запарывал» деталь на восьмом отверстии, кто-то — на одиннадцатом, брал новую заготовку... А уникальный мастер каждую деталь точно и быстро обрабатывал до конца. И вот он за полчаса выполнял свои 103 процента нормы, а потом долго протирает станок, слонялся по цеху, сидел в курилке... Я спросил его, почему он не работает хотя бы в два раза больше. «Что вы, — отвечал чудо-токарь, — тогда мне жизни нет. Норму повысят всем, и мои же друзья меня «съедят».

Нормирование сверху не только сдерживает рост производительности труда. Оно еще убивает Моцартов, которые вынуждены всю жизнь выстукивать одним пальцем простенькую мелодию...

— Как же нам быть?

— За ответом обратимся к Ленину. В его работе «Великий почин» есть целая подборка сообщений о том, что производительность труда на коммунистических субботниках возрастала от двух до тринадцати раз. Чем же труд в субботу отличается от труда в пятницу? Во-первых, это труд добровольный, бесплатный. Во-вторых, он ненормированный: каждый работает, используя все свои физические и духовные силы.

Развивая мысль о труде при коммунизме, Ленин пишет, что он есть «бесплатный труд на пользу общества, ... труд добровольный, труд вне нормы». Подчеркнем — **вне нормы!**

Частная собственность на всех этапах своего развития требовала **жесткого нормирования труда**. При коммунизме будет **труд вне нормы**. Значит, от нормирования труда сверху к труду вне нормы должна быть какая-то переходная ступень. Логика подсказывает, что в период социализма должно быть **свободное нормирование труда снизу**. И этот процесс уже начался. Встречные планы, личные пятилетки — разве это не нормирование снизу?!

— **Хорошо: разрешим каждому определять для самого себя норму. Тогда очень многие захотят взять личный план как можно ниже...**

— Нет и нет! Правда, должно быть обязательным: во-первых, оплачивается произведенная продукция, а не выполнение нормы; во-вторых, не существует никаких потолков заработка. Изготовил 100 деталей — получи 10 рублей, 10 000 — 1 000 рублей, 100 000 — ...

Я опросил более трех тысяч рабочих и служащих и выяснил, что 92 процента из них при свободном нормировании могут поднять индивидуальную производительность труда. Кто-то — на 10—15 процентов, а кто-то — в пять — семь раз.

Еще более впечатляющий эксперимент проводили с призывниками. Им предлагалось самим определить место будущей службы. Или спокойный гарнизон в прекрасных климатических условиях, с танцплощадкой и клубом. Или, скажем, Арктика — полярная ночь, злые ветры... Никакой агитации. Никакого давления. Полная свобода выбо-

ра. И вот **98 процентов ребят выбрали службу в самых тяжелых условиях**.

В природе человека — ставить перед собой как можно более сложные цели. Достигнув их, он испытывает подлинное моральное удовлетворение, настоящий эмоциональный взрыв. Заплати игрокам «Днепра» хоть по тысяче рублей за победу над дворовой командой — радости от нее они не испытают. А если футболисты обыграют сборную Аргентины?

Наконец, поговорим о третьей составляющей модели — отмене зарплаты.

— **За что же зарплату отменять?**
— Зарплата — порождение капитализма, его, так сказать, «родимое пятно», и сейчас она только сковывает развитие производительных сил.

Прежде чем аргументировать это положение, разрешите вас спросить: какова ваша заработная плата?

— **170 рублей в месяц.**

— **За что вы ее получаете?**

— **Коротко говоря, за выполнение своих обязанностей.**

— **И кто вам платит эти деньги?**

— **Ну... государство, наверное...**

— Спасибо. Ваши ответы очень типичны. Я опросил несколько сот рабочих и служащих — ответы были такими же.

У рабочего по отношению к государству формируется противоречивая психология: с одной стороны, государство воспринимается как «противодействующая сила», которая постоянно стремится снизить расценки и увеличивать нормы, то есть покупать его труд как можно дешевле; с другой стороны, государство видится как «свое, родное», когда оно, заботясь о благосостоянии трудящихся, повышает зарплату, обеспечивает бесплатное об-

разование, медицинское обслуживание. Отсюда — две противоречащие друг другу стратегии поведения. Первая — «продавать» свой труд как можно дороже, скрывать свои возможности, всячески противиться повышению норм. Вторая — работать с энтузиазмом, бескорыстно заботиться о процветании общества.

Именно нынешняя система зарплаты формирует у многих рабочих пренебрежительное отношение к качеству продукции. Действует психология: «Если я отдаю труд государству, а оно оплачивает мой труд, то продукт моей деятельности — не моя цель. Для себя я не строю самолетов и ЭВМ, не добываю уголь и руду. Для себя я произвожу заработную плату и премию».

Конечно, каждый рабочий на идеологическом уровне понимает, что самолеты, ЭВМ, руда, уголь — общественное богатство. И чем его больше, тем лучше для каждого советского человека. Несомненно, такое понимание имеет большое значение для повышения производительности труда и улучшения качества продукции. Но на психологическом уровне рабочий стремится получить большую заработную плату за меньший труд. И когда создается угроза для премии, любая продукция — бракованная, незавершенная, устаревшая — выдается как качественная. Да, рабочий понимает, что наносит ущерб обществу, но делает это и будет делать, потому что самолеты, ЭВМ, станки — «не мой продукт», а зарплата и премия — «мои кровные».

Ситуация усугубляется еще и тем, что у работника сохраняется иллюзорная психология «продавца» своей рабочей силы. Но у «покупателя» — скажем, директора завода — нет ни денежных средств, ни средств производства. Он выступает как посредник государства. Он, конечно, старается отстаивать государственные интересы. Но сам, в свою очередь, является «продавцом» уже своей рабочей силы. И у него тоже действует психология: «продать подороже свой труд; отдать поменьше, добиться, чтобы заплатили побольше». И это делает и работник, и «посредника» союзниками, сотоварищами, когда надо «выбить» заниженный план, «спихнуть» негодную продукцию, выплатить незаслуженную премию.

Итак, оценка результатов деятельности в форме заработной платы формирует мелкобуржуазную психологию — «поменьше дать, побольше взять у государства». Отсюда вывод предельно ясный: нужна новая система оценок результатов деятельности.

— **И что же, у вас, Павел Егорович, есть предложения, какой ей, новой системе, быть? И если да, насколько эти предложения реальные?**

— Прежде всего давайте откажемся, хотя бы в беседе, от термина «зарплата». Непривычно? Но смогли же мы после Октябрьской революции отказать от скомпрометировавших себя терминов «министр», «генерал»...
— **Чем же вас термин не устраивает?**

— Понятие «зарплата» накрепко связано в сознании людей с вознаграждением от кого-то за что-то. Чтобы сформировать иную психологию — «Я получаю в денежном выражении часть произведенного мною продукта», — надо отказаться и от термина. Впоследствии, когда психология переменится и понятие наполнится иным содержанием, его можно будет и вернуть, как восстановили «министров» и «генералов».

— **Значит, зарплаты не будет. Я пойду в кассу и буду получать — что?**

— Термин еще предстоит придумать. Пока предлагаю такой — вы будете получать индивидуальную трудовую часть результатов вашей деятельности.

— **Сложновато...**

— Ну назовите это «индивидуальной»... Не в термине дело.

О сути. Представьте: вот вы — рабочий. Создали за месяц продукт на 1000 рублей в денежном исчислении. Анализ статистики показывает, что около 40

процентов национального дохода страны идет на потребление трудящимися. Около 40 процентов — на удовлетворение общегосударственных нужд: оборону, медицину, науку, образование. Стало быть, произведенный вами продукт надо распределить следующим образом: 400 рублей — индивидуальная трудовая часть — вы получите на руки, 400 рублей — общественная трудовая часть — пойдет государству, 200 рублей — коллективная трудовая часть — употребит ваше предприятие на, скажем, закупку новой техники, содержание детсада, строительство жилого дома.

При такой системе у вас появится постоянный и чрезвычайно действенный стимул работать лучше. Ведь если вы произведете за месяц продукта на 2000 рублей, то получите уже 800 рублей. И государство будет не внакладе — ведь и причитающаяся ему часть возрастет в два раза. И коллектив получит вдвое больше. Ваша психология коренным образом изменится. Стержень ее станет: «работать больше — получать больше». Кроме того, вы будете внимательнейшим образом следить, чтобы причитающаяся вам индивидуальная трудовая часть не попала в руки бездельника, хапуги, очковирателя...

— **Простите, Павел Егорович, но вот я, допустим, рабочий. Создаю материальные ценности. Сорок процентов их стоимости возвращается ко мне как «индивидуалка». А кто будет оплачивать труд мастера, начальника цеха, директора?**

— Вы будете оплачиваться. Из ваших сорока процентов. Вы же, надеюсь, понимаете, что без управленцев ваша работа невозможна.

— **Но тогда я буду заинтересован платить им как можно меньше...**

— Вы — то есть весь трудовой коллектив, конечно, — будете платить им ровно столько, сколько нужно будет для вашей успешной работы. Определять размеры выплат управленческому персоналу станет совет трудового коллектива. Другое дело, что при вашей подлинной заинтересованности в результатах работы огромный штат контролеров станет ненужным. Вы просто откажетесь платить им «содержание» и будете правы... А мои расчеты показывают, что таких «лишних людей» среди управленцев среднестатистического предприятия — около 60 процентов.

— **Теперь ряд вопросов относительно практического осуществления ваших идей. Первый: на предприятии, где начнется эксперимент, тоже, видимо, около 60 процентов управленцев не нужны. И что с ними? За ворота?**

— Нет, зачем же. Каждому «лишнему человеку», не имеющему высшего инженерного образования, — а таких на предприятии среди управленцев 70 процентов — будет предложено переучиться на рабочую профессию. В течение шести месяцев, при сохранении прежнего среднего заработка.

— **Неужто найдутся охотники сменить канцелярский стол на верстак или станок?**

— А если доходы при этом увеличатся в два раза? Я спрашивал у управленцев завода: «Сейчас ваша зарплата — 150 рублей, будет на рабочем месте — 300. Или же сможете трудиться за прежние деньги две с половиной смены в неделю. Согласны?» Положительно ответили девяносто пять процентов опрошенных.

— **Ну, хорошо — отправили управленцев к станкам. Где взять на всех рабочие места?**

— Сейчас завод работает в одну смену. Будет — в две. Если понадобится, то и в три.

— **Ладно. А если рабочий вашего «подопытного» завода действительно сделает вдвое больше продукции? Где взять дополнительные сырье, материалы? Все давно заказано, зафондировано...**

— Не забывайте: рабочий станет владельцем средств производства, сы-

Наше предприятие готовится к экономическому эксперименту... Впрочем, сейчас этим трудно кого-то удивить. Сейчас время поиска. Если хотите — время риска.

Трудовые коллективы ищут пути, как перестроить свою деятельность, как улучшить работу. В ходе этих поисков мы познакомились с теоретическими разработками кандидата психологических наук П. Е. Ельчанинова. Его предложения о коренной перестройке производственных отношений, о нормировании «снизу», об отмене зарплаты как формы оценки результатов трудовой деятельности показались сначала нереальными. Однако, разобравшись глубже, мы поняли, что осуществить их возможно. И решили провести такой эксперимент на нашем предприятии. Разумеется, осуществлять его будем по этапам, постепенно, советуясь с трудовым коллективом.

Опасаемся ли мы неудачи? Не искать, не пробовать, согласиться на застой было бы в десять раз опасней. В конце концов неудача не будет непоправимой. Всегда можно вернуться к исходному положению. А другие в случае нашего неуспеха получат опыт: так действовать нельзя.

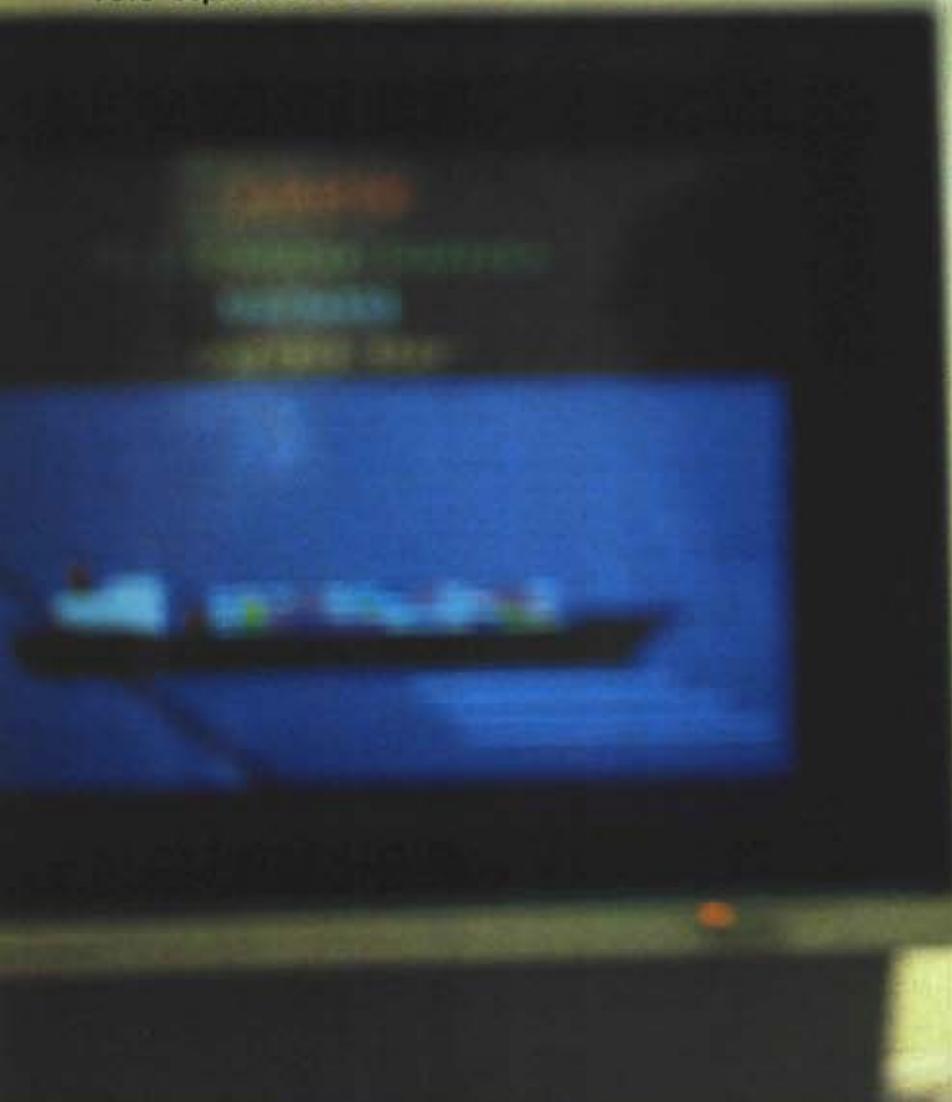
Но мы надеемся и верим, что экономический эксперимент в нашем объединении будет успешным. Страна получит дополнительную продукцию, рабочие — большие доходы и возможности раскрыть свои творческие способности.

А другие коллективы увидят путь, по которому стоит идти.

Юлий СЕРГИЕНКО,
генеральный директор московского НПО «Измеритель»,
Владимир КУФТИН,
секретарь парткома,
Сергей КОМАРОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ.

НА ЯВЫКЕ ДЕЛА

Игорь БАНДЕЛЮК,
секретарь
Одесского горкома
комсомола Украины
Фото Сергея ВЕТРОВА

*Инженер Олег Дубенко —
один из авторов программы
«Транспорт-90»*

Сколько времени прошло, а все не могу забыть случай, который произошел со мной в самом начале комсомольской работы. До сих пор перед глазами стоит лицо того парня, демобилизованного солдата, вызванного на бюро райкома в связи с потерей комсомольского билета.

— Понимаете, у меня в поезде украли бумажник, а там были все документы вместе с комсомольским билетом, — объяснял бывший десантник. — Виноват, конечно, надо было под подушку положить, да не догадался. Откуда ж я знал, что со мной в купе вор едет!

Ох, как мы тогда его «песочили»! Сколько обидных слов сказали! В чем только не упрекали солдата — и в политической безграмотности, и в потере комсомольской бдительности... Один из членов бюро договорился до того, что «такие вот безответственные товарищи комсомол

позорят». После этой тирады солдат встал и, не сказав ни слова, вышел за дверь. Его поведение мы сочли вызывающим и решением бюро исключили из рядов ВЛКСМ.

Через какое-то время я встретил его в цехе одного из одесских заводов. Разговорились.

— Спрашиваете, почему я тогда ушел с заседания бюро? Да потому, что очень обидно стало: я ведь в райком пришел бедой поделиться, своими переживаниями... — сказал парень. — А вы меня с апломбом стали во всех смертных грехах обвинять. Вот и не сдержался. Потом, конечно, жалел о своем поступке, но было уже поздно.

Вот так мы потеряли для комсомола хорошего парня, который мог бы стать неплохим активистом в своей организации. Кто виноват? Все мы виноваты, наше чванство, равнодушие, с каким отнеслись к судьбе конкретного человека. Лично для меня это стало суровым уроком, я понял,

Филофонистика —
собираение пластинок —
увлечение серьезное.

Группа «Провинция»
выступает перед рабочими порта.

В лаборатории НТТМ
Одесского института инженеров
водного транспорта.

Клуб общения «Арга».

что комсомольский работник не имеет права «судить и миловать», он должен попытаться понять каждого комсомольца, его поступки и заботы во всей их жизненной сложности. По-человечески.

Комчванство — болезнь застарелая, на необходимость изживать ее указывал еще В. И. Ленин. А в 30-е годы генеральный секретарь ЦК комсомола Александр Косарев на Всесоюзной комсомольской конференции сказал прямо: «Я лично знаю присутствующих здесь парней, которые подолгу не говорили с рабочей молодежью, кроме как на языке докладов». И, если откровенно, мы долгие годы, вплоть до XX съезда ВЛКСМ, говорили с молодежью именно «на языке докладов», не прислушиваясь к предложениям и мнениям юношей и девушек. Они нам о своих бедах и проблемах — мы им суем под нос инструкцию. Они к нам за конкретной помощью, просят содействия — мы вытаскиваем «цитаты»,

«учим жить и работать». Не потому ли комсомольцы перестали приходить в райкомы со своими заботами, наиболее важными вопросами? И это, как я сейчас понимаю, было закономерным явлением: многие комсомольские работники не знали, а иногда и не хотели знать, чем живет, что волнует молодежь в конкретных трудовых и ученических коллективах. Мы порой забывали, что комсомольская работа — это прежде всего конкретные дела и поступки. А ведь дел — больших и малых — у любого райкома и горкома десятки, сотни. Как выделить из них первостепенное? На XX съезде ВЛКСМ было четко сказано: нужно заниматься не бумаготворчеством, а живой организаторской работой на местах. Вот главное, с чего следует начинать перестройку в комсомоле. И надо не дожидаться, пока «сверху» разъяснят, укажут, а самим идти в первичные организации чтобы оказать деловую помощь, разрешить какой-то спор, поддержать инициативу...

В горьком стало известно, что в одной из одесских школ у ребят претензии к преподаванию общественных наук. Пришел в школу заместитель заведующего отделом пропаганды горкома Александр Шаулин. Поговорил с ребятами, поинтересовался, как работает школьный учком. «Формально работает», — признались ему ребята. Да и как может быть иначе, если секретаря школьного комитета комсомола не приглашают на заседания педсовета, а отношения у школьников с учителями словно в армии.

Или еще проблема. Во время трудовой практики ребята обтачивали металлические болванки, помогали местному заводу «Промсвязь». Заработали какие-то деньги, а куда они пошли — не знают. После разговора Шаулина с директором школы все стало на места. Криминала не было. Да только пришлось директору не только объяснять ученикам, на что ушло заработанное, но и дать слово, что впредь будет советаться в этих делах с учкомом. А председатель учкома и секретарь комитета комсомола получат доступ с правом совещательного голоса на педсовет. Словом, директор обещал сделать шаг к демократии.

Малое это дело или большое? Как посмотреть...

Можно было бы рассказать об опыте создания Одесского объединения молодежных клубов, получившего всеобщую известность. Об этом много писали, отмечу лишь такую любопытную деталь. Когда создавались одесский рок-клуб и студия брейк-данса, раздавались голоса, что, мол, среди поклонников модных увлечений немало наркоманов. Посоветовались мы и решили сделать так. Взяли списки членов рок-клуба и пошли в наркологический диспансер.

И выяснилось: ничего подобного, занимаются там нормальные ребята — рабочие, студенты, учащиеся ПТУ... Злопыхатели приутихли.

А как непросто решались судьбы молодежных жилищных кооперативов, строительство которых намечено начать в следующем году! Заговор Александр Волокитенко, что называется, сбился с ног, пока наконец бюро получило возможность утвердить списки членов первого из них — молодежного кооператива автосборочного завода. Казалось бы, средства у предприятия есть. Но, кроме бесчисленных согласований и увязок, например, необходимо согласие всего трудового коллектива предприятия. Тоже не пустяк: легко ли собрать тысячи людей? И это притом, что в течение полутора лет на заводе велось, подчеркнем, настоящее соревнование среди комсомольцев за право вступить в кооператив.

Откуда же взять время работникам горкома на бесконечные телефонные переговоры, встречи с людьми, на текущую работу, от которой нас никто не освобождал? Аппарат ведь небольшой, с десяток человек...

Выход, видимо, в том, чтобы создать несколько приоритетных направлений.

Скажем, строительство жилья и научно-техническое творчество молодежи. Главная же задача — расшевелить первичные комсомольские организации, привить им вкус к самостоятельности. Как добиться этого?

Важно, с чем идут работники горкома к комсомольцам. Говорю ребятам: наша цель — не контролировать, а помогать. Научитесь говорить с людьми — откроются вам проблемы, которые их волнуют. У кого-то получается, а некоторые, чего уж скрывать, еще в плену старых настроений. Мол, если пришел в первичку и увидел недостатки, надо непременно «накачать»! Якобы для поддержки престижа горкома. Нет, убеждаю их, так авторитет не завоеуешь. Его нужно зарабатывать конкретными делами, умением каждое из них — большое или малое — доводить до конца. Например, горком сумел поставить на ноги молодежный центр научно-технического творчества.

Какие задачи по плечу центру? Не

только товары народного потребления, но и разработки для внедрения в промышленности и в сельском хозяйстве.

В планах центра и международное сотрудничество, в частности с болгарскими специалистами. Речь идет о разработках системы компьютерной техники, обеспечивающей безопасность мореплавания, дизайнерского оформления одесских улиц и пляжей, проектирования молодежных кооперативных домов...

Одна из интересных задумок — квартал детского технического творчества. Суть в том, что в подвалах города появятся мастерские, открытые в удобное для ребенка время. Захотел что-нибудь сделать для дома или для игры — приходи, тут найдутся материалы и инструменты.

Задача центра — увлечь молодежь всех возрастов. Здесь будут ателье молодежной моды, где учащиеся ПТУ смогут выпускать небольшие серии модных изделий, специальные комиссионные магазины для продажи поделок юных умельцев. Допустим, тех же оригинальных игрушек, которыми магазины пока не особенно блещут. Спрос формируется с учетом только двух факторов: полезности разработки и ее рентабельности.

Вы спросите: неужели обошлось без проблем? Отвечу: как же в новом деле без них. Чтобы привлечь в центр побольше молодежи, необходимо взаимопонимание с руководителями предприятий. Далеко не всегда оно есть: многие хозяйственники считают создание временных молодежных коллективов модным поветрием. Со временем волна поутихнет, рассчитывают они, зачем лишние заботы? Я же убежден: центру жить. Пройдет несколько лет, создадим научно-исследовательский институт перспективных молодежных разработок.

Всегда ли мы, комсомольские работники, последовательны в своих действиях, всегда ли нам удается довести намеченное до конца? По правде говоря, когда как. Вот, скажем, история с клубом филофонистов «Ретро».

Долгие годы по выходным дням на живописных склонах Большого фонтана, обширной части одесского побережья, в парках и даже порой за городом — в лесопосадках, прилегающих к аэропорту, собирались люди всех возрастов и профессий. Юные поклонники «новой волны» и рока, более солидные держатели дисков с камерной и классической музыкой обменивались здесь грампластинками, обсуждали свои проблемы, бывало, и приторговывали. Милиция вместе с комсомольским оперативным отрядом, разумеется, не дремали, однако, согнанная с одного места, «дискотолкучка» удивительным образом собиралась в другом...

Наконец мы поняли, что не запрещать надо, а разрешать. И, разрешая, вести за собой. Открыли клуб филофонистов в кафе «Ретро». Теперь каждое воскресенье в 12 дня приходи в клуб, общайся на здоровье, благо что кафе в центре Одессы. Тут аппаратура для прослушивания дисков, совет клуба каждый раз готовит обзоры новинок...

Конечно, трудности есть. Скажем, как определить стоимость дисков? Как уберечься от спекуляции? Или что делать с записями ансамблей из разряда, скажем так, низкопробных? Мнения на этот счет порой расходятся, не раз приходилось «скрещивать копыта» с советом клуба.

Да, хлопотное это дело — клуб филофонистов. Но если мы доведем его до конца, тогда он оправдает свое назначение: прививать молодым людям вкус к музыкальной культуре. Впрочем, у комсомолов сейчас практически нет второстепенных дел. Все они так или иначе связывают горком и наши районные комитеты с молодежью Одессы. Помогают узнать, что ее волнует, что тревожит. И вот итог: к нам все чаще приходят люди со своими проблемами и заботами. Значит, они верят, что в комсомольских комитетах можно найти поддержку и понимание. А это для нас главное.

СМЕНА

Валерий Трофимов

В нашем традиционном Конкурсе одного стихотворения «Отчизне посвятим» жюри рассмотрело более 3,5 тысячи поэтических рукописей. Победителем 1987 года стал молодой автор из Казани Валерий Трофимов.

Редакция поздравляет его с победой и предлагает вниманию читателей подборку стихов.

Мне казалось, что первого снега я ждал...
И пошел он — легко и красиво,
Со страданием, нежен, как я и желал...
Ну дождался — подумаешь, диво!
Странно вспомнить, так некогда я торопил
Приближение любви... И в испуге —
О, костер ее тяжело гудел и чадил! —
Торопил приближение разлуки.
Так настойчиво я одиночество звал
И упорно в него погружался.
В ледяных и безлюдных пространствах блуждал,
У чужих отогреваться пытался.
Нет, конечно, мне нравятся снег, полутьма —
Как свежо, окрыленность какая!..
Но за этим последует вскоре зима,
Дымно-сизая и затяжная.
Хорошо, что не знаем мы, сколько нам жить,
Сколько снега и зим останется...
Так жалеть, восторгаться, прощать и любить,
Ошибаться — душа разорвется!

В прогалины меж туч прокалывались звезды.
Молочной полосой мерцал огонь Стожар.
Слезоточил июль. И поджигали грозы
Решетку нищих крыш сараев и кошар.

Я сторожил овец. И свечку к изголовью
Лепил, и книжку брал. Но делалось темней —
Как в книге Бытия, закапанные кровью,
Казалось, почернев, листья сплпались в ней.

В пахучий полумрак — с желтинкою огарка
Я осторожно шел... Шуршащий хлопок сенца
Одним касаньем губ брала, пугаясь, ярка
И дергала из рук сугубая овца.

Овечьих черных лиц печальные цепочки,
Свеченье бледных глаз, прекрасных и пустых,
Тягучий запах сна, подсохшие комочки
И жилковатый свет разрядов грозных.

...Овечий древний мир все глуше, деревянней,
Но кротость и тепло Земля еще несет...
Я гладил их бока. Трещал все окаянней
Навес. И холод плыл с клубящихся высот...

Наутро — чад пространств был желтый, мутноватый,
Как жир на остриях пастушеских ножей...
А равнодушный бог в земле солоноватой
Мешает кости коз, овец и сторожей.

Поэзия не спешит с подарками. Для нее будто и не существует «потока», а «перепроизводство» — скорее пролетающие сквозняки. Доступность письма обманчива, витиеватость иносказания стала почти нормой за счет откровения, подлинности. Шелестят страницы — птицы улетают и прилетают, текут реки размышлений о том о сем, обваливаются книжные берега, снобы группируются в стаи, подранки одиноко скользят по льду...

Но вот передо мной стихи Валерия Трофимова, собранные в книгу. Они еще явятся книгой, пройдет год, потом другой, кабы только так. А между тем поэт достиг перомонтовского возраста.

По родительской крови Валерий Трофимов и татарин, и русский. Говорят, метисы — удачливые дети, не пересчитаешь родинок. Я вижу так: равнинная, овражная песоствель, ударившись с разбегу об Урал, схватила хребтину и раскатилась холмами, вскипела водой и просияла просеками, а очнулась точно на середине земли и успокоилась наконец-то, очарованная высоким небом.

В характере поэта уместно это очарованное спокойствие глубоких озер, простирающихся далее, низин поля и задумчивой прозрачности сквозных рожиц на сухих пригорках.

Природа совершает в нас свои превращения, благие и жестокие. Совершает, помечая каждого отдельно и радостно, и тоской в неизбывности желаний, и прозрениями в должный час, и тихой горестью отчаянья.

Утренний дождь

Потушу дежурный свет...
 Дворик серенький согрет
 Утренним дождем, и слышно,
 Как дрожит он, каплет, льет —
 Звуки все наперечет —
 Голуби ворчат под крышей.
 Рассветает. Месяц май.
 Первый прогремел трамвай.
 Кажется, как в раннем детстве,
 Счастье будет... И такой
 Теплый у дождя настрой.
 Так легко на сердце!
 Спят больные. Где нам спать!
 Выйду просто постоять
 На крыльцо больницы —
 Стены все теплей, светлей...
 Ничего плохого в ней
 Больше не случится.
 Воздух дышит и живет...
 Хриплым голосом поет
 Форточка в дежурке.
 Со страданьем и бедой
 Свежий, чистый, молодой
 Дождь играет в жмурки.
 Он, с повязкой на глазах,
 О несчастьях, о слезах
 Рассказать не может —
 Ловит, ловит лишь кусты,
 Стены, лавочки, цветы...
 Нет еще прохожих.

Помню зимние потемки,
 Света зыбкое пятно —
 Лунный луч, холодный, ломкий,
 Тонкий, падает в окно.

Пахнет нежными духами.
 Мелом пахнет от стен.
 Вспоминаю под руками
 Хрупкость худенькой спины.

Светят тихие созвездья,
 Стужей веет от дверей.
 Нам бы век стоять в подъезде
 У горячих батарей.

Но шепчу я торопливо:
 «Нам бы только угол свой,
 Как бы жили мы счастливо!
 Как бы жили мы с тобой!»

и громким восторгом любви. Совершает, несколько не заботясь о рачительности или скупости. Никакой избирательности в ней, природе, нет, ни пасынков, ни сирот, ни отщепенцев, ни дармоедов, ни баловней для нее не существует: полной мерой отдаст, во сто крат заберет.

И все-таки откуда же берутся непредсказуемые поэты, эти счастливые странники среди людских печалей и бесконечности земных дорог?

Перед нами сложившийся в 27 лет поэт, элегичный, не сбивающийся с чистого тона, невозмутимо-своеобразный, как бы постоянно поверяющий себя летом снега или косеньким пробегом листа по темной земле, тенью и лучом, по внутренней сути, а не по внешнему красноречивому жесту. Ни броских рифм, ни скороговорки подчеркнутого ритма, ни заёмной интонации... все куда как просто, глубоко и обязательно.

К тому же он психиатр, профессионал в совершенно неизведанной области человеческого сознания. Случаются, значит, и такие совпадения, узелки для памяти грядущему.

Мне бы хотелось, чтобы читатель разделил со мной удивление, выделил Валерия Трофимова из ряда или «вала» версификаторов, скорее пересекающих в неподходящем месте улицы поэзии, чем постигающих обыкновенную радость бытия. А она-то, радость бытия, осознается «слухом» крови, как вечное движение в пространстве мира.

Рустем КУТУЙ

В дремотных недрах леса разлита
 Зеленовато-сумрачная свежесть...
 То пропадет в потемках, то забрежит
 Карминных бабочек немая суэта.

То бронзовый тяжелорогий жук
 Неспешно пролетит, минуя ветки.
 То пухлобрюхий вкрадчивый паук
 Проявится пятном на тонкой сетке.

Ну да, конечно, тысячи смертей
 Ежеминутных, скрытых, незнакомых...
 Тупая деловитость насекомых,
 Жестокостью участи не знающих своей.

Но вот стемнело... Покидаем лес.
 Редееющие скраю колоннады.
 Ночных существ кишачих мириады
 Он приподнял на ветках до небес.

А ночь звенит и более того,
 Как будто шепчет теплыми губами,
 Что в жизни нет случайных между нами,
 Никто из нас не хуже никого.

Последний снег

Последний снег похож на первый снег...
 Косым потоком рушатся снежинки.
 Рябит и меркнет воздух полужидкий.
 Чуть различим сапог рифленый след.

Членистоногим венчиком дрожит
 Промокший куст, как тазики со студнем,
 Объемы луж, но дырками прошит,
 Пришит, как праздник, снег последний к будням

И с ними схож по множеству примет.
 Вот беспокойно, ветрено и сыро
 Он завалил, заштриховал полмира.
 Но как-то тускло — ...листьев красных нет.

И все же белый марлевый полет
 Над бурой грязью, мусором, уродством
 Облезлых трав и веток не дает
 Совсем отвергнуть праздничное сходство.

Взгляну в окно на побеленный двор,
 Отбросив прочь неточные сравнения...
 Вот он, как есть, — на грани потепленья...
 Неповторимость каждого мгновенья
 Мне стала страх внушать с недавних пор.

Христо ДОБРОТИНОВ

РАССКАЗЫ

3

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ...

дание военного училища построено уже очень давно, и все с нетерпением ждут дня, когда будет завершено новое неподалеку от города. Полковники частенько заговаривают об этом, представляя себе удобные кабинеты, а расстояние не пугает их, ведь у всех есть легковушки. Мечтает о новом училище и молодой взводный командир — лейтенант Петр Стоянов. Высоченный, косая сажень в плечах, смуглолицый, он похож на тех офицеров, чьи снимки украшают обложки военных журналов, однако самого его фотографии-журналисты еще не «открыли». Петр Стоянов и не подозревает о том, как привлекательно выглядит со стороны. Душа его пребывает в растерянности, а новое военное училище видится ему землей обетованной.

На первый взгляд никаких особенных оснований для душевных мук у лейтенанта вроде бы и нет. Дни его текут ясные, как стеклышко, — утренняя поверка, проход по кабинетам, иногда «окна»: курсанты слушают лекции какого-нибудь полковника-преподавателя, а Петр Стоянов в это время читает книгу, а то и в картишки найдется с кем перекинуться в соседней комнате. Обедает лейтенант дома, квартира его в двух шагах от училища, он торжественным шагом направляется в кухню, приоткрывает одну за другой крышки кастрюль, вздыхает от полноты души и облизывает увлажнившийся жиром палец, жена готовит великолепню.

После обеда лейтенант моет посуду — надо же вносить свою посильную мужскую лепту в домашнее хозяйство — и по давней привычке растягивается на кушетке, не скинув сапог. Подремлет часик, потом умоется холодной водой и, несколько расслабившись, чуть припущив после сна, возвращается к своему взводу. Там наблюдает за самоподготовкой, курсанты постреливают глазами в его сторону — такими они хотели бы видеть себя в будущем, — а Петр Стоянов молча дожидается конца своего «рабочего времени» и задумчиво чертит квадратики в блокноте. Перед уходом лейтенант снова оглядывает курсантов, говорит себе, что не надо быть с ними слишком строгим, строгость рождает страх, а страх, в свою очередь, порождает ненависть, поэтому он улыбается, улыбка его красива: белые зубы на смуглом лице, он прощальным машет рукой и отправляется домой, теперь уже до завтрашнего утра. Медленно поворачивает он ключ в замке, на кухне светится жена — низкорослая, широкая, с маленькой кудрявой головкой. Лейтенант наклоняется и целует ее, затем садится на ближайший стул. В кухне настает тишина, жена смотрит сердито, Петр догадывается и спрашивает, как прошел день. «Спасибо, хорошо», — отвечает жена и бросает несколько колкостей по адресу какого-то доцента. Петр Стоянов понимающе кивает, проблемы морфологии его совершенно не интересуют, но надо же показать свое уважение к интеллектуальному превосходству супруги, она у него ассистент в университете, человек ученый, держит в доме кучу странных и ненужных книг, например, «Морфологию глагольного вида в современном болгарском языке» или «Семантику глагольных приставок и ее отношение к видовому значению глаголов»: лейтенант кивает одобрительно, и мысль его постепенно замирает. Часто молодое семейство отправляется в гости по соседству, к родителям жены. Лейтенант собирается долго и старательно, как на парад. В общем-то оно и понятно, тесть — полковник, заместитель начальника военного училища по строевой части, и хотя Петру не очень-то по душе его сморщенное лицо, но воинское подчинение заставляет молодого человека гладко побриться, нарядиться в новый костюм и подобрать подходящий галстук. Обычно после подобных визитов он чувствует себя совершенно опустошенным, волочит сильные свои ножицы по ступенькам и долго не может заснуть в уютной спальне, украшенной гарнитуром «Альбена» — подарок тестя.

Иногда выдаются на долю Петра Стоянова ночные дежурства, в другой раз бывают учения, и эти две недели затаивания в полях и на сеновалах, ползания по-пластунски по закруженным холмам воспринимает он как драгоценные мгновения истинной жизни. Кровь его разыгрывается, и под вечер в муравьином движении воинской колонны Петр Стоянов вдруг ощущает дыхание живой земли, это напоминает ему детство, и сердце в груди сжимается от сожаления о невоз-

вратном. Петр Стоянов серьезно пересматривает свою жизнь.

Странные запахи прокрадываются в бронетранспортер — тянет свежим сеном, коровьим навозом, речной прохладой. Село, где жил маленький Петр, сжалось в горах, сейчас оно почти опустело, уходят люди на равнину, и мало кто возвращается назад к своему прошлому. Только отец Петра, старый бай¹ Тотё, не трогается с насиженного места, словно вжившись в свои воспоминания. «Здесь родился я, здесь жизнь прожил, с фашистами бился, здесь и помру». — И он зажигает короткую сигарету. Иной раз наезжают к старому Тотё его боевые друзья — партизаны, уговаривают его оставить горы, но отец Петра непреклонен. «Вон пусть Пешко на равнину спускается», — посмеивается старик, указывая на сына. Петр Стоянов кивал седовласым отцовым приятелям, а спустя год поступил в ближнем городке в электротехникум.

Когда он окончил техникум, бай Тотё решил, что сын должен стать офицером, должен стоять на защите Родины. Военное училище находилось аж в центральном городе округа, старик облачился в лучший свой костюм, отец и сын торжественно уселись в расшатанный автобус и спустя три часа вышли на автостанции в окружном центре. Прошел месяц, экзамены Петр Стоянов выдержал.

Потом был торжественный день присяги... Слаженный курсантский строй... Заслуженный генерал... Марш перед знаменем... Обед на казарменном дворе... Радостное лицо старого Тотё... Внезапно отец вздрогнул, выскочил из-за стола, и плач, казалось, задрожал от его возгласов: «Колё! Колё!» Все обернулись, Петр Стоянов смутился. Этот самый Колё отмеренным шагом двигался навстречу его отцу, широко раскинув руки. Они крепко обнялись, троекратно поцеловались, долго глядели друг другу в глаза, потом вернулись к трапезе. «Здорово, молодец!» — проговорил Колё, а Петр Стоянов ответил: «Здравия желаю, товарищ полковник!», — потому что Колё был не кто иной, как полковник Стефанов, заместитель начальника училища по строевой части; человек весьма суровый, настоящее пугало для новобранцев. Однако сейчас Колё беззаботно улыбался, вновь и вновь вглядывался в глаза старого Тотё и повторял: «Какое время было, а! Какое время!» И память вводила их по дорогам юности, когда они защищали завоевания революции. «Слышишь, Пешко, — обращался бай Тотё к сыну, — мы ведь с ним вместе в отряде были, вместе глядели смерти в глаза». Петр Стоянов кивал. Полковник предложил отправиться к нему домой: «Жена-то как обрадуется!» «А курсант наш как же?» — спросил бай Тотё. «Что ж. И он пусть заглядывает на огонек, может, когда и помочь ему смогу».

Они не спеша вышли из ворот, дежурный отдал честь, Петр Стоянов смущенно улыбнулся ему. Дом находился совсем рядом, новый, недавно законченный, лестницы еще пахли стерильным дыханием извести. На третьей площадке Колё шагнул вперед и позвонил, дверь распахнулась, на пороге девушка.

— Знакомьтесь, моя дочь!

Петр Стоянов покраснел и заметил, что дочь низкорослая, широкая, с маленькой кудрявой головкой, скорее некрасивая, чем симпатичная, однако в конце концов эти его выводы были всего лишь констатацией факта, и незачем было придавать им особенное значение. У входа курсант по-прежнему, еще домашнему навыку снял обувь и остался в зеленых нейлоновых носках. Три часа, которые он провел в этой квартире, были до краев заполнены чувством неловкости. Он сидел, опустив глаза на квадратный ковер, весь в оранжевых и коричневых полосах, и лишь изредка вглядывался на полковника и его дочь. В комнату вошла крупная, очень смуглая женщина, жена полковника. Начались вопросы.

— Где вы учились? — спросила дочь.

— В электротехникуме.

Мать молчаливо и внимательно оглядывала мужественные черты курсантского лица, широкие мужские плечи. Затем и она вступила в разговор — оказалось, Елена учится на филологическом факультете, на первом курсе. Петр Стоянов улыбнулся. Далее выясни-

лось, что Елена поступила самостоятельно, без всякого учета отцовских заслуг. Последовала новая курсантская улыбка. На прощание Елена обратилась к молодому гостю: «Если хотите, можете мне позвонить. Хорошо ли вы знаете город?»

Далее все развивалось вполне логично. В воскресенье в полдень Петр трепещущим голосом спросил в телефонную трубку, дома ли Елена. В сущности, он смутно понимал, зачем он это делает. В жизни его, полной дисциплины и военных наук, не хватало разнообразия. «Да, это я», — ответил женский голос, и Петр на скорую руку приобрел два билета в кино. В темном зале он был почти счастлив, часть дня обрела новый смысл, а в перспективе новый смысл обрели уже все отпускные дни, и некрасивая Елена казалась ему богиней, той самой древней красавицей из «Илиады»...

Постепенно молодые люди сдружились. Петр Стоянов все чаще появлялся в квартире на третьем этаже, и даже присутствие полковника уже не так смущало его. «Послушай, Колё, — обращалась жена к мужу, — ты вообще-то как, интересуешься судьбой Пешко?» Петр Стоянов вздрагивал и расправлял широкие плечи. «Да нет вроде», — честно признавался полковник. «А стоило бы!» — замечала супруга. «Я поинтересуюсь», — обещал полковник. И словно по мановению волшебной палочки в жизни Петра Стоянова наступили перемены. Ему предоставили отпуск в удобное для него время, его назначили командиром отделения, экзамены прошли просто великолепно. Но за спиной у него начались перешептывания, а ротный старшина, личность упрямая и скандальная, улыбался ему при встречах.

Обучение подходило к концу, и вот в один прекрасный день супруга полковника, предварительно услав куда-то дочь, завела с Петром тонкую беседу:

— Ты, Пешко, скоро заканчиваешь училище, Елена тоже кончает университет...

Петр Стоянов понял, куда она клонит. «Я...» — начал было он, однако договорить ему не дали...

— Если вы поженитесь, ты, конечно, останешься тут, сделаем вам квартиру, нечего шататься по каким-то пограничным гарнизонам...

Внезапно по лицу курсанта пробежала тень. Он тоже думал о женитьбе, но намерения его были честными, он просто считал себя обязанным жениться, ведь, встречаясь с ним, Елена потеряла несколько лет.

— Ты не беспокойся, Колё все уладит.

Курсант заморгал.

— Ну, кажется, мы поняли друг друга, сейчас я позову Елену, сделаешь ей предложение по всей форме.

Петр Стоянов взволнованно встретил свою будущую жену, начал запинаться и наконец выдал из себя, уставившись в пол:

— Пойдешь за меня?

— Да, — ответила Елена, помолчав, казалось, она только что приняла это важное решение, — да, милый.

Свадьбу справили что надо! В лучшем ресторане, с двумя оркестрами. При каждом «Горько!» Петр Стоянов добросовестно склонялся к невесте. Бай Тотё и полковник погрузились в свои нескончаемые воспоминания, а приятели Петра, расположившись за самым дальним столом, считали, что ему очень повезло. Действительно он обеспечил себе неплохое будущее, после распределения его оставили в училище взводным командиром. Молодая семья получила квартиру, тесть подарил спальную гарнитуру «Альбена», бай Тотё дал деньги на телевизор и новый шкаф, вещи понемногу начали заполнять пустое пространство комнат, насыщая его ароматом уверенности и спокойствия. Это спокойствие расстилалось и в мыслях Петра Стоянова, он почти не сердился, когда жена все чаще начала приглашать своих коллег из университета, где уже была ассистентом на кафедре, начала вести с ними долгие и сложные разговоры, бросая, как бы между прочим, «мой сейчас принесет то-то и то-то, мой сейчас сварит кофе». «Мой» покорно исполнял эти полуприказы, на лице его играла ясная улыбка, он явно желал понравиться избранному ученому обществу, обжудавшему в облаках сигаретного дыма некие загадочные темы. Петр Стоянов тоже начал курить. «И охота тебе!» — досадовала Елена, но он усердно пускал дым, и глаза его весело смеялись. Коллеги быстро учуяли доброту преданного супруга и рассыпались в иронических похвалах военным.

¹ Бай — так почтительно называют в Болгарии пожилых мужчин.

«Да,— выпячивал грудь Петр Стоянов,— мы стоим на страже...» Но его поспешно прерывали, и в прокуренной комнате снова воцарялись сплетни о профессоре древнерусской литературы и о его ассистенте. К полуночи гости расходились. Хозяйственная Елена распахивала окна, и супруги переходили в спальню, украшенную гарнитуром «Альбена»...

А потом получилось так, что Петр добровольно начал заступать на ночные дежурства. В который раз перечитывал он инструкцию на случай внезапной тревоги, и эта самая тревога медленно зарождалась в его душе. Дело дошло до открытого конфликта в один субботний вечер, когда Петр Стоянов пригласил в гости двух своих друзей. Они пришли в военной форме и скромно присели к столу.

— Елена! — окликнул муж, — чем угощать будешь? Из двери соседней комнаты выглянула маленькая кудрявая голова.

— Сейчас, — мрачно ответила жена.

— Айда к нам! — призывал Петр Стоянов.

Его друзья, лейтенанты, крупные, крепкие парни, приветствовали хозяйку, один из них галантно подвинул стул, чтобы она могла расположиться поудобнее.

— Мерси, — обронила холодно Елена и замолкла.

Общение явно не задалось. Заговорили было о погоде, затем о футболе и, наконец, о последних учениях, эта тема искренне волновала лейтенантов, лица покраснелись, голоса зазвучали громче, вспомнили, как штабной генерал назначил совещание, как был нанесен успешный удар противнику, но левый фланг наступал недостаточно быстро, потому что подполковник Янко — недотепа, и пришлось капитану Симову самому решать тактическую задачу... Трое мужчин улыбались друг другу, в душах их нарастало дружеское чувство взаимной близости. Елена, до сих пор сидевшая словно оцепенев, с остекленевшими глазами, вдруг пошевелилась: — «О боже, какие глупости!»

Офицеры виновато переглянулись.

— А? Что? Какие глупости? — не понял Петр.

— Все! Вся ваша болтовня.

И тут лейтенант Стоянов не выдержал, словно розовые очки слетели с его глаз и перед ним предстала сама истина — приземистая, злобная, с маленькими глазками и мерко завитой головой.

— А о чем, по-твоему, мы должны говорить?

Елена тоже ощутила перемену и не ответила.

— Так! Ну, говори! — Петр размахнулся и ударил ее по щеке.

Лейтенанты схватили его с двух сторон и повалили на кушетку. Елена вспыхнула и бросилась в спальню. Там она пролила две злые слезы, поспешно оделась и убежала в соседний дом, к родителям. В то же самое время Петр Стоянов, словно скованный былинный богатырь, метался на кушетке и несвязно повторял, что вовсе не любит эту страхолюдину, что у нее злое сердце, что ее приятели-интеллигенты на самом деле простофили невероятные, на переподготовку бы их всех, узнали бы почем фунт лиха!

— Попадись они мне только! Я им устрою веселую жизнь на плацу... Морфология, синтаксис, Маркестаркес... Простофили... И как я только согласился на такую змеюге жениться!...

Друзья молчали, удерживая его своими железными руками, но под конец не выдержали и расхохотались в полный голос. Смех их успокоил молодого человека, Петр затих. Они все снова присели к накрытому столу. А к полуночи по комнате разносились несвязные слова простых народных песен.

Елена вернулась только через три дня.

— Отец тебя вызывает.

— Куда? В казарму?

— Нет, к нам.

Они молча вышли, поднялись на знакомый третий этаж. Елена позвонила, дверь отворилась. Воспоминания повлекли лейтенанта к началу, к тому дню присяги: вот сейчас Елена встанет в дверях, время повернется вспять и можно будет все исправить... Но в коричневом прямоугольнике возникло усталое лицо полковника Стефанова, лейтенант козырнул и зачастил:

— Товарищ полковник, лейтенант Стоянов по вашему приказанию явился!

Полковник в домашней свободной куртке, должно быть, почувствовал себя неловко. «Вольно! — наконец догадался он. — Входи!»

— Слушаю! — Петр Стоянов вступил в знакомую прихожую. Сели. Наступило долгое мучительное молчание.

— Папа! — не выдержала дочь.

Полковник молчал, не поднимая глаз.

— Мы все поняли! — воскликнула Елена.

Петр Стоянов поднялся. В душе его возникла жалость к полковнику, та самая жалость, какую он когда-то испытывал к своему скорбленному старому отцу.

— Все ясно, товарищ полковник, не беспокойтесь. — Петр вышел с достоинством победителя...

Улицы почти пусты, в окнах светятся телевизоры, их немигающие голубые глаза пристально вглядываются в Петра Стоянова. Он останавливается, город ему тесен, десять минут вперед, десять — назад, по полчаса в обе стороны, и только далеко сверху темнеет безбрежность пространства, молодого лейтенанта одолевают мечты о романтике далеких гарнизонов, о суровой пограничной тишине. Однако постепенно ночной холод охватывает его тело, и Петр Стоянов вздрагивает. «Надо вернуться», — думает он. И по привычке вступает на знакомые улицы, бодро шагает к дому, в спальне светится окно. «Плачет, наверно», — думает Петр о жене. Поднимаясь по лестнице, он решает держаться гордо и твердо, не понимая, что, в сущности, именно в этой последней гордости и выражается его поражение... А после в муравьином движении воинской колонны лейтенант будет искать странные, невозможные решения, к концу учений ярость его спадет, и только где-то в глубине души останется смутно тлеть унылое недовольство жизнью, которое он сам едва ли сможет себе объяснить.

Когда меня спрашивали, чем занимается мой отец, я отвечал гордо: «Журналист!» — и бросал направо и налево вызывающие взгляды. Слово «журналист» должно было внушать уважение, а отец мой плелся по тротуару шаркающей походкой, слабо улыбаясь и вежливо приветствовал знакомых.

Говоря о его профессии, я не углублялся в подробные разъяснения. Маргарита, например, любила рассказывать, как отец ее ругает учителей на педсоветках, как наставляет их, чтобы были с нами поостроже, а главное, чтобы не допускали опозданий на утреннюю зарядку. Отец Маргариты работал директором школы, в которой мы учились, а до того служил офицером на границе. Утреннюю зарядку он считал основой всякой дневной деятельности. Пока мы выполняли упражнения, а учитель физкультуры выкрикивал свои «раз-два» в микрофон, я представлял себе отца. Вот он переходит улицу, вот входит в редакцию городской газеты, на первом этаже — огромный почтовый ящик, он отпирает ящик и начинает медленно подниматься по витой деревянной лестнице, бережно обнимая обеими руками кипу газет и писем. Редакция помещалась в доме бывшего фабриканта, в гостиной, где некогда звучало пианино, теперь расположились культурный и сельскохозяйственный отделы, а в прежнем чайном салоне стучали пищащие машинки. Аромат дорожного чая все еще пропитывал стены, отец иногда входил к машинисткам, раздосадованно приносивался и бормотал: «И жили же кровопийцы!»

Когда мы с Маргаритой постепенно подружились, я почувствовал себя счастливым. Все мальчишки из нашего класса мне завидовали. Из школы мы с ней возвращались вместе. А по пути беседовали о самых различных вещах и наконец остановились на проблеме отцов.

— Журналист, — повторила она задумчиво и совершенно логично продолжила, — значит, он пишет.

Мне ничего не оставалось, как подтвердить. Я прекрасно знал комнатушку моего отца в редакции. Два или три раза мне случалось побывать там. Отец тяжело опускается на стул, машинка у него старая, не пробивает заглавных букв, отец вскидывает правый палец, тишина вздрагивает от первого удара, затем сыплется уже целый град ударов, бумажный лист чернеет от множества отчетливых знаков, и в конце концов раздается злое скрежет — журналистское вдохновение иссякло.

Между тем Маргарита продолжала развивать свои умозаключения: если он пишет, значит, он печатается, а если печатается, значит, можно прочесть его произведения.

— Мне бы хотелось почитать что-нибудь его...

— О, разумеется!...

На другой день я приволок два последних номера местной газеты, торжественно развернул, и мы побежали глазами по фамилиям, которыми были подписаны короткие заметки. «Вот!» — Маргарита указала пальцем на фамилию моего отца. Я начал читать вслух: «Нет покоя механизаторам специализированного хозяйства по разведению телят в Хаджидимитрове». Мы расхохотались, и тут мне вдруг вспомнилось, как отец тихо выходит из дома на рассвете, выливает в ближнем кафе одну маленькую чашечку кофе и отправляется на автостанцию, в его черном портфеле болтаются два блокнота и три авторучки, когда кондуктор автобуса пробивает ему билет, отец бережно прячет билет в бумажник, придется ведь отчитываться о командировке...

— Что за чушь! — Маргарита потянулась за второй газетой. На этот раз знакомая фамилия стояла под следующими строками: «Следует обратить внимание на то, что за последние годы увеличилась закупка винограда, фруктов и сахара, которые идут не только на компоты, мармелад и конфитюры, но употребляются также для приготовления домашнего вина и ракии».

— Я не пью! — сердито отрезал я и взял газету из рук девочки, собственно говоря, мы собирались в кино. Но насладиться фильмом в полной мере мне так и не пришлось: одолели гневные мысли об отцовских «шедеврах». На прощание Маргарита сказала, что мой отец — литературный неудачник, где-то она читала о таких, им кажется, что они могут создать что-то стоящее, а ничего не выходит, они страдают и в минуту отчаяния могут даже посягнуть на свою собственную жизнь. «Ты следи, может, у него в портфеле нож или яд».

— Вот мой отец, например, — продолжала девочка, — посмотри, какой он целеустремленный, это у него еще с армии осталось, если уж он сказал, так чтобы «будет сделано!» Видел, как все на физзарядку являются!...

А мой отец, журналист, сходил с автобуса, по дороге на свиноферму выкуривал одну сигарету, входил в комнатушку дежурных, здоровался с каждым, присаживался на расшатанную табуретку и вынимал из портфеля новый блокнот и авторучку. Задавал вопросы и быстро записывал цифры. Наконец заполнено достаточное количество страничек, отец прощается с каждым и по дороге обратно позволяет себе выкурить еще одну сигарету. Поросята весело похрюкивают вслед, а отец задумчиво продолжает свой путь, и даже начавшийся дождь не может заставить его ускорить шаг.

— По-моему, — разъясняла Маргарита, — ты должен помочь отцу преодолеть творческий кризис. Сначала ты будешь указывать ему на его ошибки, посоветуешь не писать о чем попало, потом познакомишь его с современной художественной литературой, пусть учится. Все писатели когда-то учились. Возьми, предположим, какой-нибудь роман Хемингуэя и незаметно подсуни ему. Он обязательно заинтересуется и прочтет, а потом поговорите о персонажах, о творческой манере и о других литературных проблемах. Вот увидишь, твой отец понемногу изживет комплекс неполноценности, распрямится в полный рост и будет равняться по Хемингуэю. Вот тогда-то он и бросит писать разную чушь! Понятно?

Я утвердительно кивнул, хотя душа моя почему-то металась в смущении. Все же я решил послушаться Маргариты. Целенаправленная, как ее отец, директор школы, она наверняка знала жизнь лучше меня... А мой отец продолжал объезжать округ, вот построили несколько химических предприятий, и переплетение заводских труб заставило отца приостановиться и поразмыслить об ускорении ритма нашего бытия, вот отец входит в целлюлозный цех, вынимает свой извечный блокнот и беседует с рабочими, те меряют его удивленными взглядами, этот тихий человек вроде бы не похож на журналиста, но все же они отвечают на его вопросы, отпускают несколько соленых шуток по адресу администрации, отец благодарит и продолжает свой путь. В прядильном цехе воздух раздражающе-душен, отец хватается опасливо за сердце и решительно пускается между станков, следя за тонкими нитями искусственного шелка...

— По заданию редакции? — спрашивает начальник цеха.

— Да, — отвечает отец и записывает цифры выполненного планового задания... Далее он направляется в здание администрации, десятиэтажное, оно расположено прямо у входа на обширную заводскую территорию, мимо отца торгивают пробегает рослые мужчины и молодые девушки. Профсоюзный комитет на четвертом этаже, не стоит вызывать лифт, отец стучит в знакомую дверь и еще с порога задает вопрос, построили ли общежитие для молодых рабочих.

— Дрыхнут эти чертовы строители! Дрыхнут, как медведи по берлогам! — оправдывается председатель профкома. — Наплевать им на сроки, видишь, какое дело бумажное собралось!

Отец пересматривает бумаги в объемистой папке, затем вынимает блокнот и что-то переписывает.

— Так, так! — возбужденно возглашает председатель профкома...

— Сам-то ты не спи! — бросает отец...

Я решил начать с известного романа «Прощай, оружие!». Взял книгу в библиотеке, сам прочел за два дня и тайком сунул в прикроватную тумбочку.

— Готово! — похвастался я Маргарите. — Операция «Хемингуэй» в самом разгаре.

— Подожди! — охладила девочка мои восторги. — Посмотрим, каков будет результат.

Результат, однако, оказался не особенно блестящим. Книга попала в руки моей мамы, а поскольку работа ее была преимущественно вечерней — она примеривала артистов в городском театре. — мама принялась днем читать «Прощай, оружие!». Я пытался убедить ее оставить книгу, но она не соглашалась. К тому же еще читала она ужасно медленно, по десять страничек с утра, днем после обеда она предпочитала соснуть. А отец возвращался к шести, если не был дежурным по выпуску газеты. Он осторожно входил, заглядывал на кухню и, если еды не оказывалось, брал две авоськи и отправлялся по магазинам. Вечером он читал газеты, потом включал телевизор и уставло глядел на экран.

Пришлось взять еще одно произведение Хемингуэя — «Праздник, который всегда с тобой». Маргарита улыбалась иронически, но я оставался оптимистом. И эту книгу я положил в тумбочку и принялся ждать. Но отец, казалось, ничего не замечал. Спустя неделю на обложке образовался тонкий слой пыли.

— А ты уверена, что мой отец неудачник? — спросил я Маргариту.

— Литературный неудачник, — дополнила она. Я покачал головой и решил на крайние меры. В тот же вечер подстерег отца, и, пока он просматривал газеты, я прочел вслух несколько пассажей из «Снегов Килиманджаро». Голос мой звучал, по моему же мнению, крайне выразительно, и хоть какого-то эффекта я должен был достигнуть. «Почти у самой западной вершины лежит иссохший и оконеченый труп леопарда, — декламировал я. — Никто не может объяснить, что искал леопард здесь, на такой высоте». Отец с удивлением посмотрел на меня.

— Какой стиль! — воскликнул я. — Роскошь! Человек должен стремиться именно к такому совершенству.

— Да, — ответил отец.

Теперь я каждый вечер встречал его фрагментами из всех переведенных на болгарский язык знаменитого американца.

— Если ты имел счастье в юности жить в Париже, — вопил я, — то где бы ты потом ни оказался, Париж остается с тобой, потому что Париж — это нескончаемый праздник!

Отец соглашался, повторял задумчиво: «Париж» — и добавлял, что никогда там не был... Иногда ему приходилось бывать в суде, где слушались дела разных мошенников и даже убийц. Он тихо входил в судебный зал, садился на последнюю скамейку, издала кивал прокурору. Начиналось слушание дела. Остриженный наголо преступник сидел на скамье подсудимых, отец вглядывался исподволь в черты его лица, может быть, пытаясь понять, почему же все-таки совершилось убийство или кража, и что-то записывал в неизменный блокнот. Из суда он возвращался расстроенным.

А я упорно читал вслух. «Макомбер» стрелял прямо в морду животного и попадал выше, чем нужно, и сыпались чешуйки тяжелых рогов, и в тот самый миг, когда, казалось, буйвол проткнет охотника, миссис Макомбер в автомобиле пускала в ход свой манлихер калибра 6,5 и попадала мужу в голову...

— Да, — соглашался отец, — здорово, и вправду здорово!

— А ты почему не попробуешь так писать? — решил я спросить напрямую.

— Не могу, — был ответ.

— Нет, можешь! — Я не сдержался и повысил голос: — Можешь, надо только преодолеть литературную депрессию.

— Какую депрессию? — В голосе его слышался интерес.

— Литературную. И единственный выход для тебя — равняться по Хемингуэю.

— Ладно, попробую. — Отец улыбнулся. — Обещаю тебе.

На следующий день я похвастался перед Маргаритой достигнутым успехом.

— Чудесно! — Она поцеловала меня в щеку. — В конце концов наша задача — правильно направлять родителей.

Мы отправились в кино, и я снова не следил за тем, что делается на экране.

— Кто его знает, что еще получится! — сказал я Маргарите у выхода, поскольку меня снова одолели сомнения.

— Вооружись терпением, — доверительно прошептала она. — Смотри, как все на утреннюю зарядку собираются, вначале так не было. Хорошее внедряется постепенно.

Спустя неделю я купил очередной номер газеты, руки мои дрожали, пока я разворачивал листы. Статья, подписанная знакомой фамилией, тотчас же бросилась в глаза. «Трудно работать, когда сталкиваешься с равнодушием, — прочел я. — Вот взять хотя бы членские взносы...» Дочитать я не стал. Это оказался очерк о председателе квартального комитета Отечественного Фронта. Вечером дома я был настроен саркастически.

— Обещаешь, значит! — резко начал я. — Обещаешь, а не исполняешь! Вот это что? — Я размахивал газетой. — Это ничего не стоит, знай!

— Стоит, — тихо ответил он, — стоит столько, сколько наш хлеб...

И я вдруг вспомнил, как бережно прижимает он к груди свежеспеченную буханку...

А потом, спустя несколько лет, я женился, и у меня родился сын. А Маргарита продолжала твердить свое: отец мой литературный неудачник, никакой он не журналист, и двух мнений по этому вопросу быть не может! А я ей не возражал, ведь она как раз кормила нашего малыша.

В нынешнем году Советские Вооруженные Силы отмечают свое 70-летие. Боевые подвиги славных сынов Отчизны, даты великих сражений, имена выдающихся полководцев навечно вписаны в историю страны. Сегодня по предложению читателей «Смены» мы объявляем конкурс знатоков военной истории, который будет проводиться совместно с ЦК ДОСААФ СССР. На вопросы конкурса просим отвечать в том порядке, в котором они заданы.

Ваши ответы, уважаемые читатели, должны состоять из двух частей: в первой — точные и лаконичные ответы на вопросы конкурса, а во второй — расширенный комментарий к ним.

Ссылка на источник ответа обязательна. Последний срок отсылки писем с ответами — 30 марта по почтовому штемпелю.

Письма, поступившие позже, жюри конкурса рассматриваться не будут.

Победителя конкурса ждет памятный приз ДОСААФ, а двадцати пяти лауреатам будут вручены книги и дипломы ДОСААФ и журнала «Смена».

Желаем удачи, знатоки!

1. Награда — орден или медаль — знак воинской доблести, символ героизма и отваги. А какова предыстория наград? Известно, что первые воинские награжденные медали были введены на Руси Петром I. Как награждали отличившихся в допетровские времена? Что было прообразом современной воинской награды?

2. Военно-воспитательная система, созданная А. В. Суворовым и нашедшая свое выражение в «Науке побеждать», стала одной из основ создания Красной Армии, армии нового типа. Какие именно из суворовских заповедей и в каком документе

дошли они непосредственно до каждого красноармейца, вставшего на защиту завоеваний Октября?

3. Когда и в связи с чем в Советской Армии появились погоны?

4. Рука об руку с советскими солдатами против немецко-фашистских захватчиков боролись воинские формирования других народов Европы. Кто первым из иностранных граждан был удостоен звания Героя Советского Союза и сколько всего иностранцев заслужили во время Великой Отечественной войны это высокое звание?

5. Одна из кульминационных сцен фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский» — поединок русского полководца с магистром крестоносцев. Древнее искусство владения холодным оружием в конном бою прекрасно знали и некоторые командиры Красной Армии. Один из них и поставил знаменитый исторический эпизод, и снялся в нем сам. Назовите его фамилию и воинское звание.

6. Как возникали воинские награды в советское время? Есть ли прямая связь какой-нибудь награды Великой Отечественной войны с наградами русской армии? Если есть, то какая именно?

7. В 1990 году исполнится 200 лет славной суворовской победы в русско-турецкой войне 1787—1791 годов — взятие Измаила. Это событие нашло отражение в изобразительном искусстве того времени. Назовите имя, даты жизни, воинское звание русского художника-баталиста, первым запечатлевшего на своем полотне этот штурм.

8. «Равняйся! Смирно!» — звучит команда на плацу. Лица воинов напряжены. «Шагом марш!» Строй на секунду замер и дружно шагнул с левой ноги. Почему именно с левой?

9. С каких пор существует в России деление на военные округа, сколько их было первоначально и с именем какого военного деятеля это связано?

10. 29 июля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден орден, названный именем великого русского полководца Суворова. Его наставлениями и заветами умело пользовались не только сухопутные военачальники, но и моряки. Назовите контр-адмирала, одним из первых получившего орден Суворова I степени за умелое руководство боевыми операциями по высадке десанта на Черноморском побережье в 1943 году.

11. Есть люди, которые совершали один и тот же подвиг дважды. Крым был последним оплотом белогвардейщины в гражданскую, освобождали его и в Великую Отечественную, и кратчайшим путем к победе был путь через гнилое море Сиваш. Интересно, что оба перехода связаны с именем одного и того же человека. Кто этот славный герой?

12. 2 августа наша страна отмечает день рождения Воздушно-десантных сил. В этот день 1930 года на войсковом учении Московского военного округа под Воронежем на парашютах было выброшено небольшое десантное подразделение. Скажите, когда и кем была предпринята первая в военной истории высадка с воздуха?

13. Кто является инициатором идеи о ведении широкой пропаганды военных знаний в масштабах страны? Какое общество стало прародителем современного ДОСААФ?

14. Когда впервые была отмечена необходимость развернуть подготовку кадров массовых технических профессий в первичных организациях ДОСААФ? В связи с чем она возникла?

рья, материалов. Значит, он будет расходовать их бережливеем образом. За счет экономии можно произвести гораздо больше продукции, чем сегодня.

— А вы не опасаетесь, что рабочие вам не поверят? Скажут или хотя бы подумают: «Мы раскроем резервы, а завтра эксперимент «прихлопнут», и нам повысят нормы и срежут расценки». И будут работать, как прежде: пряча свои трудовые возможности.

— Опасаюсь. Именно это — самая серьезная угроза эксперименту. Многим не забыть, что зачинатели очень нужных экономических движений — шекспировцы, например, оказывались в конце концов «в ловушке». Об этом будем говорить рабочим. Убеждать. С парткомом предприятия у нас взаимопонимание полное.

— И последний вопрос: вот я, рабочий, буду оплачивать труд директора — я понимаю, что без него мне не обойтись.

А кто будет доплачивать до полной зарплаты тому, кто в силу необходимости вынужден тратить рабочее время на общественные дела?

— Вы же. Но, естественно, вы не станете платить демагогу и карьеристу. А если этот человек будет по-боевому отстаивать ваши права в совете трудового коллектива? Если вы увидите реальные плоды его деятельности: с ним вам работать и жить лучше?

— Пожалуй, я на это соглашусь... Вспоминаю свои студенческие стройотряды. Ведь мы оплачивали труд освобожденного комсочара отряда. И не жалели об этом. Комиссар умел любое, казалось, изначально скучное мероприятие превратить в захватывающее действие. И каждый из нас открывал в себе какие-то способности: художника, артиста, поэта... Отдыхая вместе, мы сплывались. А значит, работали потом лучше. И зарабатывали больше...

— Вот видите...
— Спасибо, Павел Егорович, за беседу. Думаю, через некоторое время мы вернемся к этому разговору и подведем итоги эксперимента.

Беседу вел
Сергей ЛИТВИНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы хотели бы рассказывать о том, как отрабатывается эксперимент на «Измерителе». Что нового появится в отношениях на предприятии, как поведут себя молодые рабочие, какое место в экономической перестройке займет заводской комсомол — надемся, это заинтересует читателей.

Кроме того, думаем, у молодежи накопились и другие вопросы по поводу перестройки экономики, о месте в ней молодежи. Мы стараемся ответить на них в нашей новой рубрике «Школа экономики». Ее авторами станут экономисты, социологи, психологи, комсомольские работники, юристы, молодые практики перестройки — рабочие, специалисты, ученые. Напишите, с кем вам хотелось бы встретиться, о чем услышать.

Перемены затронут всех. Поэтому они всех и волнуют. Не будем копить неясности для курилок. Обсудим их со знающими людьми.

ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ

И ПОМНИТЬ ВЕК ЗА ДНЯМИ

Алексей НИКОЛАЕВ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

Именно в этом сочетании слов заключен смысл того, о чем пойдет речь. Убедили меня в этом несколько дней, проведенных с участниками клуба «Добрая воля», появившегося два года назад в Тобольске с целью помощи городским реставраторам. Видимо, эту миссию выполняет он неплохо, если и местная и центральная пресса не обходят его вниманием. Сделано действительно много. Но думаю, все-таки это не единственное и даже не главное его достоинство. Впрочем, все по порядку, и прежде ответить придется на два вопроса.

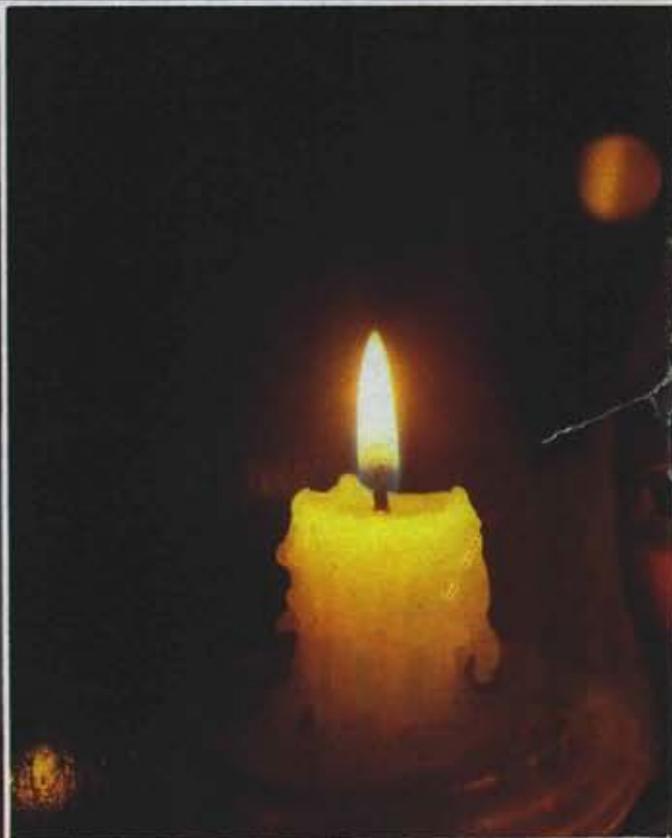
В чем причина, по которой возникла «Добрая воля»? И почему возникла она в Тобольске? Начнем со второго.

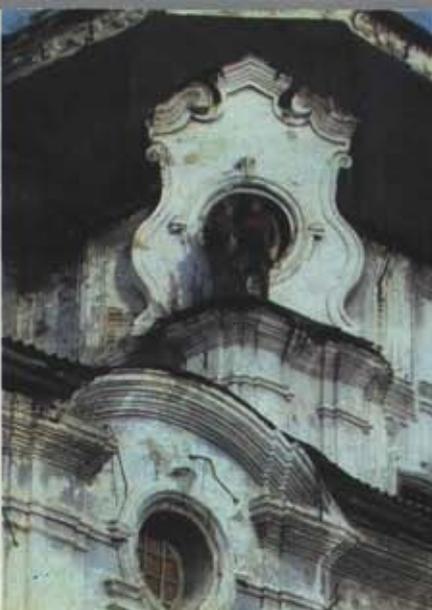
Исторический корень города — в далеких, ермаковых временах... Шесть лет минуло после битвы у Чувашского мыса, когда из устья Тобола вошла в Иртыш ведомая не воеводой, а письменным головой Данией Чулковым флотилия. В свежерубленых ладьях ловили ветер, подгребали к земле длинными веслами полтысячи казаков. Уткнулись ладьи в низкий луговой в излучине Иртыша берег. Над ним крутой, оврагами изрезанный, высоко вставал яр с плоской вершиной — немереными верстами, не ведомая никому лежала окрест Сибирь. Оттого, видно, и не положили себе казаки пути обратно-

Сердце города —
Тобольский
кремль.

В новом районе.

Портрет Ермака из местного музея.

го — взялись за топоры и тотчас крушить принялись крепко сработанные лады. Тем лесом поставлен был на скорую руку «ладейный острожек» — одним концом под горой, другим над нею и нареченный по месту Тобольском. С того — 1587-го — года и пошел счет его векам.

Но ни божьей волей, ни человеческой силой не оборониться было новому русскому граду от врага по тем временам лютейшего — пожаров. В иные годы изрядные куски отхватывал у города огонь. Случалось, весь до последней избы и церкви обращался в пепел, но всякий раз упрямо рубили его сызнова, покуда не увенчался крутой яр белокаменным на вершине кремлем. Тогда, оттеснив соперников, утвердил себя Тобольск «столицей всей Сибири».

Без государева спросу, без оглядки на зауральские столицы торговал Тобольск с далекими странами, строился наособицу, летописи творил, печатал книги — все в столь изрядной широте и разумении, что наравне с Москвою, Новгородом, Киевом на всех европейских значился картах, но ни с одним другим ни обликом, ни духом пребывал несхожим. Не в малых и случайных, а в главных и обильных потоках протекала через Тобольск история России.

Недюжинный край недюжинных рождал и людей; да и так изначально повелось, что и царева Россия, сама того не ведая, век за веком Тобольску в том пособляла: упрятать от греха подальше и с глаз долой бунтаря иль вольнодумца — надежней Тобольска в обширной России места было не сыскать. Только вышло: они-то, вольнодумцы и бунтари,

обозначили собой национальную нашу гордость...

Не берусь, однако, свести к нескольким строкам историю города, которой и в многотомных трудах, за четыре столетия о нем написанных, тесно. Но об одном рубеже — к пояснению дальнейшей его судьбы — сказать нужно.

Первый двадцативерстный железный путь из Петербурга в Царское Село не предвещал, казалось, крутых перемен российской истории, но скоро на свой лад пошла перекраивать Россию «чугунка», и красные с белым «николаевские» вокзалы как бы обозначили на ней клеймо нового времени. С приходом железных дорог под стены древних наших городов на глазах двух-трех поколений круто менялся уклад, и самая их жизнь иными обернулась ликами. Города росли, богатели, но и то правда, что в материальном достатке художественный вкус подменялся купеческим, а та же коммерческая надобность без меры венчала их фабричными трубами, того не разумея, что уходит с нею память об истории отечества.

Оглянувшись на прошлое, увидим мы, что ревнителей прогресса «любой ценой» и в прежние времена с избытком хватало. Нынешний рубеж перед экологическим пределом не нами одними; конечно, положен — по наследству достался от времен, когда коммерческий аппетит перевесил потребность духовную, а мы чуток, или побольше того, добавили. Но не в том толк, чья вина всемог, а в том, как бы не утратить ее теперь и разумом опытным поставить прогрессу меру безопасную. Сам он и дал нам в руки все, чтобы необходимые людям химкомбинаты не строить в Новгороде, на берегу Байкала, Ладоги или под боком у Ясной Поляны, и чтобы повысить урожайность на юге, совсем необязательно поворачивать туда северные реки... Не о том? Нет, о том и все к тому, что, доживи Тобольск в неприкосновенности до нынешних времен, грозному его соседу — тринадцать лет назад начато, а ныне почти завершенному химическому гиганту — сыскалось бы, конечно, иное место — велика Сибирь и окрест старинных городов.

А ведь история Тобольска сама по себе к тому, казалось, и шла. Случаем ли, экономическими какими расчетами миновала город, стороной обошла в свое время Транссибирская магистраль и тем уберегла в неприкосновенности изначальности неповторимый его облик. Тому случаю (или расчету?) обязаны мы тем, что вошел Тобольск в число ста пятнадцати исторических наших городов, которым, по статусу им данному, надлежит об этом помнить. Беда вот — не всегда памяти хватало.

В прошедшем говорю времени потому, что эта «страница истории» относится к 1972 году. «Технической» какой-то голове вздумалось поставить телебашню — где бы вы думали? — на Красной площади! Да так поставить, чтобы был ей подножием белокаменный кремль! Горячую ту головушку остудило время. А вот трибуна стадиона опирается на стену кремля, разделка для спортсменов преспокойно обретается в его башне и по сей день. Статус исторического города не защитил Тобольска и от двух гостиниц-коробок в нескольких шагах от кремля — подумать можно, что «охранные зоны» или фикция для отчета, или резиновыми обладают свойствами. Иначе не объяснишь.

Конечно, города растут и с этим нельзя не считаться. Но и с тем считаться нужно, что у городов исторических своя судьба, свое будущее. Многие годы рост, а сказать бы вернее: обречение исторических наших городов преподносилось как некое достижение, причем умалчивалось, чего это «достижение» стоит. Поставят на окраине индустриальный гигант, не подумавши при этом, что и гиганту расти свойственно, и вот уже сжимает он в могучих объятиях окрестности, а там — если не корпусами цехов, то жилыми коробкообразными комплексами к самому центру,

глядишь, вылез, отодвинув «утвержденные» охранные зоны, и царят, царят уже над городом с многовековой историей подпирющие задымленное небо трубы с аккуратно выложенными кирпичиком датами — чтоб не забыли сей судьбоносный для города рубеж.

Ныне и не всякий фотограф, а большой только мастер своего дела, исхитрится снять в таком городе два-три слайдика заповедной старины, а чуть подынешь голову, глазом в сторону поведешь, и на всю заповедную эту старицу, на историю, статусом неприкосновенности облаченную, глядишь как сквозь замочную скважину...

А ведь задолго до 1969 года, когда принято было решение начать здесь строительство нефтехимического комбината, академик А. Окладников предлагал для Тобольска «ростово-суздальский вариант»: заповедник и на его базе — туризм... Ныне в Тобольске снимать приходится только кремль. Что сказать о других историко-архитектурных памятниках города — о несравненных его храмах в стиле не повторенного нигде «сибирского барокко»? Приезжая нынче в Тобольск, созерцают туристы из окон специально построенной для них новой гостиницы одну из жемчужин тобольской архитектуры XVIII века — храм Петра и Павла — вкупе с буйной флорой, растущей из его стен и кровли... А другие памятники? Их — и культовых, и гражданских вместе с домами Ершова, декабристов и других, кто след оставил в истории Тобольска и России — великое в городе множество. И великое это множество — в запустении крайнем.

Многое меняется в нашей жизни, порой и быстрое перо не поспевает за событиями, но в деле охраны и реставрации памятников горизонты не проясняются до сих пор. За исключением, быть может, того, что вправде мы критиковать сегодня всех, кто в этом повинен. Но пользуясь правом, грешим иногда, ошибаясь частенько адресом, потому как истинный — вроде как бы и не адрес. Попробуем не повторить этой ошибки применительно к Тобольску.

В трудные годы работали здесь истинные подвижники своего дела: автор проекта восстановления кремля Елена Прокопьевна Щукина и реставратор-архитектор Федор Георгиевич Дубровин. Их заслуга и многих, кто работал с ними рука об руку, что есть у нас сегодня Тобольский кремль. Но не их вина, что по-прежнему одно поколение реставрационных лесов сменяет другое. Это — прямая вина не практиков-реставраторов, которых принято почему-то допекать «долгостроем», но тех самых «начальных людей», как в старину говаривали, а в наше время номинально причисляемых к делу по ведомству реставрации. Система инструкций, по которым действуют управленцы, настолько запутана, что человек непосвященный не видит за ней самых простых вещей.

Часто слышим да и читаем о том нередко, что мало, мол, средств отпускается на реставрацию. А разобраться, не избыток ли этих самых средств, если с благословения «начальных людей» так нерасчетливо и попусту они тратятся? Извольте пример: по существу расценкам гроши платят за тяжелую (и в физическом, и в моральном смысле) работу по расчистке памятников от мусора, выборку грунта — за все то, без чего реставрация попросту не может начаться. Зато ставить леса, менять их через каждые несколько лет — статья самая что ни на есть доходная: каждый раз тысяч пятьдесят — шестьдесят, глядишь, и «освоено».

Предъявляя претензии за медленные темпы реставрации, должны мы отдавать себе отчет, что менее всего повинны в этом люди, занятые непосредственно на памятниках. Вина вата допотопная система расценок, делящая все работы на выгодные и невыгодные для организации, которая этими работами руководит. Тут уж и не до памятника вроде. Не нужно быть мудрецом,

БЕСТОКОИЧ

Вячеслав НАРЫКОВ,
преподаватель,
Курск

■
*Талантлива ты, отчая земля.
Талант был место выбрать для Кремля.
Талант был,*

*глядя на лучины свет,
Увидеть старт космических ракет.*

*И бунтари — таланты на Руси.
Об этом кровь бунтарскую спроси.
От гениальной искры Октября
На полпланеты вспыхнула заря.*

*А бездарь может Родину сберечь?
Талант великий выковать свой меч,
И встретить с ним все воды,
все огни —*

*От стрел хазар
до крупновской брони.
Но час пришел.*

*Отчизна, дай талант
Мир удержать, как небеса атлант,
Чтобы потомок, стоя у Кремля,
Подумал вдруг:*

«Талантлива земля».

Александр МОРОЗОВ,
оленьевод,
г. Томмот Якутской АССР

Это полюс моей надежды

*Полюс холода. Полюс холода.
В трех шагах не видать ни зги.
Хрустнет сталь, морозом расколота,
И рассыплется на куски.*

*И не скоро туман развеется,
И полгода до теплых дней.
Здесь нельзя на металл надеяться,
Здесь надеются на людей.*

*Пусть метелью глаза мне режет,
Ты отсюда меня не зови,
Это полюс моей надежды,
Это полюс моей любви.*

Юлдуз МУХТАРОВА,

школьница,
Ташкент

■
*На синем уснувшем небе
Я вижу крылатые звезды...
В златом одеянии месяца,
Манящий своей красотой...*

*И кажется мне, будто звезды
Роняют прозрачные слезы,
И месяц в раздумье печальном
Качает короной златой...*

Валентин СИДОРОВ,

экономист,
Москва

Обелиск

*Навечно голос связан немотой,
Рук не поднять —*

как спутанные кони.

Зерном лежит солдат

в земной ладони,

Чтоб прорасти в нас

мирной правотой.

чтобы понять: тех, кто трудится на площадке, такая система не устраивает, но она вполне по душе тем, кто «руководит» реставрацией из кабинета.

Этой болезнью давно страдает весь огромный организм нашей реставрации. Она не так видна в больших городах, но в малых, к каким принадлежит и Тобольск, лицезреть ее приходится на каждом шагу. Так, несколько поколений лесов сменилось на одном из уникальнейших памятников Тобольска — церкви Михаила Архангела; стоят в лесах, очередной смены ожидая, другие. А в это время маломощный реставрационный участок города, напрягая все силы, три с лишним года уже «плюхается» в подвалах гостиницы двора, выбирая тяжелый грунт — в час по чайной ложке и не по своей, как вы понимаете, вине. С ужасом, по его выражению, смотрел начальник тобольского участка на церковь Михаила Архангела, где нужно было выбрать полтысячи кубов грунта-пльвуна, прежде чем начать давно запланированную реставрацию. Кто это сделает? Те несколько мастеров-каменщиков, жестянщиков, класных столяров, у которых своей квалифицированной работы непочатый край? Да ведь и их-то — по заведенной кем-то практике — постоянно «таскают» в областной центр. Но не в обиду будь сказано, в большой Тюмени нет и десятой части таких сохранения достойных памятников, какие есть в маленьком Тобольске. Зачем же и кому это нужно, чтобы и без того маломощный реставрационный участок исторического города тянуть на «областные нужды»?..

Вопросы, вопросы... Море вопросов. Но в этом море и ответ на те два, поставленных нами вначале: в чем причина, по которой возникла «Добрая воля», и почему именно в Тобольске?

Надеюсь, теперь понимает читатель, что возникла «Добрая воля», как говорится, не от хорошей жизни. Вызавшая ее появления ситуация такова: с одной стороны — прошлое города, историческая его насыщенность, с другой — запустение, доведенное до степени крайности.

Да, много лет ждал Тобольск помощи «сверху», и когда ждать стало уже немощу, помощь эта пришла, но — «снизу», по этой самой причине и став сразу камнем преткновения.

Нет, что касается тобольских реставраторов, которые сами задыхаются от непосильных обязанностей, они сразу все поняли, гарантировав работу на зное количество лет. Но ведь «Доброй воле» нужен был какой-то статус, которого реставрационный участок при всем желании дать не может. Нужно в конце концов к кому-то прислониться. Судя по целям, клубом поставленным, прямая вела дорога в Тобольское отделение общества охраны памятников.

Дверь с соответствующей табличкой не сразу, но отыскалась — прослышали, что есть в городе такое отделение, где собирают членские взносы. Но в данном случае шла речь не о взносах, и «добровольцы» наткнулись на отказ. Аудитория у председателя отделения общества завершилась простой, как бильярдный шар, и столь знакомой нам фразой: «Вот если к нам придет инструкция сверху, мы вас примем».

Не буду рассказывать, каких только порогов не обили «добровольцы» в поисках пристанища — от мощного треста до дома пионеров, но в качестве курьеза скажу, что обращаться пришлось даже в городское общество трезвости. Прошу извинить за случайное и похожее на каламбур совпадение, но, буду-

ВНЕ СЕРДЦА

Виктор КСЕНОФОНТОВ,

лесник,
г. Хомак, Сахалинская обл.

Детство

Я пойман объективом в детстве —
На фотографии стою
Такой, что, даже приглядевшись,
В себе себя не узнаю!
И не войти уже в другой раз
В ту, пожелтевшую с краев,
Такую жизнь, — что я, не горбясь,
Весь поместиться мог в нее!..
Да и припомни-ка попробуй,
Что возомнить мог о себе
Тот мальчик, вскинув подбородок,
В нарядной, уличной толпе...

Иван РЖАНОЙ,

электромеханик,
г. Чапаев

■
Сижу в ожидании чуда,
курю табачок-крепачок.
«А чуда, приятель, не будет, —
сказал мне
один старичок. —
А чуда не будет,
покуда
сидишь, набивая живот.
Не чудо ли девонька Люда,
что в доме напротив живет;
не чудо ли
рощица эта
и эта хмельная река;
не чудо ли эта планета,
что носит тебя на руках!»

Дорогие друзья!

Под таким девизом
проходит наш традиционный конкурс
одного стихотворения. Напоминаем
условия конкурса: в нем могут принимать
участие все, кто пишет стихи (кроме
членов Союза писателей СССР).
Необходимо указывать профессию, имя,
отчество, фамилию, возраст, домашний
адрес.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Итоги конкурса подводятся в конце
года, победители награждаются
дипломами и премиями «Смены». Но
самой приятной, мы надеемся, наградой
победителям станет публикация подборки
их стихов.

Желаем успехов!
Ждем ваших писем.

Борис ГАЙКОВИЧ,

служащий,
Москва

Суворовец

Смешной,
с ушами, как вареники, —
Предвосхищая жизнь свою,
Он букв еще не знал.

А верите —
Левобланговым был в строю;
Знал распорядка власть суровую,
Ловил трубы литой сигнал...

Суворов,
Чтобы стать Суворовым,
С солдата тоже начинал.

чи людьми трезвыми, там развели рука-
ми: «Мы-то здесь при чем?»

Случилось, однако, что во главе
«Доброй воли» оказался человек тоже
предельно трезвый и столь же энергич-
ный. Подробнее о Людмиле Захаровой
еще скажу, а пока приведу подписан-
ную ею заметку в городской газете,
появившуюся там по той простой при-
чине, что, помыкавшись, потолкавшись
среди мощных и не очень мощных орга-
низаций города, Захарова сочла за бла-
го, не ожидая официального признания
клуба, начать работать. Вот эта заметка:

«Пишу от группы энтузиастов, люби-
телей тобольской древнерусской архи-
тектуры. Мы решили в свое свободное
время помочь реставраторам. По суб-
ботам с 9 часов утра до 1 часа дня
будем работать на Михайлоархангель-
ской церкви, Софийском соборе, в под-
валах гостиного двора и других объек-
тах. Работа на первых порах малоквали-
фицированная — уборка мусора. На-
деемся, что в наши ряды вольются
и специалисты — строители, каменщи-
ки, кровельщики, столяры. А пока глав-
ные наши инструменты — носилки и ло-
пата.

Итак, всех, кто хочет помочь восста-
новлению тобольских памятников архи-
тектуры, приглашаем 1 февраля
к 9 часам утра. Сбор в «домике садов-
ника», справа от музея. Форма оде-
жды — рабочая. И не забудьте, пожа-
луйста, рукавицы».

Никаких эмоций и — целая про-
грамма!

Теперь давайте подумаем и, руку на
сердце положив, ответим: кто должен
откликнуться на такое приглашение?

Трудно сегодня найти человека, ко-
торый так или иначе не хотел бы по-
мочь восстановлению памятников —

все мы возмущены их запустением. Ну
а сколько из нас, возмущающихся, руку
приложит, чтобы делом помочь пресе-
чению этого бедствия? Кто работать
захочет так, как сказано об этом выше?
Но вот в субботу 1 февраля 1986 года,
хоть и ударил в Тобольске мороз сибир-
ский, люди пришли — двадцать четыре
человека. Скажете, маловато для ста-
тысячного города? А я скажу, нет: учи-
тывая все изложенное — совсем не
мало. Сегодня же на «добровольче-
ские» субботники приходит от пятиде-
сяти до восьмидесяти человек, и вот
это мне кажется — маловато. Поче-
му — объясню чуть позже, как, впро-
чем, и то, в чем причина и кто в этом
повинен. Теперь же — о костяке «Доб-
рой воли», ядре, что ли, которое сло-
жилось за эти два года.

Конечно, даже бегло невозможно
рассказать об участниках клуба —
школьниках, студентах, учащихся ПТУ,
рабочих, военнослужащих, учителях,
врачах — и не только по причине их
многочисленности, но и потому, что
многие из них «тянут» на отдельный
очерк. В самом деле, разве неинтерес-
но было бы рассказать об одном из
активнейших «добровольцев», дед ко-
торого, возглавляя в 30-е годы обще-
ство воинствующих безбожников в То-
больске, по долгу нелегкой, так ска-
зать, службы, крушил те самые памят-
ники, которые его внук сегодня восста-
навливает? Ведь между этими поколе-
ниями — история страны и поучитель-
ная диалектика. Быть может, потому
внук не скрывает этого эпизода фа-
милльной истории, чем и пользуюсь,
называя его имя — Борис Эристов, рабо-
тает в краеведческом музее.

Подробно следовало бы рассказать
и о бетонщике с химкомбината Эдике
Седенко. А коротко — вот что. Приехал

на стройку с комсомольским отрядом;
из отряда остался один. В «Доброй
воле» с первого дня; работает — залю-
буешься. На своей основной работе
«вкальвал» по две смены, чтобы зара-
ботать отгулы для поездки в Москву,
в Фонд культуры — по делам «Доброй
воли». Записался на прием к Г. В. Мяс-
никову, первому заместителю предсе-
дателя правления; просил принять на
десять минут. Проговорили полтора
часа...

Думаю, однако, что судьбы других
«добровольцев», пути, которые привели
их в клуб, также могут быть темой
отдельного рассказа. Такими заметками
заполнен мой тобольский блокнот.
Приведу несколько строк, касающихся
организатора и сегодняшнего лидера
клуба Людмилы Захаровой:

«Работала начальником строитель-
ной лаборатории треста «Сибпромэкс-
кавация». Много ездила в командиров-
ки — Сургут, Уренгой и т. д. Удручало
удивительное однообразие новых горо-
дов — казалось, город сам по себе,
а люди сами по себе. Возвращение
в Тобольск всегда было праздником,
который омрачался только запущенно-
стью города и памятников. Отсюда —
первая мысль о «Доброй воле». Орга-
низация клуба отнимала много време-
ни; начальство глядело косо на эту
затею. Ушла на другую работу. На
прежней выходило до 460 руб. На но-
вой — 120 руб. Двое детей».

Листок из блокнота — слово в слово.
И теперь ничего не добавляю — нужно
ли?

Надеюсь, другие участники «Доброй
воли» не осудят автора за несправед-
ливое умолчание их имен и заслуг. Но
думаю, несколько исправлю эту неспра-
ведливость, подводя итог ими сделан-
ному: постоянная работа в Тобольском
кремле, на гостином дворе, заверше-
нная уже на церкви Михаила Архангела
и, видимо, к завершению близкая на
другом тобольском шедевре — церкви
Захария и Елизаветы; подготовка
к окончательной реставрации домов
Ершова, Фонвизиных, Муравьева; на-
конец, подготовленная советом клуба до-
кументация и план-схема «Обоснова-
ния историко-культурных зон Тоболь-
ска, подлежащих сохранению, рестав-
рации и музеефикации».

Но повременим, однако, делать выво-
ды, которые, исходя из перечисленно-
го, уже делались в разное время моими
коллегам. Не хочу повторять ошибки
журналистов, даже в центральной пе-
чати сообщавших, что в Тобольске
«Доброй волей» реставрирует памятни-
ки в то время, как городской реставра-
ционный участок мышей, как говорит-
ся, не ловит. Нет и нет! Свидетель-
ствую и в свидетели беру самих «доб-
ровольцев», которые стесняются по-
добных заявлений. Более того, дают
опровержения, до читателя, впрочем,
почему-то не доходящие. Представьте
себе их положение, когда оператор те-
левидения снимает работающих на
площадке реставраторов, а диктор за
кадром говорит о «Доброй воле»; и это
в городе, где все друг друга знают.
Скажем четко: «Доброй волей» помо-
гает реставраторам, но никогда, превра-
тившись даже в мощную организацию,
реставраторов заменить не сможет.
Противопоставление «Доброй воли»
реставраторам — досадная журналист-
ская неаккуратность. Но будем спра-
ведливы к обеим сторонам. На сей раз
в свидетели беру тобольских реставра-
торов, которые откровенно говорили
автору, что без помощи «Доброй воли»
реставрационный участок не смог бы за
это время «поднять» того, что на се-
годняшний день общими силами в То-
больске сделано.

Но есть у «Доброй воли» задачи,
в выполнении которых ее никто заме-
нить не может: она и только она созда-
ет сегодня в городе тот нравственный
климат нетерпимости к безразличию,
которое в отношении историко-культур-
ного наследия, увы, царило в Тоболь-
ске до появления в нем «Доброй
воли». Опасаясь кривотолков, форму-
лирую четче: в конечном счете речь
идет о воспитании душ и воспитании не

словом, но делом. В этом смысл и идея
«Доброй воли».

Здесь позволю себе некоторое пред-
положение. Если бы идея клуба стала
частью культурной политики города,
а рискну добавить — и области, то
наши представления о Тюменском се-
вере значительно расширились бы и до-
стоинства его измеряли бы мы сегодня
не только тоннами нефти и кубометра-
ми газа. Думаю также, что те, кто едет
сюда с одним только намерением «за-
воевать Сибирь», помнили бы, что
это сделал уже Ермак, и сберечь се-
годня эту землю, историю ее и куль-
туру — задача не менее важная и по-
четная.

Пока это только мечты, о чем и гово-
рит картинка, мною в Тобольске уви-
денная: недалеко от могил декабри-
стов огромные теплицы химкомбината
с великолепными цветами, а на могиле
Кюхельбекера лежит поролоновая
роза...

Самое время теперь поговорить
о тех, кто отношения к «Доброй воле»
не имеет и по разным причинам иметь
не хочет.

Здесь, впрочем, найдем ответ и на
мое замечание по поводу того, что
пятьдесят — восемьдесят человек на
субботниках «Доброй воли» сегодня
мало.

Зная, что подавляющее большин-
ство «Доброй воли» — комсомольцы
или люди комсомольского возраста,
естественным было желание автора по-
дробнее узнать о связях городского
комитета комсомола с клубом. Но когда
мне сказали, что никаких связей нет,
признаться, я не поверил. Не мог повер-
ить, что горком не заметил инициати-
вы, которую должен был бы подхва-
тить, ведь речь-то идет о воспитании
молодежи!

В кабинете первого секретаря горко-
ма комсомола Андрея Калинина и вел
автор об этом разговор. Хозяин — сим-
патичный, голубоглазый и улыбочивый
парень, — не из тех, кто, как я понял,
привык оправдываться «объективными
причинами» или уходить от ответа. Он
искренен: «Да, конечно, здесь наша не-
доработка — проглядели!..» Ну хорошо
(хотя, если серьезно, это совсем нехо-
рошо), пусть проглядели появление
в своем городе «Доброй воли», но
с того времени прошло два года. Каж-
дую неделю «Тобольская правда» пе-
чатает приглашения на субботники,
а говорю я с человеком, под началом
которого многие десятки первичных ор-
ганизаций, и состоят в них люди с креп-
кими руками и двумя выходными дня-
ми в неделю. Не могу же я подумать,
что организационная помощь «Доброй
воле» первому секретарю горкома ком-
сомола не под силу, — это значило бы
усомниться в его авторитете. Кроме
того, приглашения на субботники не
могут пройти мимо глаз и самих горко-
мовских работников. Будем, впрочем,
точными: когда в Тобольске собрались
на совещание вторые секретари райко-
мов комсомола области, хозяева
устроили встречу с «Доброй волей»,
чтобы показать одну из достопримеча-
тельностей своего города. А дальше?
По моим подсчетам, «добровольче-
ских» субботников за это время было
уже более сотни, и, по моим сведени-
ям, работников горкома комсомола не
видели ни на одном, хотя, как мне
известно, у них тоже два выходных дня
в неделю и, думаю, руки способны
удержать не только телефонную
трубку.

Простите, Андрей, но вашу фразу
о том, что сегодня «Доброй воле» вро-
де бы и не нужно уже помогать, потому
что она сама кому хочется поможет,
я воспринимаю как шутку. Также мне
не хочется думать, что этот разговор
в кабинете будет единственной причи-
ной появления вас и ваших товарищей
по комсомольской работе на субботни-
ках «Доброй воли». Уверен, рано или
поздно горкомовцы откликнутся на
приглашение поработать для блага
своего города.

Рискну посоветовать руководителям тобольского комсомола не брать пример со своего земляка — работника идеологического отдела горкома партии. Не называемый мною — по причине того, что он не олицетворяет позиции горкома, — товарищ собственную свою позицию выразил с исчерпывающей полнотой: «Ноги моей не будет на субботниках, пока «Добрая воля» работает на церквах!» Поверьте, дело даже не в том, что это — заблуждение, а в том, что заблуждение весьма старое — ставить в один ряд религию и памятник архитектуры уже непозволительно, согласитесь, и работнику районного масштаба.

Но есть и другая позиция по отношению к «Доброй воле». Не так давно председателем Тобольского горисполкома был избран Аркадий Григорьевич Елфимов. Он молод и по профессии инженер-строитель. Но после короткого разговора я, сознаюсь, был удивлен, узнав, что он не имеет искусствоведческого образования. Думаю, однако, знания и призвание нашли в его лице тот самый синтез, который и необходим председателю исполкома такого города, как Тобольск. Впрочем, личные впечатления могут быть субъективны — стиль его работы лучше всего пояснить примерами.

Начальник тобольского реставрационного участка, прежде месяцами, по его же словам, добивавшийся приема в горисполкоме, и отнюдь не по личным, а производственным делам, в первый же день был приглашен в кабинет нового председателя. Теперь новый председатель, опять-таки по словам реставратора, «тягает» его туда минимум раз в неделю. Сегодня реставрационная работа в городе — на личном контроле Елфимова.

А «Добрая воля»?.. Не знаю, быть может, беру крайность, но мне кажется, что без его помощи «Добрая воля» или не состоялась бы вовсе, или заглохла бы на первых же порах. Во всяком случае, такое мнение разделяют и сами «добровольцы», которые без предварительных записей, конечно, приходят сегодня в кабинет Елфимова. Приходят как к своему союзнику. Но все дело в том, что и председателю горисполкома нелегко, оказывается, быть союзником того, у кого союзников, облеченных властью, в городе, будем откровенны, не так уж, к сожалению, и много.

Не то время, чтобы скрывать: не вы ли, Аркадий Григорьевич, получаете за этот союз, неизящным слогом выражаясь, тумачи и шишки? Не вы ли, уважаемый Аркадий Григорьевич, частенько слышите старомодно-начальственный упрек: «Люди в подвалах живут, а ты занимаешься золочением крестов!»

И тем не менее я обращаюсь к вам, потому что не знаю в Тобольске другого человека, имеющего власть и заинтересованного оказать «Доброй воле» помощь, в которой она, несмотря на все ею сделанное, сегодня нуждается.

На первый взгляд это может показаться странным, но «Добрая воля» переживает трудные времена. Быть может, очень трудные — она перерастает себя. Опасность заключается в том, что «Добрая воля» может превратиться пусть и в мощную, но всего лишь бригаду подсобных реставрационных рабочих. А это, как вы понимаете, не ее путь. Так каков же он, ее путь?

Потенциал этого клуба основывается не на количестве рабочих рук, а на добровольном энтузиазме, питаемом гражданским отношением к делу, взятому ими на себя. Но на одном энтузиазме, даже добровольном, далеко не уедешь. Здесь правомочны другие измерения. Мне представляется, что более существенная, а может быть, и главная функция клуба — воспитательная: создавать в городе тот климат уважения к историческому и культурному наследию, о чем мы говорили, но что на сегодняшний день пребывает

все-таки на втором плане. Думаю, произошло это от недостаточного понимания идеологической стороны дела: помогают, мол, реставраторам, и на том спасибо. А между тем «Добрая воля» может стать значительным социально-культурным движением. Что для этого нужно? Если коротко — знания. И здесь есть о чем подумать конструктивно.

Если человек в свободное от основной работы время добровольно приходит под своды разрушенного памятника таскать тяжелые носилки с цементом, то разве, кроме того, как замешивать раствор, не достоин и не должен он знать, чем отличается классицизм от барокко или в чем своеобразие отечественного зодчества? И разве курс истории архитектуры, который читать будет преподаватель тобольского или тюменского вуза, не решение одной из тех сложных проблем, перед которыми стоит сегодня «Добрая воля»? А знание истории, краеведения? Тяжелая физическая работа, как показывают два года «добровольческого» движения, такой потребности не мешает.

Сейчас своими силами клуб организует школу старинных ремесел. Но личную инициативу, направленную на общественное благо, пускать на самотек нельзя, как и недостаточно только поощрять, — нужна помощь. А между тем, располагая теми грошами, которые реставрационный участок перечисляет «Доброй воле» за тяжелую работу, клуб изворачивается так и эдак, чтобы приобретать для будущей школы инструменты и в складчину с Домом пионеров наскрести «полставки» на преподавателя. О чем это говорит?

О том только, что это и есть те ростки, которые просятся на волю, как травинки, пробивающиеся сквозь асфальт. И неужели город не найдет средств и возможностей дать им почву для вольного роста? Подумать следует и о всходах: сколько молодых душ в хрупкую пору нравственного становления произрасти может на таком поле!

Но не будем отделяться подвернувшейся под руку метафорой, не будем ставить отвлеченные вопросы и столь же отвлеченно на них отвечать. Берем пример, что называется, не сходя с места.

В одной из башен Тобольского кремля, во втором этаже которой «добровольцы» оборудовали себе нечто вроде клуба, в первом разместилась кооперативная видеотека. За два рубля в час крутят здесь американские боевики. Грохот, пальба, скрежет летящих в пропасть машин сотрясают стены пошедшего на своем веку памятника. Не говорю об оскорбительном соседстве — дело серьезнее. После очередных и до поздней ночи не прекращающихся сеансов, как ошалелые, жадно затягиваясь сигаретами, высказывают оттуда ребята и девчонки... Не хочу да и не место здесь о них говорить. Но не подумайте о том, что в этой башне — на двух ее этажах — одно поколение, тоже не могу. На который этаж нам рассчитывать?

Я делаю ставку на второй.

А вы, читатель?

ОТ РЕДАКЦИИ. Вопросом к читателю заключает автор эти заметки. Редакция журнала, со своей стороны, считает возможным обратиться в Советский фонд культуры с предложением подумать о помощи клубу «Добрая воля».

Резная кость — традиционный промысел края.

Союз «Доброй воли» с тобольскими реставраторами дает уже свои плоды.

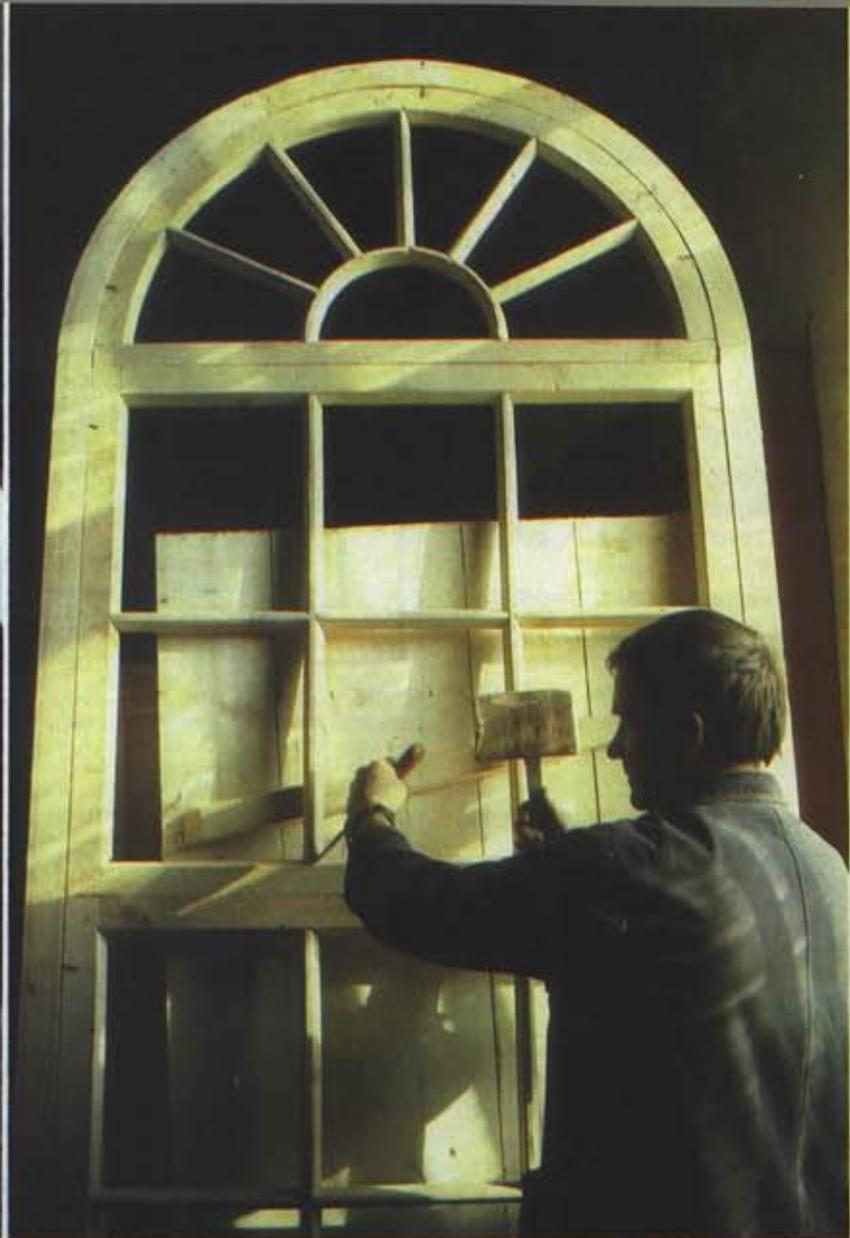
Столярных дел мастер.

Могила В. К. Кюхельбекера.

Огонь старинного и вечного ремесла.

Субботник — не для белоручек.

Юрий РАГОЗИН

БИЦЕПС ДЛЯ

Оформление Геннадия Корнышева.

Что такое культуризм? Безобидная накачка мускулов или стремление взять реванш за какие-то неудачи? Желание выглядеть красивым или потребность ощущать в чем-либо превосходство над остальными? Чем опасно суперменство и какую пользу можно из него извлечь? Вопросы эти мы слышим уже не первый год. Движение «телостроителей» то затихало, то вновь набирало силу. Ютившиеся поначалу в тусклых подвалах, культуристы постепенно проторили себе дорогу во дворцы спорта, где уже есть кому «себя показать». Так что же скрыто за могучими бицепсами? Они стояли на сцене, ощущая себя по меньшей мере героями Злады. Их мощные торсы в свете юпитеров блестели, как глицериновые слезы. «Приготовились!» — раздалась команда. Зал замер...

еще совсем недавно о культуризме говорили как о чем-то антиспортивном. А мальчишки, подрастая, боролись с домоуправами за возможность отремонтировать своими руками заброшенный подвал, натащить туда гантелей, гири и начать «работать металл».

В противовес почти бранному слову «культуризм» было изобретено нейтральное, вроде как бы не с чужого голоса — «атлетическая гимнастика». В ряде стран принят другой термин — «боди-билдинг» («телостроительство»).

Упражнения с отягощениями применялись для развития силы и красоты тела еще в Древней Греции и Риме и получили распространение во многих странах. В конце прошлого века немецкий спортсмен Э. Зандов разработал основы современного культуризма. С 1901 года стали проводиться международные конкурсы красоты мужского тела, а с середины 20-х годов — ежегодные чемпионаты мира. В 1946 году

была создана международная федерация, которая ныне объединяет около сорока национальных. Однако международные спортивные федерации и Международный Олимпийский комитет не признают культуризм видом спорта, а конкурсы — спортивными соревнованиями. В конце пятидесятых годов возник профессиональный культуризм, провозгласивший культ объема мышц и игнорирующий общую гармонию физического развития и здоровья человека.

Для настоящего штангиста «культуризм», так же как для культуриста «штангист», звучит чуть ли не оскорблением. Они относятся друг к другу с чувством тайного превосходства и легкого внешнего презрения. Штангисты считают культуристов слабаками, культуристы штангистов — толстыми и уродливыми, себя — воплощением гармонии.

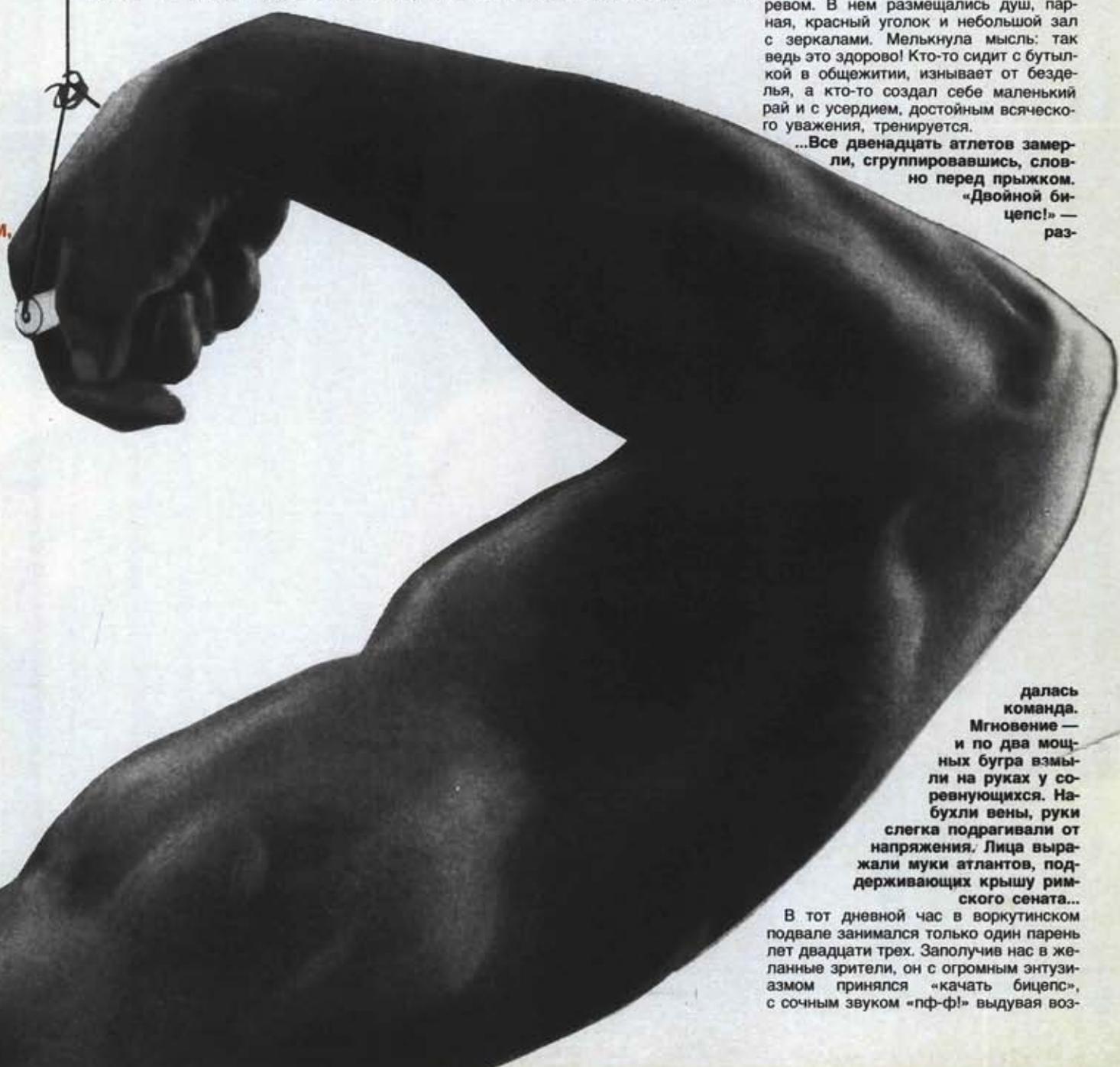
До недавнего времени отечественному культуризму жилось не сладко: его как бы не было. Специального инвента-

ря, естественно, наша промышленность не выпускала и, кстати, ныне еще только начинает делать первые робкие шаги в этом направлении.

Лет десять назад мне в руки впервые попал богато иллюстрированный западный журнал культуристов. Я пережил что-то вроде легкого шока. Захотелось немедленно стать суперменом наподобие тех, что изображены на картинках, в то же время не верилось, что такое вообще возможно. И где-то глубоко в душу закралось сомнение: так ли уж хорошо это — превратиться буквально в груды мышц? Ведь обязательно наступит момент, когда форма начнет влиять на содержание. Что-то изменится в характере, в образе жизни, в отношении к окружающим, в их отношении к тебе. Добрые ли это будут изменения?..

Три года назад в Воркуте я впервые увидел, как занимаются настоящие культуристы. Секретарь райкома комсомола привел меня в подвал жилого дома, стены которого были обшиты деревом. В нем размещались душ, парная, красный уголок и небольшой зал с зеркалами. Мелькнула мысль: так ведь это здорово! Кто-то сидит с бутылкой в общежитии, изнывает от безделья, а кто-то создал себе маленький рай и с усердием, достойным всяческого уважения, тренируется.

...Все двенадцать атлетов замерли, сгруппировавшись, словно перед прыжком.
«Двойной бицепс!» — раз-

далась команда. Мгновение — и по два мощных бугра взмыли на руках у соревнующихся. Набухли вены, руки слегка подрагивали от напряжения. Лица выражали муки атлантов, поддерживающих крышу римского сената...

В тот дневной час в воркутинском подвале занимался только один парень лет двадцати трех. Заполучив нас в желанные зрители, он с огромным энтузиазмом принялся «качать бицепс», с сочным звуком «пф-ф!» выдувая воз-

МАШЕКЕНА?

дух на каждое опускание рук. Он выполнял упражнение бесконечное число раз (именно в таком режиме при работе со сравнительно небольшими отягощениями мышечные волокна обильно омываются кровью и, раздуваясь, прибавляют в объеме). При росте 176 сантиметров объем его бицепса был 41,5. «Это еще не предел», — важно сказал он и с еще большей энергией продолжил работу на публику.

Еще тогда я отметил эту особенность: культурист не может без зрителя. Атлет, безусловно, получает удовольствие от занятий, от состояния своего тела. Но главное для него — впечатление окружающих.

В конце мая 1987 года в Доме культуры подмосковного городка Люберцы проходил «чемпионат по атлетической гимнастике». Участвовали представители Москвы, Тулы, подмосковного Томилино и, конечно, хозяева — из Люберец.

Был субботний солнечный день. За два часа до соревнований у ДК стали собираться зрители — молодежь, в основном культуристы, или, как они сами себя называют, «качки». Ребята украдкой поглядывали друг на друга, оценивая бицепсы и объем груди у соседа. Бросалось в глаза то, что никто не курил. И все-таки было что-то неестественное в налитых руках «качков». Казалось, их вылепил скульптор из пластика телесного цвета.

Участники соревнований проходили взвешивание, разминались с легкой штангой и до забавности легкими гантелями, казавшимися игрушечными в их массивных ручищах. Вызывало разочарование, что в программу «чемпионата» не включили силовые упражнения — только показательные.

Соревнования проходили в душном, маленьком зале, хотя за окном зеленел прекрасный пустой стадион. Предварительные соревнования провести никто не додумался, и изнывающие от жары и духоты зрители были вынуждены смотреть практически одно и то же в течение нескольких часов.

В купальных плавках с номерами культуристы выходили на сцену и под команду судьи «Трапезия! Пресс! Голень!» одновременно тужились, стараясь как можно рельефнее вздуть ту или иную группу мышц. Ни о каком накале борьбы, азарте не могло быть и речи. Плакат «Привет участникам соревнований!» не отражал сути происходящего: соревнований не было, была демонстрация тел.

...Зал аплодировал. «Спасибо!» И участники вернулись в исходное положение. Они встряхивали руками, переминались, снимая напряжение, и готовились выполнить следующее упражнение. Каждому хотелось стать чемпионом...

Неимоверно тяжелый, однообразный труд. Не надо думать, что мышцы растут сами, легко и быстро. По три — пять, а то и более часов ежедневно — вот что такое культуризм. Строгий режим, обильное питание, богатое белками, углеводами и витаминами. Что же касается полезности культуризма для здоровья, то тут надо внести ясность. Бесспорно, сердце, сосуды, получая колоссальную нагрузку, работают лучше, чем у человека нетренированного. Но гипертрофированные мышцы сердца от-

нюдь не улучшают его функциональность. Большая мышечная масса становится фактором риска для развития гипертонии, снижает половую потенцию. Не секрет, что кое-кто из культуристов пользуется анаболиками — специальными медицинскими препаратами для искусственной стимуляции роста мышц, плохо влияющими на печень.

Мышцы «качков», бесспорно, производят сильное впечатление. Но там, где речь идет о понятиях с приставкой «гипер-», трудно ждать положительных результатов. В физиологии существует термин «рефлекс цели», который ввел в обращение еще Иван Петрович Павлов. Спортсмен изнуряет себя на тренировках ради новых достижений, рекордов; студент не спит ночь перед экзаменом, чтобы его лучше сдать, и так далее. Культурист же ест, пьет, тренируется только лишь ради того, чтобы постоять перед зеркалом и гоголем пройтись по пляжу.

Речь, конечно, идет о тех, кого можно с известной натяжкой назвать профессионалами. Тот же, кто занимается примерно час в день да еще и совмещает это с бегом, плаванием, достойн всяческих похвал. В этом случае можно говорить именно о гармоническом развитии тела и укреплении здоровья.

В последние годы появился у нас и женский культуризм. Рассказывают про московскую десятиклассницу, которая лежа выжимает сорокапяткилограммовую штангу пятьдесят раз. Взрослый мужчина, считающий себя силачом, даже близко к этому рекорду не приблизится. Зачем же это девочке? Ей хочется выделиться среди сверстниц, обратить на себя внимание. Модное платье, прическа доступны всем, а вот иметь тело, похожее на вытянутые клубки мышц, — это может далеко не каждая девушка, тут нужен сильный характер и терпение.

С болью и тревогой слушаю я, как с экрана телевизора известные в прошлом спортсмены спокойно рассуждают о женской тяжелой атлетике. «Посмотрим, что скажут врачи...» Пусть, мол, занимаются, если это им нравится, и медицина не будет препятствовать. Но ведь медицина не запрещает заниматься женщинам и дзюдо, и метанием ядра и диска, и спортивной гимнастикой, иные элементы которой граничат порой со смертельным риском. В прошлом году в редакцию пришло приглашение на всесоюзный симпозиум врачей, изучающих влияние спорта на женский организм. Было страшно читать названия докладов: речь шла о профилактике и лечении серьезнейших заболеваний женского организма, возникающих при профессиональных занятиях гимнастикой, плаванием и т.д.

Запретами не остановишь развитие женской тяжелой атлетики или профессионального культуризма. Механизм запрета срабатывает только тогда, когда его суть соответствует нравственным нормам человека. Но кто объяснит девушкам — дзюдоисткам или культуристкам, что это не самый лучший способ доказательства своего равноправия с мужчинами?

Сила нужна всем. Для здоровья, хорошего самоощущения, уверенности. Красивая фигура — это замечательно. Человек стремится к гармонии. Но

можно ли назвать гармоничными культуристов? Сила и здоровье для них не главное, главное — внешний эффект, размеры мускулов.

Занятия культуризмом не требуют умственных затрат, и это в немалой степени становится притягательным прежде всего для тех, кто не привык отягощать себя размышлениями о жизни. Современный спорт требует постоянного совершенствования, шлифовки отдельных элементов, культуризм же, в сущности, прост: повтор одних и тех же упражнений, словно бег на месте.

Приятно слышать от многих ребят, что до занятий атлетической гимнастикой они не были, мягко говоря, свободны от «вредных привычек». Теперь же

ведут здоровый образ жизни, ибо курение и алкоголь несовместимы с интенсивными физическими нагрузками. Культуризм, бесспорно, дисциплинирует, придает уверенность в себе, гарантирует авторитет среди ровесников. Но тратить столько времени, которого так не хватает, на монотонную работу с металлом?! Ведь жизнь, простите за банальность, так коротка. И так многообразна. Стоит ли сужать ее до размеров бицепсов?

...Вскинув руки, под аплодисменты зрителей они медленно сходили со сцены. А с другой стороны, из-за кулис, выходила уже следующая группа «суперменов» с гордыми лицами. И казалось, что это одни и те же все ходят и ходят по кругу...

Анжела ХАЧАТУРЬЯН,
специальный корреспондент
«Смены»

Прошло немало времени с того дня, когда народный артист СССР Раймонд Паулс вручил награды победителям II Всесоюзного телевизионного конкурса

молодых исполнителей советской эстрадной песни.

А споры, дискуссии вокруг конкурса не утихают до сих пор.

«Юрмальский бум»

вполне понятен: слишком долго все мы ждали, когда у нас в стране появится музыкальный форум, на подмостках которого будут «рождаться» талантливые эстрадные певцы.

Но вот явился на свет

Юрмальский смотр молодых исполнителей советской эстрадной песни, и мы... растерялись.

«ЮРМАЛА-87»

В «Положении» о конкурсе в Юрмале сообщается: «Всесоюзный телевизионный конкурс молодых исполнителей советской эстрадной песни проводится ежегодно в городе Юрмала Государственным комитетом СССР по телевидению и радиовещанию совместно с ЦК ВЛКСМ, при содействии Министерства культуры СССР, Союза композиторов СССР на базе Гостелерадио Латвийской ССР...» К участию в конкурсе допускаются «профессиональные вокалисты — солисты, работающие в концертных организациях, театрах, кино, а также учащиеся высших и средних специальных учебных заведений культуры и искусства, не старше 30 лет».

Умышленно полностью цитирую отдельные разделы «Положения», поскольку его текст не был опубликован. Более того, многие из финалистов «Юрмалы-87» узнали о нем только по окончании самого конкурса.

Приглашения принять участие в конкурсе были направлены в 67 областных и 14 республиканских центров. В РСФСР было организовано 4 зональных центра: во Владивостоке, Ленинграде, Свердловске, Красноярске. Города закреплялись за зонами по географическому принципу. Но последнее слово в выборе участника финала принадлежало все-таки вышестоящему столичному начальству, которое, просмотрев видеозапись, сообщало свое окончательное решение. Для многих победителей отборочных состязаний это решение прозвучало как гром среди ясного неба, поскольку «дошло» до них накануне финала и времени на серьезную подготовку уже не оставалось.

Примечательно, что широкие полномочия, которыми наделило себя руководство Главной редакции музыкальных программ ЦТ в вопросах отбора кандидатур для заключительного этапа состязаний в Юрмале, в «Положении» юридически не предусмотрены. С позиции же здравого смысла возникает закономерный вопрос: а стоило ли городить огород и обременять местное вещание? Ведь мероприятия по зональным конкурсам «Юрмалы-87» не были включены в планы местных музыкальных редакций, а значит, они не обеспечивались ни телетехникой, ни дополнительными денежными средствами. Например, организация телесостязаний молодых певцов оказалась не «по карману» Ленинграду, который должен был принять у себя представителей 23 городов! В результате талантливая творческая молодежь средней полосы Рос-

сии осталась вне конкурса. Среди них были и те, кому в следующем году исполнится 30 лет.

Не существовало и единой для всех четко разработанной «формы» проведения зональных смотров. Поэтому некоторые руководители, например, председатель Новосибирского Гостелерадио, основательно сомневаясь в целесообразности санкционируемого сверху мероприятия, телеграфировал в Москву о том, что в их крае талантливая певческая молодежь отсутствует. Четыре союзные республики вовсе отказались участвовать во II Всесоюзном телевизионном конкурсе «Юрмала-87». В итоге из 82 городов, попавших в список, в предварительном зональном смотре «состязалось» 45. На сцену концертного зала Дзинтари вышло 23 молодых исполнителя из 17 городов. Согласитесь, для нашей страны цифры до обидного малы.

Как ни парадоксально, но в «Положении» о конкурсе в Юрмале один из важнейших организационных вопросов — о принципах и критериях судейства — упомянут вскользь, что называется, в последних строках. До сведения лишь доводилось, что для оценки выступлений участников создается жюри, в состав которого входят деятели советского искусства и представители общественных организаций. Однако на конкурсе представителей общественности среди членов жюри мы так и не увидели. Затем перечислялись призы и премии победителям, оговаривалось право присуждать не все премии. Не забыли обмолвиться и о принципе жеребьевки, и о 12-балльной системе оценки выступлений.

Но эта легковесная, в одну строчку, экспресс-информация далека еще от квалифицированно сформулированной «системы» обусловленных критериев судейства, помогающей, к примеру, понять, почему Мераб Сепашвили при уверенной победе на I туре «проиграл» во II туре Валерию Каримову. И это тем печальнее, что «решение жюри является окончательным и пересмотру не подлежит».

Сложно квалифицировать, к какому виду деловых бумаг принадлежит «Положение», регулировавшее состязания молодых певцов в Юрмале. Одно бесспорно: пока телеконкурс молодых исполнителей — игра без правил.

КАКИЕ ПЕСНИ ПЕТЬ?

— По названию конкурса трудно определить, в каком стиле и какие песни к нему надо готовить. Что вообще подразумевает понятие «советская эстрадная песня»? Объяснить

и помочь выбрать песню на белорусском радио не смогли, — поделилась своей болью Людмила Куц из Минска.

— Тексты песен согласовывались по телефону с музыкальной редакцией в Москве. Если слова не устраивали редактора, то они безапелляционно отвергались. Взамен ничего не предлагалось. Неужели при такой системе победа на конкурсе реальна? — говорил мне минчанин Владимир Стамати.

Специалисты, по долгу службы обязанные посоветовать, какие музыкальные произведения желательно приготовить к телесмотру, разумительного совета дать не могли по самой простой причине — они сами

не знали. Яркая иллюстрация — инцидент, происшедший на одной из репетиций.

Эстрадный оркестр Латвийского радио и телевидения под руководством А. Закиса в связи с острой нехваткой репетиционного времени не успевал разучить далеко не простую по музыкальному рисунку партитуру песни Р. Амирханяна «И каждый день, как новый путь», представленную на конкурс певицей из Еревана Сатеник Тоноян. Несмотря на ее просьбы, дополнительных репетиций не дали. Кроме того, тоном, недопустимым в человеческом общении, музыкальный редактор ЦТ А. Н. Дмитриева доказывала исполнительнице, что музыка Р. Амирханяна — «это песенная симфония в трех ча-

ГРАА

ТРАВЫМ

стях», а потому «задачам конкурса не соответствует». И хотя, по мнению редактора, песня «безусловно выигрышная» и позволяет певице продемонстрировать во всю мощь красоту голоса, А. Н. Дмитриева за два дня до начала конкурса требовала заменить песню. Выяснить, почему произведению композитора Амирханяна отказано пребывать в ранге «советской эстрадной песни», не удалось. Монолог музыкального редактора ЦТ, к сожалению, свидетельствовал об одном — соответствовать задачам данного конкурса песне мешает только... «профессиональное чутье» Аллы Николаевны Дмитриевой. Никаких официальных вердиктов, устанавливающих репертуарные рамки телеконкурса в Юрмале,

а главное — толкующих сам термин «советская эстрадная песня», до сих пор не существует. В «Положении» не было даже строчки, «намекающей» на то, в чем все-таки разница между репертуаром телеконкурса в Юрмале и песенной программой не менее популярного телеконкурса в Сочи. Придумав форму нового развлекательного музыкального зрелища, его создатели не побеспокоились о ее достойном содержании. Конкурсантам была предоставлена полная свобода выбора песенного материала, и им ничего не оставалось, как ринуться самим писать музыку. И то, что композиторское ремесло не терпит дилетантства, показала следующая статистика — 3 из 6 участников

финала в Юрмале, вынесшие на суд свои собственные сочинения, «не дожили» даже до II тура.

Кстати, низкого качества оказались и произведения профессиональных авторов, прозвучавшие на конкурсе. Так, главный редактор музыкального радиовещания Г. К. Черкасов честно признался на одной из пресс-конференций, что для фондовых записей молодых исполнителей на радио будет трудно подобрать музыкальный материал.

Отмечая блеклость, монотонность музыки, председатель жюри конкурса Раймонд Паулс невесело пошутил, оценив некоторые песни как «соло саксофона с оркестром», где певец только изредка подпевает. Был не-

доволен молодыми вокалистами, не сумевшими самостоятельно выбрать себе песни, и главный редактор Главной редакции музыкальных программ В. В. Упорин. А по справедливости, именно на него должны были обидеться конкурсанты. Уж на ЦТ им могли бы помочь выбрать песенное произведение.

Ежегодно худсоветом данной редакции принимается около 150 новых песен. Так неужели среди них не наберется десятка два, достойных уровня Всесоюзного телеконкурса?!

Или почему бы заранее не провести среди молодых авторов-песенников конкурс на лучшую песню для юрмальского форума? Тем более, что такая премия уже оговорена и присуждается в соответствии с «Положением».

Изрядно кривили душой на телевидении, убеждая всех, что исполнители пользовались в Юрмале «свободой выбора» музыкального материала. Если кто и обладал неограниченными полномочиями в области репертуара, так это музыкальный редактор ЦТ, которая заставляла авторов «переделывать» текст песни, что называется, до последней минуты. По этой причине Лариса Конащук песню И. Стецюка на слова Н. Бровченко «Я забуду» за три часа до выхода на сцену пела еще... по бумажке. Редактор имела право, не вдаваясь в причины, вообще отвергнуть облюбованную конкурсантом вещь.

Музыкальный редактор «Юрмалы-87» оказалась последней инстанцией, решающей, чья и какая музыка будет звучать в зале Дзинтари.

Большая часть музыкального материала для конкурса даже не прослушивалась худсоветом Главной редакции музыкальных программ ЦТ.

О причинах нездоровой атмосферы за кулисами конкурса довольно точно сказала в интервью газете «Юрмала» лауреат нынешнего года Ольга Раецка: «Отлично работалось вместе с режиссером Центрального телевидения Ларисой Микульской, чуткой и интеллигентной женщиной. К сожалению, этого не могу сказать о старшем редакторе Главной редакции музыкальных программ ЦТ Алле Дмитриевой, капризы которой приходилось терпеть всем участникам конкурса».

ПРИЗЫ, ПРИЗЫ...

Уже трансляция I тура наглядно показала, что вокалистам из прибалтийских республик равных на конкурсе не сыскать. После II тура, подтвердившего их явное превосходство, в адрес жюри потоком хлынули телеграммы возмущенных зрителей, требовавших прекратить «подсуживать своим». Но «виноваты» не стены родного дома, как считают многие, а предпосылки более глубокого порядка. Это и десятилетиями шлифуемая в Латвии, Эстонии и Литве музыкальная традиция в жанре легкой музыки, и целенаправленное развитие современной эстрадной «школы», и высокая исполнительская культура, и вокальная эстетика — вот та почва, с которой теперь пожинают блистательный «урожай» Карэ Каукс, Ольга Раецка, Угис Розе. Существенно и то, что все они — солисты-профессионалы, стабильно, не первый год работающие со своими группами. Поэтому все представители прибалтийских республик вошли в число лауреатов и дипломантов. Достаточно оценить количество и значимость призов, ими завоеванных: «Приз ЦК ЛКСМ Латвии за арти-

стизм» — Жильвиасу Бубялису (Вильнюс), «Приз за лучшую авторскую песню» — Прииту Пихлапу (Таллин), «Приз за безупречное чувство стиля» — Карэ Каукс (Таллин), «Приз симпатий телезрителей» — Олге Раецка (Рига), чтобы убедиться: их победа на конкурсе не подарок фортуны. Ну, а кто же их соперники? Каков их творческий потенциал, уровень профессиональной подготовки? Для большей половины этих ребят, особенно тех, кто поет в варьете и ресторанах, сцена концертного зала Дзинтари — первая «большая сцена» в жизни и первое выступление с большим составом оркестра. Еще стоит добавить, что в Челябинске, Новосибирске, Свердловске, Йошкар-Оле и других городах России не сложилось пока крепкой современной эстрадной певческой «школы», способной соперничать на равных с прибалтийской. При таком «балансе» и неспециалисту ясно, что изначально силы в борьбе были неравны.

На конкурсе работал эстрадный оркестр Латвийского радио и телевидения под управлением А. Закиса. Оркестру предстояло за несколько дней разучить с солистами, с которыми они никогда ранее не встречались, программу из 69 новых песен. Во время репетиционного периода, то есть на самом напряженном этапе конкурса, каждый певец «общался» с оркестром в общей сложности менее двух часов. На просьбы о дополнительном репетиционном времени следовал, как правило, отказ. Главный редактор Главной редакции музыкальных программ Владимир Упорин пояснил, что нарушать тридцатиминутную норму нельзя, так как она установлена в соответствии с нормами, действующими на международных конкурсах. Но разве начинающих вокалистов можно поставить в один ряд с профессионалами? Проще, конечно, прикрыться зарубежным «стандартом», чем ломать голову над тысячей вариантов в поисках одного оптимального. Но тогда зачем все эти «игры», в которых порой ломаются творческие и человеческие судьбы?

Впрочем, некоторые правила международных музыкальных фестивалей полезно и перенять. Например, приглашать в Юрмалу исполнителя со своим дирижером или два состава оркестра.

Да и не лучше ли впредь разрешить певцам выступать под музыкальную фонограмму? Тогда солисты сумеют продемонстрировать вокальные данные, не беспокоясь о созвучии с оркестром. И, что не менее важно, использование музыкальной фонограммы поможет решить самую животрепещущую проблему Юрмальского конкурса — проблему звучания. Плохое звукоусиление в зале Дзинтари признал на пресс-конференции и Раймонд Паулс. Двенадцать конкурсантов, которым горький жребий определил петь в первый день, работали на неотрегулированной звуковой аппаратуре. В сущности, все они боролись со звуком.

ВО ИМЯ ИДЕМ

Часто ли телезрители видели на своих экранах лауреатов и дипломантов прошлого конкурса? Лишь к концу 86-го года телевидение «вспомнило» об их существовании. Центральное телевидение до сих пор не выполнило взятого на себя обязательства создать тридцатиминутный фильм об обладателе «Гранпри» «Юрмалы-86» Родриго Фоминсе. И в этом году все повторяется. Где они, тринадцать «счастливиц» прошедшего II Всесоюзного конкурса? Увидим ли их на экране?

Непонятно, что помешало жюри найти место и время для проведе-

ния «круглого стола» или семинара с участниками. Во время такого «круглого стола», учитывая репертуарный голод, вполне допустим «песенный аукцион», на котором молодежь смогла бы пополнить свой репертуарный багаж. Уверена, ценнейшую информацию к размышлению молодым певцам подарили бы встречи с горожанами, гостями Юрмалы. Разговор о проблемах современной эстрадной песни с широкой аудиторией слушателей может стать доброй традицией Юрмальского фестиваля. Кстати, в одном из молодежных кафе горком ВЛКСМ Юрмалы провел «выездной ринг» с участниками конкурса, где они услышали мнение зрителей о своем творчестве. Кому-то, убеждена, это помогло понять, почему он «провалился» на конкурсе. Молва о «выездном ринге» молниеносно облетела город, молодежь звонила, требовала повторить встречу.

Возле зала Дзинтари в дни конкурса часами «вылавливали» лишние билетик огромные толпы поклонников советской песни, специально (!) прибывшие на финал конкурса и гала-концерты. Конечно же, городской комитет ВЛКСМ не смог обеспечить билетами нежданных гостей. Правда, помогли спекулянты, «на руках» у которых пригласительный билет стоил 25 рублей... Наверное, надо подумать, как решить и эту проблему. Один из приемлемых путей, считает первый секретарь Юрмальского горкома ВЛКСМ Сергей Ермаков, «бронирование» и продажа путевок для молодежи в санатории, дома отдыха, пансионаты в период конкурса. Нашлось бы место на побережье и палаточным городкам. Конечно же, советские, комсомольские и общественные организации Юрмалы самоотверженно делают все возможное, чтобы подарить молодым людям яркий праздник. Однако юрмальчане вряд ли могут справиться только своими силами.

Проблемами Юрмальского телеконкурса должны заняться многие специалисты. Юристам, например, стоит разработать толковое Положение о конкурсе. Экономистам — изыскать пути превращения Юрмальского конкурса в прибыльное мероприятие, из «копилки» которого можно было бы купить недостающую аппаратуру и оборудование, издавать рекламные буклеты и открытки, пригласить балетмейстеров, репетиторов, помощь которых крайне необходима. Хотелось бы, чтобы средства массовой информации освещали процесс подготовки конкурса, чтобы его организация постоянно находилась под контролем общественности. Изрядно стоит похлопотать и «генеральному подрядчику» — Гостелерадио СССР. И прежде всего подыскать талантливую группу сценаристов, способных придумать оригинальную фабулу музыкальному теледействию. А иначе внимания зрителей не завоевать.

Разумеется, весь комплекс проблем, выдвинутых на повестку дня, решить нелегко. Есть объективные сложности экономического, координационного порядка, но преодолеть их необходимо, ибо на пороге — телеконкурс «Юрмала-88», которого все ждут.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Публикуя полемический материал нашего специального корреспондента, мы приглашаем вас, уважаемые читатели, к разговору о проблемах эстрадного музыкального искусства. Надеемся, что в своих откликах вы не только поделитесь впечатлениями о Юрмальском конкурсе, но и выскажете свои соображения о том, что нужно сделать, чтобы у нас было больше самых различных конкурсов и чтобы они стали настоящей школой профессионального мастерства молодых исполнителей и праздником для миллионов любителей эстрады.

Никита Михалков:

ВОПРОСЫ СПОКОЙСТВИЮ

«Зарубежные медики установили, что напряжение кинорежиссера в съемочный период по своей интенсивности следует сразу же за нервными перегрузками летчика-испытателя».

(Из газет.)

Жорошо, — наконец соглашается Никита. — Больше откладывать не будем. Вот прямо сейчас садимся и спокойно обо всем поговорим.

И я мысленно прикидываю: до гостиницы час езды; начнет шофер гнать — уложимся минут в сорок. При любом варианте «поговорить обо всем», конечно же, не успею. Но делать нечего. Начинаю отбрасывать вопросы, ответы на которые примерно знаю. Нашему знакомству-то лет двадцать. Даже снимались в двух фильмах, а уж говорено-переговорено...

Значит, так. Сначала Никита Михалков учился в музыкальной школе. Классе в седьмом-восьмом бросил. Поступил в обычную школу и театральную студию при Театре имени Станиславского. Тогда же начал сниматься в кино. В массовках. «Солнце светит всем», «Тучи над Борском», «Приключения Кроша». Первую большую роль — одного из главных героев фильма «Я шагаю по Москве» — получил в восемнадцать лет. В тот же год поступил в театральное училище имени Щукина. На четвертом курсе был из него исключен.

— Никита, за что же тебя так?

— За съемки в кино. Студентам нашего училища это было строго запрещено. Меня все предупреждали, предупреждали, а я все снимался, снимался... Наконец, на четвертом курсе меня вышибли.

— Это было справедливо?

— Да, справедливо. Так я считаю сейчас, примерно так же думал и тогда. Дело в том, что кино, как правило, портит молодых актеров. Еще не установившиеся в мыслях и вкусах, не окрепшие в своем профессиональном мастерстве, они очень часто попадают к бездарным режиссерам, а это опасно, так как может сказаться на их дальнейшей работе. Правда, мне лично в этом плане повезло, так как я снимался у хороших режиссеров. Однако это, я считаю, не могло быть оправданием. Есть дисциплина, единая для всех: что запрещено одним, должно быть запрещено остальным. Так что на месте ректора я поступил бы точно так же. Но, с другой стороны, и до меня за те же самые грехи многих студентов выгоняли из училища, но до конца так никого и не выгнали. То есть вывешивали приказ об отчислении, студент шел к ректору, каялся, просил прощения, обещал больше так никогда не делать,

его прощали и восстанавливали. Меня тоже никто не собирался выгнать всерьез. Мне тоже предлагали пойти повиниться. И я бы обязательно так и поступил, если б уже тогда не решил переходить на режиссуру. Воспользовавшись своими печальными обстоятельствами, я забрал в училище документы и сразу же перешел на второй курс режиссерского факультета ВГИКа.

— Потеряв на этом два года...

— Как сказать. После училища мне надо было бы три года отработать актером, и как сложилось бы в дальнейшем обстоятельства — неизвестно. А тут я попал в мастерскую замечательного кинорежиссера Михаила Ромма. Понимаешь, самого Михаила Ромма! Так как общеобразовательные предметы мною были сданы, у меня оказалось много времени, чтобы глубже заниматься будущей профессией и одновременно самому сниматься в кино. Ромм против этого не возражал: во-первых, я занимался кино, а во-вторых, не страшно, если бы меня испортили как актера, готовился-то я в режиссеры.

ВГИК я окончил в 1971 году и был зачислен в штат «Мосфильма». Стал готовить фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих», но тут пришла пора идти служить в армию. Попросился на Камчатку, на флот. Так что к работе над картиной смог вернуться только в 1973 году...

— И с тех пор снял восемь полнометражных художественных фильмов. Это много или мало?

— Для условий нашего кинопроизводства восемь фильмов за тринадцать лет много. Даже очень много. Чтобы стало понятно, расскажу о своем девятом полнометражном фильме, о котором мало кто знает. Моей дипломной работой была трехчастная картина «Спокойный день в конце войны» по сценарию, который мы написали с Рустемом Ибрагимбековым. Это одновременно смешная и трагическая история, в конце которой погибает ее главный герой. Сценарий «тянул» на полнометражный фильм. Но запустить студента-дипломника с полнометражным фильмом не имели права. Вернее, не хотели, не могли, и вообще не полагалось. Поэтому мы решили, что за те сроки и те деньги, что нам отпустили на обычную трехчастную дипломную работу, мы снимем полнометражный фильм.

— Сумели?

— Сумели. Там был очень хитро придуман сценарий. Очень локальная история. Всего два актера: Наталья

Аринбасарова и Сергей Никоненко. Несколько человек массовки. Все предельно скромно, ничего лишнего. Снял картину наш замечательный оператор Дмитрий Коржихин, увы, уже покойный. Он был намного старше меня, что, однако, не мешало нам дружить.

Работали все мы с удовольствием, и я гарантирую, что у нас получился вполне достойный фильм. Говорю это смело, потому что таким было не только мое мнение, а мнение всех, кто его видел. Тем не менее на сдаче фильм «зарезали».

— Почему?

— Если бы принимавшая его комиссия поступила иначе, она тем самым признала, что можно снимать гораздо быстрее и дешевле, чем это делалось ранее. Короче, мои коллеги очень спокойно, но вместе с тем вполне определенно предложили мне сократить картину до положенных диплому размеров.

— Почему же производству выгодно, чтобы фильмы снимались дорого и длинно?

— Нет-нет, производство в этом не заинтересовано. Просто нет никакой заинтересованности в обратном. Представим обычную ситуацию. Директору картины дают сценарий и говорят: скажите, сколько вам потребуется денег для съемок? Он тщательно все просчитывает, видит, что нужно 480 тысяч, и поэтому, естественно, просит пятьсот, чтобы иметь какой-то страховочный запас. Эти расчеты проверяются, обсуждаются и чаще всего в таком виде и утверждаются. Однако если бы руководство студии спросило директора, сколько вам потребуется денег на съемки, если бы вам разрешили их тратить наличными, расплачиваться так, как вы сами считаете нужным, иными словами, быть действительно хозяином картины, я уверен, он попросил бы только сто, ну, максимум двести тысяч и, главное, смог бы в эту сумму с успехом уложиться.

— Неужели расходуется столько лишних денег?

— Представь. При нынешней системе кинопроизводства мы расходуем неоправданно много. Поясню примером. Вот я работал с итальянцами на фильме «Очи черные» и никак не мог объяснить им, почему, уплатив деньги (платили-то они), мы никак не можем дожидаться пескоструйки, который должен был посыпать песком асфальтовую дорогу. Ну, казалось бы, так просто: уплатили деньги — пошли и взяли эту пескоструйку. Ан нет. Надо получить разрешение на эту машину, надо добиться, чтобы ее выделили в тот срок, когда это нам необходимо, надо подписать кучу всяких бумаг и проследить, чтобы они прошли все положенные инстанции и достигли конкретных исполнителей, и так далее, и так далее. Простое дело превращается в долговую, вязкую волокиту, при которой тем, кто эту работу должен выполнять, делать ее невыгодно. Шофер пескоструйки не заинтересован приехать вовремя или чуть-чуть раньше, чтобы сделать работу загодя или немного больше, и директор автопредприятия, за которым числится эта машина, тоже лично не заинтересован в этом. К сожалению, объективная действительность всякий раз подтверждает правоту знаменитого определения Маркса, что бытие определяет сознание. В данном случае бытие нашего кинопроизводства определяет сознание таким образом, что работать быстро просто невыгодно.

— Ты считаешь, что возможность более свободного маневра финансами способствовала бы ускорению процесса киносъемок и даже удешевила его?

— Безусловно. Дело ведь не только в том, что шофер пескоструйки, приезжая позже оговоренного нашим заказом срока, выматывает нервы, допу-

стим, лично режиссеру картины, а тот после не может сдержаться и начинает срывать зло на всей съемочной группе. Дело не в этом, хотя и это имеет огромное значение. Возьмем чисто финансовую сторону вопроса. Киносъемки — это процесс с множеством приходящих факторов. На него влияет и погода, и время дня, и положение солнца, и так далее, и так далее.

Поэтому очень важно, чтобы съемка начиналась тогда, когда это нужно, а не когда соизволит приехать шофер спецмашины. Его опоздание может сорвать день съемок, а это порой обходится в несколько тысяч рублей. Имей наш директор возможность уплатить шоферу наличными, израсходованная таким способом десятка или двадцатка могла бы сэкономить нам те самые потерянные тысячи. Если говорить откровенно, то часто так и происходит: поступать, давая из своего кармана или находя для этого какие-то «хитрые» способы, не всегда согласующиеся с действующими положениями и законами.

Или вот еще проблема. В съемочной группе масса людей, без которых в принципе можно было бы обойтись. Получают они настолько маленькие зарплаты, что за эти копейки грех требовать большой самоотдачи. Если бы дирекция фильма могла свободно маневрировать в рамках отпущенного фонда заработной платы, можно было бы снимать картину меньшим числом людей, быстрее и с меньшими нервными издержками.

Так что восемь фильмов за тринадцать лет — это, с одной стороны, и очень много и, с другой — очень мало. Мы зависим от производства.

Кроме того, специфика профессии режиссера такова, что на его работу накладывает отпечаток его индивидуальность. Я, например, могу и хочу снимать быстро. Но в то же время я люблю достаточно долго и серьезно готовиться к съемкам, это во-первых. Тщательно репетировать, во-вторых. В-третьих, я не могу снимать любой подвернувшийся под руку сценарий. Снял одну картину, тут же быстренько «слудил» другую. Я считаю, что процесс работы режиссера требует долгого «прораствания» в материал, причем обязательное условие: он должен получать удовольствие от своей работы...

Снимать кино — это настолько сложный и тяжелый процесс, что если при этом еще и не получать удовольствия, то нет смысла этим делом заниматься. Для меня кино — моя жизнь. И я считаю, что не вправе тратить ее на то, чтобы просто что-то профессионально снять и смонтировать. Мне необходимо получить еще и удовольствие. Вполне естественно, я стараюсь сделать все, что этому способствует, и устраняю все, что этому мешает. Разумеется, в пределах собственных сил и возможностей.

— Этим объясняется, что ты снимаешь свои фильмы с одной и той же группой? Не хочешь тратить время на «притирание» коллектива?

— Конечно. Но это лишь одна сторона вопроса. Я считаю, что удовольствие от создания фильма должны получать все участвующие в этом процессе, вся съемочная группа. Я работаю практически с одной постоянной бригадой осветителей. Даже шоферы мы пытаемся удерживать своих. Потому что, если люди соучаствуют в творчестве, если они заинтересованы и вместе с тобой страдают и наслаждаются сделанным, бригадир осветителей не выключит свет, когда окончилась смена: мол, шесть часов — конец работе. С моей группой такого быть не может. Мне даже просить об этом не нужно, осветители знают: пока я не скажу «Стоп», они должны работать, ибо понимают, просто так я их мучить не буду. Это их отношение к делу компенсируется какими-то нашими личными

отношениями, совместным общением, спортом, наконец. В нашей группе, например, мы часто играем в футбол. Это своеобразная психотерапия. На поле мне могут сказать все что угодно...

— Ты считаешь, что человек должен иметь возможность сказать своему начальнику, в данном случае режиссеру-постановщику, самые резкие слова?

— Да, это необходимо. И именно поэтому, чтобы этого никогда не случилось в процессе съемок, такая разрядка должна происходить где угодно, когда угодно и по любому не связанному с производством поводу. Если человека прорвало на площадке из-за того, что он не согласен с твоими требованиями, твоей трактовкой эпизода, или потому, что его разместили в номере гостиницы, где протекает потолок, это плохо. Но если он орет на тебя, потому что ты не вовремя отдал ему пас в штрафной площадке, — это совсем другое дело, это сближает.

— Если ты нашел способ разряжать стрессовые ситуации, почему все-таки не все члены твоей группы удерживаются в ней? В первую очередь я имею в виду актеров. Блестяще снявшись у тебя в двух-трех фильмах, они вдруг как бы вываливаются из коллектива...

— Они не вываливаются. Во-первых, не в каждом сценарии есть роли, подходящие конкретному актеру или актрисе. Но это чисто формальная сторона дела. Любая группа — очень серьезный, очень мощный, я бы сказал, биологический организм. В нем постоянно происходят разные сложные процессы, которые не позволяют ему постоянно находиться в том виде, в каком группа была создана в первый раз. Даже театр, более стабильное дело по сравнению со съемочной группой, даже он все время развивается, меняется, и было бы наивно думать, что он будет вечно существовать таким, каким был создан. Любой творческий коллектив обладает своим определенным биологическим полем, он живет, видоизменяется, обновляется и, что очень важно, требует постоянного ухода за собой.

— Когда вспоминаешь поставленные тобой фильмы и те, что ты собираешься ставить, невольно удивляешься их тематическому разбросу и разноплановости. Ты сам видишь какую-то внутреннюю логику, стержень, который объединяет снятые тобой картины?

— Думаю, стержня тут нет. Во всяком случае, я никогда не пытался анализировать этот процесс. Снимаю как бог даст и считаю, что в этом деле нужно только одно: прислушиваться к себе, хочешь ты это снимать или не хочешь. Тут надо точно давать себе отчет: ты берешься за это, потому что такова твоя внутренняя потребность, потому что это тебе органично, или потому что тебе сейчас просто нечего делать, или потому что тебя попросили, и так далее, и так далее.

— Но, я думаю, очень сложно всякий раз братья только за то, что хочешь ты. Не каждому это дадут, не каждому позволят выбирать...

— В данном случае я не могу обсуждать вопрос, каждому дадут или не каждому. Если я начну его обсуждать, то тем самым подпишу под тем, что мне дадут, потому что я не каждый. А это, думаю, неверная позиция. Я убежден, что всегда можно отказаться от того, что тебе не хочется снимать.

— Раз отказался, два, а потом могут больше и не предложить. Короче, кино — это борьба?

— Конечно. И всегда нелегкая. Но, как бы ни было трудно, режиссер должен бороться до конца за свою точку зрения.

— А ты разрешаешь другим бороться за свою точку зрения?

Я имею в виду прежде всего актеров. Если представление о герое не совпадает с твоим видением, ты предоставляешь актеру свободу или же стараешься его переломить?

— Моя задача не в том, чтобы переломить его, а в том, чтобы сделать мое видение роли его видением, если оно иное. То есть убедить его, что то, как вижу я, — это и есть то, что хочет он.

— Это очень трудно?

— Каждый раз по-разному. Иногда мы вместе с актером медленно и трудно ползем по роли, строим ее, как мозаичную картину из каких-то кусочков, фрагментов, а потом разгрызаем и снимаем, как по нотам. А бывает, что все происходит очень легко и просто.

— Тебе помогает в этом то, что сам снимаешься в кино?

— Безусловно. Во-первых, я понимаю психику актера, а во-вторых, сам могу показать, порой очень точно и неплохо.

— И тогда они лучше понимают, чего ты от них добиваешься?

— Не только. Когда ты объясняешь на словах, он говорит: я не понимаю, хотя, может быть, просто не хочет понять. А вот когда я ему сыграю, да еще сыграю точно, срабатывает естественное актерское честолюбие, желание не ударить в грязь лицом, желание не просто повторить, что показал я, а сыграть лучше. А мне это как раз и нужно.

— Ты снялся, по-моему, в фильмах двадцати — двадцати пяти?

— Да, что-то около того...

— Съемки у других режиссеров дают тебе опыт работы с актерами?

— Нет. Мне неловко об этом говорить, но... Как бы это объяснить? Я не считаю себя лучшим среди режиссеров, но я считаю себя другим. То, что они порой требуют от меня, лично я бы не требовал. Скажу так: мне, артисту, очень удобно было работать со своим старшим братом Андреем Кончаловским. Я чувствовал его, он чувствовал меня — это естественно: братья, хорошо знаем друг друга. Мне было радостно работать с Георгием Данелией в его фильме «Я шагаю по Москве». Правда, я тогда ничего не понимал в режиссерской работе, и у меня просто оставались от съемок приятные ощущения. Но сейчас, отматывая время назад, я понимаю, какой это замечательный режиссер. Я очень люблю его картины...

— С кем из актеров тебе лучше всего работало?

— С Юрием Богатыревым...

— Почему? Он полностью выполняет твои требования?

— Мало того, что он всегда понимает, что я от него требую, он фантастически ощущает образ персонажа. Его существо, характер, пластику. Поразительный актер. Мне было хорошо работать с Александром Калягиным из-за его актерской податливости, высокого профессионализма, умения воплотить предложенный режиссером образ. Мне легко работало с Андреем Алексеевичем Поповым, Ириной Купченко, Люсей Гурченко. Могу и дальше продолжить этот список, работал-то я с хорошими артистами.

— Мы, журналисты, любим спрашивать о творческих планах. Не хочу быть исключением. Но интересно меня твои планы в широком смысле: что бы ты хотел снять в будущем, может быть, не ближайшем, а более отдаленном?

— Ты меня прости, но, как говорит, человек предполагает, а бог располагает. Планов, конечно, много, а как их выполнять? Я считаю, что нужно прислушиваться к тому, что в тебе самом происходит, что происходит вокруг, и двигаться вперед, пытаясь быть как можно более органично связанным с тем, что тебе кажется, и с тем, о чем ты можешь честно сказать: вот это

я хочу. А на вопрос, заданный самому себе «почему?», ответ может быть лишь один: потому что я это хочу, потому что я это ощущаю. А не потому, что это может быть денежно, что обещает поездку за границу, что это престижно и так далее. Ибо, по словам Герцена (я говорю сейчас не цитату, а передаю смысл), если импульс не в тебе самом, не в твоём сердце, а в чём-то другом, то ты раб при всех храбростях своих. Желание сделать это, а не что-либо другое должно рождаться внутри тебя. А дальше, как говорится, бог поможет, и все сложится.

— **Но дальше может получиться, что тебе не дадут денег на съёмки, или «зарезут» сценарий, или случится еще десяток всяких «или», которые не позволят приступить к работе...**

— Ну и не надо. Ведь сказал Михаил Булгаков: никогда ничего не проси, особенно у тех, кто сильнее тебя. Сами придут и все дадут. И он прав. Поэтому, если руководству кинематографа невыгодно, чтобы я работал, если оно убеждено, что то, что я делаю, никому не нужно, я не буду за ним бегать и убеждать, что я работать должен. Я найду себе применение...

— **Но все равно обидно, что кто-то, часто не имеющий прямого отношения к кино, решает за тебя, будешь ты что-то ставить или нет.**

— Я к этому привык. И все к этому привыкаю. Поэтому я считаю, что самое главное — существовать согласно своему представлению о мире и чтобы это представление в меньшей мере зависело от твоего честолюбия.

— **Не шло в перекося с ним, не особенно жестко было?**

— Конечно. Хотя тут зарекаются трудно: работаешь-то на виду. Во всяком случае, это большое испытание — оставаться самим собой.

— **Меня всегда интересовало, Никита, почему и твой брат, Андрей Кончаловский, и ты, начав с музыки, все-таки ушли в кино. Андрей бросил ради него консерваторию, ты — училище. Почему? Музыкальная карьера — тоже достаточно престижна, тем более что вы оба шли по классу фортепиано, где можно проявиться лично. Есть в этом логика? Был для тебя пример брата стимулирующим фактором?**

— В какой-то мере пример Андрея был достаточно сильным импульсом: старший брат. Но у меня нет рассказа, который бы мог логически объяснить это.

Почему музыке предпочли кинематограф? Кино, на мой взгляд, — это соединение музыки, пластики, поэзии. В данном случае я имею в виду, разумеется, не музыку, которая слышна, а музыку эпизода, музыку изображения. Все это должно быть крайне музыкально, на мой взгляд. Это тот кинематограф, который мне нравится. Хотя есть и другое кино: есть Годар, Герман, Бондарчук. Одно не исключает другого. Просто есть одно, есть другое.

— **Ты поставил в один ряд таких разных режиссеров, что от неожиданности сразу не знаешь, что и сказать... Хорошо. Ты считаешь, что у Германа нет пластики, музыки эпизода?**

— Почему же? Конечно, у него все это есть. Но свое! У него все выдержано, продумано, логически завершено... Знаешь, есть хорошие режиссеры, которые снимают прекрасные картины, автором которых ты не хотел бы быть...

— **Например?**

— Ну вот хотя бы прекрасные картины Элема Климова «Иди и смотри» и «Прощание». Отличные работы, я их понимаю. Но автором бы не хотел быть.

— **Почему?**

— Не знаю...

— **Еще автором каких фильмов ты не хотел бы быть?**

— Из хороших, разумеется? Я не хотел бы быть автором фильма «Мой друг Иван Лапшин».

— **Почему?**

— Я сам не знаю. Это хорошая картина. Прекрасная. Но это не «мое».

— **Тогда давай по-другому поставим вопрос: автором каких картин ты хотел бы быть?**

— Я хотел бы быть автором «Полетов во сне и наяву» Романа Балаяна. Но, сразу оговорюсь, при другом финале.

— **Каким?**

— Ну просто при ином финале... Вернее, я все сделал бы то же самое, но пластически по-другому снял. При том же финале, с тем, что герой прыгает с обрыва. В общем, все оставил точно так же, но изменил бы структуру пикника. Мне кажется, что он снят торопливо. Я понимаю почему: уходила натура, снимали в другом месте и так далее. Досказывали сюжет. Я все понимаю... Но такого рода финал картины — чрезвычайно важный момент. Тут никакая торопливость из-за отсутствия погоды не должна сказываться на его качестве — это принципиально.

— **Хорошо. Еще какие фильмы?**

— Я хотел бы быть автором картины «Кто-то пролетел над гнездом кукушки» Милоша Формана.

— **Здесь есть оговорки?**

— Никаких... Я хотел бы быть автором картины «Бумажная луна» американца Богдановича, картины «Барышня с коробкой», снятой Борисом Барнетом еще в 1927 году. Я хотел бы быть автором «8½» Феллини и мечтал бы быть автором любой ленты Бергмана.

— **А фильмом Тарковского?**

— Нет.

— **А своего брата Андрея Кончаловского-Михалкова?**

— «Асина любовь» и в какой-то мере «Дядя Ваня»... Но это не надо трогать. Это несправедливо. Брат. Я практически вырос из него. Но в то же время мы идем разными дорогами...

— **Но, может быть, как раз это-то и объяснит психологию режиссерского труда: хотя вырос из него, но тем не менее другой...**

— Психологию работы режиссера можно понять, только глядя его фильм, видя, что и как он снимает, — это единственный путь. По тому, что я называл, можно понять разве что мои творческие концепции.

— **А как ты относишься к лидерам современного американского кино. Копполе, например?**

— Копполу я люблю, уважаю безо всяких разговоров... Но это американское кино. Это отдельно стоящая, создаваемая монтажом вещь! Экшн! Экшн! Экшн! Действие! Действие! Действие! Все держится на нем и на напряжении. Никакого полета, атмосферы. Той атмосферы, которая есть всегда в фильмах Тарковского, всегда создается им и которая являет собою часть его фильмов. Тарковский — режиссер на двести процентов... минус работа с актерами. Я считаю, что он не очень хорошо работал с актерами. Но все остальное создавалось им настолько роскошно и с таким пониманием... В американском кино этого и близко нет. Там за этим некогда наблюдать. Нет времени. Экшн! Экшн! Экшн! Действие! Крупный план. Морда. Удар. Человек падает. Выстрел. Кто-то летит. Прюжок. Раз-два, смонтировали. Попали, не попали — неважно. Экшн! Экшн! Какая там атмосфера, кто о ней думает!

— **Твоя профессия тебе много дала. Имею в виду и материальную, и моральную сторону. Твоя работа на виду, она престижна. Но ведь и берет она много. По обилию напряженных ситуаций мало найдется подобных.**

— Но я это как раз и люблю. Мне это нравится. Я был рад, когда снимал «Обломов» и «Пять вечеров» одновременно. Я был предельно занят, у меня ни на что не хватало времени. Но я был счастлив.

— **Я не о занятости говорю. Вот позавчера я наблюдал съемку в течение всего дня. Сначала что-то не так играли актеры. Когда же с ними уладилось, начался дождь. Он окончился только к обеду. Пообедали, дождались солнца. Можно снимать,**

но массовка, утомленная ожиданиями, никак не могла сосредоточиться и делать то, что от нее требовалось. Только к вечеру едва-едва завершили то, что планировали успеть до обеда. Или вот сегодня...

...На сегодня было запланировано снять два простеньких плана: главный герой переезжает на телеге через брод, а потом трусит проселком по ржаному полю.

Место съемок выбрали километрах в пятидесяти от города. Поросшая лесом речушка, от нее мощенная бульжником дорога поднимается вверх вдоль строя вековых тополей к четвертой старинной усадьбе. Вид открывается неповторимый. С настроением. Только снимаю.

Ночью над городом пронесся шумный ливень, но к утру распогодилось. Все складывалось как нельзя лучше. И мы с Никитой договорились, что побеседуем на природе сразу после съемок, которые должны были закончиться, судя по всему, довольно рано.

Но, приехав на место, мы нашли там картину полного разгрома. Ночная буря повалила большую часть тополей, аккуратно уложив их рядом поперек дороги. У немногих устоявших деревьев были обломаны сучья и вершины. Тщедушная речка Покша, налившись дождевой воды, утопила брод метра на полтора-два. Все, что накануне было так тщательно распланировано, летело кувырком. А когда наконец были найдены новые точки съемки и можно было приступать к работе, невзвест от куда набежавшие тучки стали совсем не ко времени сыпать занудливым дождиком. Только к вечеру, полностью измочаленные капризами этого незадавшегося денюшка, мы сели в мосфильмовскую «Волгу» и начали вот этот разговор. И, вспомнив все к концу пути, я сказал:

— **По-моему, главное, что в первую очередь необходимо режиссеру, — не талант, а железные нервы. Смотрел я на тебя позавчера, сегодня утром, так и не понял, как ты все это переносишь. Меня бы хватил инфаркт...**

— Ну зачем же так? Я вот позавчера еду в микроавтобусе домой, расстроенный, уставший, масса накладок, все не стыкуется, не ладится, и вдруг совершенно реально понимаю: а ведь это и есть счастье. Когда я в работе, когда со своей группой, со своими товарищами снимаю кино. Никто еще не знает, каким оно будет, но мы уже сейчас создаем какой-то новый мир. Какие-то вещи не выходят. Но ведь что-то и получается. Пусть совсем немного, пусть по сантиметру пленки, по секунде экранного времени, но мы все-таки продаем вперед. Да, собственно говоря, почему жизнь должна состоять только из удовольствий? Для меня быть в работе — счастье. Когда я еду и вижу красивый пейзаж или необычный закат солнца, то не воспринимаю его — может быть, к сожалению — как красивый пейзаж или просто необыкновенный закат, а думаю: как жалко, что нет камеры, это можно было бы использовать в картине. Надо запомнить это состояние или это место.

— **Это-то я, положим, понимаю. Не понимаю только, как можно сдерживаться, когда все идет наперекосяк. Что тебе в таких ситуациях помогает?**

— Я не могу сказать точно: использую вот это. Ирония, юмор, шутка помогают разрядить сложную обстановку. Если всерьез относиться ко всему, что происходит, можно с ума сойти. Смотришь на причуды погоды и понимаешь, что ты тут бессильен. Ну и нечего нервничать. Знаешь, есть такое замечательное слово, вернее, не слово, позиция: значит, так надо. Что-то страшное — значит, так надо. И сразу на душе становится спокойно.

— **Когда ты начинаешь фильм, ты уже видишь, каким он будет: цвет, свет, монтаж? Или все рождается на площадке. В конкретных обстоятельствах?**

— Я его с самого начала вижу весь целиком, как говорится, от и до. Но это вовсе не означает, что он будет таким. Потому что каждое конкретное обстоятельство рождает новый поворот, новый режим, новое состояние. И в результате возникает что-то новое, обязательно лучше или хуже, чем я задумал, но другое. И это все при том, что еще на стадии написания сценария, когда мы с Сашей Адабашьяном только только приступаем к работе, я не могу написать ни одной сцены, пока точно ее не увижу, пока точно не представлю, как буду ее снимать.

— **Кстати, не совсем понятно, как образовался ваш творческий союз, когда, почему. Я понимаю, были вы оба драматургами. А то один — режиссер, другой — художник, но на пару пишете сценарии, вместе снимаете фильмы, а порой еще и сами в них снимаетесь...**

— С Александром Адабашьяном мы дружим лет с четырнадцати, когда о кино оба всерьез не задумывались. Он окончил Строгановку, я — ВГИК. В какой-то момент решили работать вместе. Сначала как художник и режиссер. Потом стали писать и сценарии. Тут сразу многое сошлось: и то, что много лет хорошо знаем друг друга, что у нас схожие вкусы, что оба имеем определенный литературный дар.

— **А вот чисто технически, как проходит ваша работа?**

— Сначала обговариваем сцены. Он пишет свое, я — свое.

— **Случается, что спорите?**

— Конечно. Когда пишем сценарий, спорим по сценарию, когда снимаем картину — спорим уже по самим съемкам. Но так как режиссер все-таки отвечает за все, вместе взятое, то в случаях, когда мы не приходим к общему знаменателю, я поступаю так, как считаю нужным.

— **Никита, ты нашел себя в профессии режиссера. Ты ее любишь, и она, скажем так, платит тебе взаимностью. А вот видишь ты себя в каком-то другом качестве? Есть другие профессии, близкие твоей натуре или, скажем, психике?**

— Есть: дирижер.

— **Почему?**

— Не знаю. Я просто завидую этой профессии и умению дирижеров выжать что-то свое из того, что сделано другими. Казалось бы, есть ноты, есть оркестр, и все-таки хороший дирижер вносит в музыку свою трактовку. Как? Еще завидую людям, обладающим хорошим голосом, настоящим певцам. И дело тут не в славе, не в поклонении — в возможности вдруг прекрасным образом выплеснуть себя. Причем сейчас,瞬息万变, именно в это мгновение. Не так, допустим, как художник: он целый год пишет картину, которую когда-то там еще выставят, увидят, оценят...

— **Тебе не нравится более замедленный, отдаленный результат?**

— Дело не в результате — другой процесс. В книге Юрия Луцица о Гончарове замечательно сказано: счастье — это не когда получилось или когда получится, а когда получается. Улавливаешь тонкость? Когда певец поет — если он великий певец, — у него «получается». То же самое и у дирижера...

— **Но ты-то не дирижер, не певец, ты — кинорежиссер. Доволен, что выбрал эту профессию?**

— А ты доволен, что живешь? Я уже сказал, что не дело: вот это моя работа, а вот это моя личная жизнь. Для меня это неразделимо и взаимозависимо. Со всеми накладками, осложнениями, которые меня расстраивают, огорчают. Но это моя жизнь. Я этим живу.

Георгий ВАЙНЕР

БЕС В РЕБРО

Мой муж знает все. Фигурально выражаясь, конечно. Наверное, никто не знает всего. Но объем сведений средней энциклопедии рационально и надежно размещен в его голове — суховатой, ладно посаженной, всегда красиво подстриженной и причесанной. Этих сведений у него, наверное, чуть меньше, чем в Большой энциклопедии, но уж наверняка больше, чем в Малой. И это совсем неплохо — держать в голове средний универсальный свод систематизированных знаний.

Будь у меня больше времени, любознательности и ума, я бы за пятнадцать лет, прожитых совместно с Витечкой, сама успела стать энциклопедически сведущей девушкой — легко, естественно, необременительно, как обучаются люди во сне иностранным языкам.

Нужны были только ум, любознательность и время. Но времени не хватает. У нас с Витечкой двое детей, и эти наглые паршивцы пожирают все свободное время. Они мелкие вандалы, разрушившие навсегда недостроенное здание моей высокой культуры.

Любознательности тоже не хватает. Витечка говорит, что любознательность — это почва интеллекта, гумус сознания. Живительная влага знаний не проникает в меня, как дождь в глинистый грунт, а собирается на поверхности в медленно зацветающие лужи. Растет на моей небогатой ниве бурьян мелочных дел и чертополох пустяковых забот литсотрудника отдела информации вечерней городской газеты.

Ну, а про ум женский и говорить-то нечего! И так все ясно.

И многолетняя уверенность, что Витечка знает все, должна была и сейчас заставить меня верить, будто у него кризис.

Не досада, не усталость, не разочарование. Кризис! Мучительное осознание середины неправильно прожитой жизни.

Тягостное душевное состояние, научно доказанное и сформулированное американской журналисткой и социологом Гейл Шиихи...

А я с испугом думала о том, что я Витечке не верю. Нет, не то что бы я не верила в существование этой неведомой Гейл Шиихи. Или в то, что Витечка не читал ее не изданную еще у нас книгу «Кризисы в жизни взрослого человека». Или сомневалась в научной доказательности предсказаний этой самой Шиихи.

Я была готова согласиться с правильностью ее заочного, не переведенного на русский язык диагноза Витечкиного состояния. Я слушала его внимательно и убеждалась со стыдом, что все подлинно научное мне глубоко чуждо, ибо со всей ясностью поняла, что Витечкин кризис вызван вовсе не постижением ученых изысканий Шиихи.

У Витечки есть баба. На стороне.

Раньше говорили изысканнее, существовало множество красивых слов об этом неприятном для жены событии: «у него флирт», «завел романчик».

А сейчас говорят: у него баба на стороне. Вот и весь кризис.

И, судя по тому, что Витечка подтянул на помощь себе Шииху, и по тому, как он нервозно-быстро говорил о том, что его творческая жизнь, его индивидуальность съедена и почти уничтожена бытом, моей пассивностью, моей бесхозяйственностью, вынужденными компромиссами из-за нас — из-за меня и детей, — я сообразила, что у него не флирт, не романчик, не адюльтер. Там серьезно.

Витечка жарко и убедительно говорил о том, что ему уже тридцать семь, что Пушкина в этом возрасте уже убили, а он не напечатал ни строки из душевно-заповедного и не снял ни одного настоящего фильма, что он ежедневно погибает на своей тусклой и бессмысленной работе, которую только из снисходительности можно назвать творческой, что он стыдится ее, что перед ним предстала во всей пугающей обнаженности перспектива неизбежности смерти, а все еще ничего не сделано, что он вышел на последний жизненный рубеж...

Ему нужен месяц, или два, или черт его знает, сколько понадобится, чтобы сосредоточиться, одному, без нас, без вони горелого лука, без разговоров о нехватке денег и необходимости купить Маринке пальто и в последний раз попробовать сломать на себе каменяющую панцирь неудачника! Гейл Шиихи точно описала этот комплекс...

А я слушала его, кивала, издавая время от времени сочувственно-бессмысленные междометия, и испытывала странное чувство — будто я целиком вмерзла в лед. По телевизору я как-то видела передачу: во время операции на сердце пациента сильно охлаждаются — надо затормозить жизненные процессы.

Витечка производил сейчас очень ответственную и сложную операцию на моем сердце, и мой мозг, так привыкший подчиняться ему всегда, и сейчас помогал Витечке, затормозив все мои реакции.

Я слушала его и вяло думала о том, что, наверное, сейчас должна я кричать, плакать, скандалить или встать на колени, напомнить ему, что он любит детей и без них жить не сможет ни с какой Шиихой...

Что мы прожили пятнадцать лет, и никто никогда не будет его любить так, как я...

Что он человек, в сущности, душевно дряблый, без воли и мужского характера, ему очень нужна моя любовь, потому что мне его добродетели не нужны. Так уж получилось, что я его люблю таким, какой он есть, и согласится ли с его слабостями и недостатками Гейл Шиихи — неизвестно, и следующего кризиса он, возможно, не перенесет: Шииха сломает ему хребет.

Но ничего я не могла сказать и ничего не сделала, потому что обрушилась на меня тоска космического холода, я заледенела, все во мне оцепенело от неожиданности, страха и боли.

Я никогда не ревновала Витечку. Даже странно! Ведь он красивый молодой мужчина, умный, яркий человек. Я видела, как смотрят на него женщины — как на молодого пушистого щенка: теплеет глаз, ладошка произвольно тянется поглядеть, и губы складываются в сюсюкающе-ласковом бормотании.

А все равно не ревновала. От дурацкой неколебимой уверенности, что Витечка — это мое! Ничье, только мое! Предназначенное...

С того незапамятного вечера на первом курсе университета — он пригласил танцевать, и я мистическим прозрением блаженных увидела, что пришел мой человек — навсегда.

А теперь надежный прочный корабль моего дома вдруг тонет. Неведомая жучиха по имени Гейл Шиихи проточила незаметно борт, и хлынула внутрь черная ледяная вода всемирного потопы.

Господи, что ж теперь будет?

Судорожно вздохнула я и спросила Витечку, и голос мой противно дребезжал:

— Сколько лет ей?..

— Шиихи? — будто налетел на стул посреди комнаты Витечка. — Не знаю... Лет сорок пять...

— Нет, не Шиихи, — сказала я замороженно. — К которой уходишь...

— Ты с ума сошла, — неуверенно ответил Витечка. — Мне сейчас еще сцен ревности не хватает!..

— Витечка, от меня муж впервые уходит, — постаралась я сказать полегче, и весь остаток сил я собрала на то, чтобы постыдно, в голос не зареветь. — У меня опыта нет. Не знаю, как вести себя уместнее...

— Господи! — кричал Витечка со страданием. — Ну, прошу тебя — услышь меня! Прислушайся к тому, что я говорю тебе!..

Витечка умел искренне и сильно страдать из-за чужой неправоты. Я не хотела его страданий и толку в них никакого не видела, поскольку привыкла к тому, что, пострадав из-за моей всегдашней неправоты, он все равно делал все по-своему.

— Витечка, я прислушалась к тебе. И услышала тебя, — сказала я устало. — Тебе для преодоления кризиса нужны сосредоточенность, уединенность и новая женщина. Если тебе станет лучше — я согласна...

— Что ты корчишь из себя казанскую сироту?! — завопил Витечка, он начинал сердиться всерьез.

Это было безошибочное средство — в споре рассердиться на меня. И называлось оно «дать укорот». Не знаю, откуда оно взялось, это глуповатое выражение, но Витечка точно усвоил, что, получив «укорот», я обычно соглашалась: делая как знаешь. Я, наверное, трусоватый человек и конформистка по природе, но мне ни разу не довелось увидеть, чтобы один из спорщиков сказал другому: «Ты переубедил меня, я не прав и перехожу на твою точку зрения». Поэтому, услышав грозовой рокот предстоящего «укорота», я заранее сдаюсь и занимаю Витечкину позицию.

Но сейчас, видимо, моя реакция не совпала с ролью, придуманной мне в сценарии «Расставание интеллигентных супругов», и Витечкино режиссерское чувство было глубоко уязвлено отсებითиной, которую я бессовестно порола на выпуске спектакля в свет.

— Почему ты всегда выдумываешь себе роль жертвы? — с настоящей страстью и негодованием спрашивал он меня. — Почему ты и обо мне подумать не хочешь?!

— О чем я должна подумать? О том, как тебе переносимо тяжело бросить детей и меня? О твоих мучениях, когда ты обманывал меня как последнюю дуру? Или о невыносимом тебе бремени алиментов?

— Вот ты вся в этом! Вся твоя лицемерная любовь! Ты всегда мягко стелешь, а спать с тобой очень жестко!

Я бессильно развела руками:

— Наверное, ты прав. Поэтому у тебя кризис. И ты уходишь к той, с кем мягко спать...

Или я нарушила порядок ходов, или подточенная кризисом Витечкина нервная система не выдержала, но вдруг его лицо жалко скривилось, задергался подбородок — он заплакал. Бежали по его лицу прозрачные круглые слезы, а он быстро, горячо бормотал:

— Да... да... я всегда знал цену твоим жертвам... Вся твоя мягкость и сговорчивость — сплошная показуха... Ты внутри каменная... Все вы — жертвователи несчастные — однажды счет подаете... Там все записано и учтено... Все!.. Платите за любовь! За заботу! Под каждой вашей жертвой закопана корысть...

— Витечка, ты от своей Шиихи совсем ополоумел! Ты послушай себя. Что ты несешь? Какие жертвы? Какая корысть? Вся моя корысть — жить с тобой вместе...

Почему-то меня не возмущали его дурацкие обвинения, в них было что-то запальчиво-ребяческое, когда нет чувства правоты в споре, но есть лишь мечта сохранить лицо.

— Я устал! — кричал Витечка. — Я не могу так больше!..

И плакал. Я с острым стыдом думала, что не испытываю ни гнева, ни унижения, а только щемящее желание его легонько отшлепать, прижать к себе, утешить, вытереть с лица слезы.

Но не могла этого сделать. Потому что выработанным за долгие годы знанием его чувств я видела, что он не хочет от меня утешения и мира. Ему нужен сейчас скандал, раздор, злость. Он хотел плакать.

— Ты всегда делаешь вид, будто согласна со мной, что понимаешь меня и сочувствуешь! — горевал он о своем умершем чувстве. — А сама ты радуешься в глубине души моим неудачам! Тогда ты счастлива — мы с тобой пара неудачников. Оба сидим в теплом дерьме! Союз неудачливых талантов! Нам обоим не повезло в жизни, и мы вместе до гроба — дураки оба!.. Ты хочешь превратить наш дом в заказник убогости — ферму придурков и неудачников...

— Витечка, я не считаю себя неудачницей... — робко попыталась я остановить его.

— Конечно! — взвился он. — Неудачник — я один!

По щекам его катились легкие детские слезы — без соли, без горечи, без муки. Ему становилось от них

легче. Витечке было сейчас приятно плакать, так же, как бывает приятно смеяться.

— Витечка, давай прекратим этот разговор, — предложила я. — И делай как знаешь...

Он быстро вышел из комнаты, и в ванной с рокотом и ревом забушевал кран, будто сшиблись там две водные стихии — Витечкина и водопроводная, — доказывая друг другу искренность и силу своего напора.

Но у Витечки было больше чувства, а в кране — воды, и когда Витечка вернулся в комнату, то лишь слабая краснота глаз и ноздрей напоминала о разразившейся сейчас буре.

Витечка подошел к столу и сел боком на стул, и меня это снова остро кольнуло в оледеневшее сердце — он возвратился уже как гость, как чужой в этом доме, он уже много раз в мыслях проигрывал уход, он ушел отсюда давно. Потому что, когда он был хозяином, он никогда не сидел боком у стола — валялся на диване, усаживался широко в кресле или седлал стул верхом, — но боком у стола он не сидел никогда.

И я поняла, что он решил окончательно. И, видимо, давно.

А Витечка негромко, извиняющимся голосом, как проситель на приеме, сказал:

— Поверь мне, я люблю тебя! Я вас всех люблю! Но я не могу так больше...

И оттого, что я отчужденно молчала, ему казалось, что он еще мне что-то недообъяснил, не сказал каких-то умных и утешающих слов, которые могли бы безболезненно и приятно для всех решить эту противную проблему: плавный выход со старой, надоевшей базы — под руководством Гейл Шиихи — через кризис — к новому полноценному счастью.

Я была главным препятствием в этой прекрасной программе, поскольку Витечка любил меня и не желал мне неприятностей, но никак я не вписывалась в благополучный проект построения новой светлой жизни.

Но Витечка вообще очень верил в силу СЛОВА, в его огромные возможности, и, чтобы сделать мою участь не такой безысходной, терпеливо и ласково объяснял про свои сложности:

— Пойми, человек приходит в жизнь сырым и голым, и единственное, чем он располагает, — свободой... Но только осознав это, он делает все возможное, чтобы избавиться от нее — продать, обменять, отдать задаром или с доплатой...

— Витечка, я поняла тебя: ты отдал мне пятнадцать лучших лет свободы с доплатой в виде детей. Спасибо, но я уверена, что не смогу тебе возместить такую щедрость...

— Зачем ты так говоришь? Зачем ты язвиль? — сказал он жалобно и неуверенно добавил: — Нам надо пережить этот кризис — это общий кризис нашей жизни, я вернусь, и все наладится...

— Нет, — сказала я твердо и встала. — Ты не возвращайся сюда. Уходи, скоро придут из школы дети...

Резко — ножом по стеклу — прозвенел телефонный звонок. Я вздрогнула и рванулась к аппарату, безумная надежда полькнула — Витечка звонит, хочет сказать, что все это глупость, пустые разговоры, мелкие семейные дразги, расстройство чувств, короткое помрачение ума — он успокоился и едет домой.

— Слушаю!..

— Здравствуйте! Мне нужна Ирина Сергеевна.

Нет, это не Витечкин горячий тенор, возбужденный, чуть тревожный, напористый, сразу что-то доказывающий собеседнику одним только тембром.

Густой спокойный баритон сытого, всем довольного человека. Наверное, благополучного. Жену, скорее всего, давно бросил.

— Я у телефона...

— Ирина Сергеевна, моя фамилия Ларионов. Я вам привез из Одессы живой привет от Ады...

Елки-палки! Мне сейчас только делов — от сумасшедшей сестры гостей принимать! Господи, ну что ты привязался ко мне!

Ада, ненормальная, от своего неизбывного доброжелательства и провинциального радушия посылает нам со всякой немислимой оказией гостинцы — это у нее называется живой привет. Однажды она умудрилась silkом всучить ящик с помидорами оказавшемуся в Одессе директору студии, где работает Витечка. Матерясь, директор озверело сунул Витечке в нос текущий соком ящик, а Витечка, плача от злости, чуть не убил меня посылкой. «Сообщи своей кретинке, что она мне ящиком томатного сока испортила последние брюки и карьеру режиссера...» — сказал он.

Но я ничего не сообщила своей двоюродной сестре Аде, которую по привычке все повторяют за Витечкой называю ненормальной и придурочной. Она не кретинка, а несправимо, безнадежно добрая женщина. И несчастная. И любит нас. Не знаю: может быть, любить кого-то сейчас действительно сумасшествие? От этой ненормальности строго и педантично печат...

— Аллэ, аллэ! Вы слышите меня, Ирина Сергеевна? Вы пропали куда-то! — доставал меня густой голос из телефона. Такой голос наверняка исходит из билыного чрева. Он живет в тяжелом, грузном человеке, как в пещере.

— Да, да! Я слушаю, простите...
— Ада прислала вам посылочку.— Фрукты для детей, я хотел завести...
— Спасибо большое, мне вас совестно утруждать. Если вы скажете, где вы остановились, я подошлю сына за посылкой...— сделала я попытку.

Трубка усмехнулась:
— Боюсь, пареньку Адина посылка пока не по силам. Она на мою тягловую мощность рассчитана...
Вот беда! Нет у меня сил сейчас общаться с посторонним человеком, не до него мне, мне вообще сейчас ни до кого на свете!

И детям моим, черт побери, нужен сейчас отец, а не фрукты из Одессы!

Но у Ады нет для моих детей отца, чтобы прислать его живым приветом с Ларионовым, который своим толстым голосом доброжелательно предложил:

— Да я заброшу — труда не составляет.
— Спасибо...— растерянно ответила я, так и не придумав, как не пустить человека, который невестку откуда везет твоим детям подарок и в придачу предлагает доставить его в дом. Не скажешь же чужому человеку, что мне все фрукты мира до лампочки, что меня муж бросил!

— Вы меня, наверное, не помните, Ирина Сергеевна,— сочно, мягко, плотно говорил на другом конце провода Ларионов.— Мы два года назад танцевали на дне рождения у Ады. Помните, на даче в Люстдорфе? Вы были тогда всей семьей...

— Да, да, да, припоминаю,— готовно согласилась я, хотя, конечно, никого и в лицо — не то что по телефону — не вспомнила бы из той несусветной толчи, которая вершилась у Ады на праздниках. Сто незнакомых между собой людей — все ближайшие друзья Ады — орут, шутят, танцуют под старинный граммофон, едят колбасу, сыр, овощи с картонных и фольговых тарелочек, пьют из граненых стаканов, консервных банок и пластмассовых стопок.

И все счастливы. Я помню, что было очень весело. Витечка — в ударе — импровизировал, острит, изображал, читал пародии и смешные стишата. Одним словом, «держал стол». Все были потрясены им — Витечка выкладывался на совесть.

Ночью, когда мы с Адой закончили приборку, Витечка сказал мне досадливо:

— Все-таки провинциализм — неизлечимая болезнь...

— Ты о ком? — удивилась я.
— О них... Темные, дикие люди...

Подумав мгновение — не обижу ли я его, — спросила с искренним интересом:

— А чего ж ты так надирывался?

Витечка долго рассматривал меня, потом пояснил:
— Хочу тебе напомнить, что это праздник твоей сестры. И, чтобы получился действительно праздник, а не тупая обжирательная пьянка, надо, чтобы кто-то один постарался для всех...

Витечка вообще очень мало ел и совсем ничего не пил. «При моей нервной системе мне нужен не коньяк, а бром», — пояснял он с усмешкой.

Наверное, оттого, что я устала тогда за долгий день, я стала раздражаться его величавостью:

— По-моему, нормальные милые люди. А если они тебе показались такими дикими провинциалами, то незачем было так на разрыв стараться...

Витечка усмехнулся:

— Артист не может исходить из того, нравится ему публика или нет. Он должен на нее работать.

— Но ты тут не артист, а родственник, гость. И никому ничего не должен...

— Артист — звезда артист. И всегда должен. Всем...

— Наверное,— согласилась я, и вдруг черт дернул меня за язык. — Мне показалось, что они тебе нужны не меньше, чем ты им...

Боже, как жутко разобиделся Витечка! Целый месяц весь отпуск превратился в сплошной «укорот».

О, какой это был великий «укорот»! Раскаленный докрасна жгучей обидой, горделиво-немой, презрительно цедящий укоризну «укорот».

Тем и запомнился мне день рождения Ады. А никакого Ларионова, никаких густоголосых толстяков танцоров в памяти не осталось.

— Вы слышите меня, Ирина Сергеевна? — снова переспросил Ларионов.— Плохо слышно!

— Да-да! — откликнулась я.— Аппарат барахлит чего-то...

Это не звук, это я пропадаю куда-то.

Ларионов меня раздражал своим благодушно-беззаботным густым голосом, каким-то избыточным спокойным благополучием, мощным током которого я ощущала по телефонным проводам. И без вопросов было ясно, что у него все в порядке — со здоровьем, со временем, со служебными делами, и с семьей отлично!

Жену наверняка давно бросил. Ходит, бездельник горластый, по вечеринкам и именинам, пляшет.

— Так вам часиков в семь удобно, Ирина Сергеевна? — штурмовал он меня.

— Да, конечно...— Я замаялась, подумав о том, что не знаю его имени-отчества. И спросить неловко — мы ведь с ним старые друзья. Танцоры дискго, как говорит мой сын Сережка: «Он — кретин, она — редиска».

— Конечно,— повторила я.— Приходите, я в семь буду дома...

Я теперь всегда буду в семь дома.

Положила трубку, замерла обессиленно на стуле, но в прихожей громко стукнула дверь, затопали ногами мои вандалы, что-то сердито крикнул Сережка, а Маринка ехидно подвизнула и с упреждающим воплем: «Только тронь, я маме сразу скажу!» — ворвалась в кухню, юркнула за мою спину и оттуда, из надежного укрытия, с обезьяньими ужимками и демонстрациями красного, острого кошачьего языка стала дразнить Сережку: «Всем по ириске, а тебе очистки, всем по ириске, а тебе очистки...»

Сережка сделал заявление, подбоченившись для официальности:

— Мама, мне эта стукачка надоела! Больше я забирать ее с продленки не буду! Пускай сама идет домой! Или сидит там до ночи! Мне она надоела...

Через их головы я посмотрела на себя в зеркало — нет, ничего страшного. Только синюшно-бледная.

— Мама, он сам придирается сначала, шкодничает, а потом говорит: не буду я с тобой мириться!

Они боевито препирались между собой, напористо качали права, но я их плохо слышала. Будто ваты в уши натолкала. Или гром над головой грохнул. Гром небесный...

Всем по ириске, а тебе очистки. Незапамятно давно Витечка любил меня и называл меня Иришка-Ириска. Ириска. Он говорил, что у меня глаза, как ириски, коричневые, мягкие, сладкие.

Всем по ириске, а тебе очистки.
Нет, Ириска, все тебе очистки.

— Мама, ты слышишь меня? — дергала меня за руку Маринка.— Галина Лаврентьевна сказала, что родительский комитет велел собрать со всех по три семидесят на украшение класса. И ты забыла сдать мне за завтраки три тридцать. Галина Лаврентьевна велела положить деньги в конверт и булавкой застегнуть мне в карманчике. Ты не забудешь?

— Постараюсь...

— А где отец? — спросил Сережка.

Где отец? Действительно, а где сейчас наш отец?

— Папа уехал в командировку...

— Мне хочется заплакать, и не могу,— сказала я Людке.— Слезы пропали...

Она сочувственно хмыкнула:

— Ну, об этом не беспокойся — еще наплачешься вволю.

— Что же мне делать? — растерянно спросила я.

— Наплевать,— решительно посоветовала Людка.— Куда он денется? Побесится месяц — приползет на коленях.

— А я что? Что мне-то делать, когда он приползет? На коленях. Или верхом...

— Набить ему фейс, то есть физиономию, часок подуться и сразу же простить.

А поскольку я подавленно молчала, она решила пояснить мне существо вопроса.

— Витечка — мужик воздушный, слова у него — зефирный пар, дела — на нуле, а фанатерий — выше крыши! Ему без тебя в этой жизни хана! Покрутится маленько на хвосте, погарцует, а потом ему молодка обязательно скажет: если ты такой умный — покажи свои деньги!

Странное ощущение — нечем дышать все время. Людка быстро тараторила что-то оптимистически безысходное.

Я завидую моей неунывающей подруге. Скоро сорок, а ей хоть бы хны! Людка, одно слово... Живет весело, стремительно, на послушного мужа не обращает внимания. Дружит с «сыроедами», «голодарями», экстрасенсами, йогами, преподает в институте физику, изучает дзэн-буддизм, ходит в турпоходы со студентами, раз в три года — что-нибудь экзотическое по линии международного туризма. И утешает меня и себя самодельного изготовления мудростью:

— Все счастливые семьи несчастны по-своему...
А я сидела неподвижно, прикрыв глаза, слушала ее, и было у меня ощущение, что я падаю в себя, как в шахту.

Я медленно, будто ощущую вспоминала, что когда-то я уже переживала такое состояние. Да-да, два года назад — мы возвращались на машине приятеля из-за города. Было такое же тихое сентябрьское предвечерье, небо впереди было залито теплой латунной желтизной только что закатившегося за косогор солнца. Машина упористо, с негромким настырным рычанием шла на подъем, на заднем сиденье дремали дети, и тонко насвистывал мелодию Витечка.

И вдруг я увидела, как со встречного полотна дороги через разделительную полосу вылетел нам навстречу грузовик.

Сколько было до него? Сто метров? Десять?

Огромный оранжево-красный «КамАЗ» двигался навстречу. Нет, он не мчался, не ревел грозно, а бесшумно, плавно, неумолимо наваливался. Не видно было вращения колес, не чувствовалось никакого усилия в его ужасающем немом стремлении прямо на нас. Наверное, так летит снаряд.

И в эти незримые доли секунды охватила меня невыносимая мука осознанной потери всего: детей, беззаботно насвистывающего Витечки, не видящего страшного грузовика впереди, этого теплого вечера, желтого неба, рассыпанных под задним стеклом цветов — бесшумно и молниеносно исчезающей жизни.

Не крик, не вопль — судорожный стон разорвал меня тогда, и казалось, что это не явь, а завершение кошмара, пронзительно пугающего сна, сковавшего немотой и бессилием.

Сидевший за рулем приятель вынырнул из оцепенения, круто тормознул, визг резины на шоссе полоснул слух, резко крутанул баранку направо, и «Жигуль», словно пришпоренный, рывком прыгнул через кювет на обочину — толчок, звон стекла вместе с ослепляющим ударом в лицо, в грудь, в плечо, громовой рев грузовика где-то над нами, за спиной, и тишина. Все живы?! Вроде все в порядке, никто не ушибся, только у меня кровь течет из носа, из уха, и рукой не могу пошевелить...

Ни рукой не могу пошевелить. Ни ногой. Глаз не могу открыть. Как Вио, хочется попросить: поднимите мне веки!

Нет сил. Столбняк напал. Тетанус!

Ах, если бы сейчас распахнулась дверь, ворвался со смехом Витечка, походя — за что угодно — дал мне «укорот», указав нестрого, но требовательно на какое-то мое очередное упущение, господи, я чувствовала бы себя такой же счастливой, как в том придорожном кювете со сломанной ключницей и треснувшими ребрами!

Но тот давний грузовик, промчавшийся над нами с ревом и жутким утробным гулом, исчез в сгущающихся сумерках навсегда.

А сейчас мы не успели увернуться от него, соскочить с его пути — он врезался в нас, ведомый твердой, знающей рукой Гейл Шиихи.

Я помотала головой, чтобы стряхнуть наваждение, и подумала горько: я и сейчас не хочу смотреть правде в глаза! Не надо, не поднимайте мне веки!

Но тот давний грузовик, промчавшийся над нами с ревом и жутким утробным гулом, исчез в сгущающихся сумерках навсегда.

А сейчас мы не успели увернуться от него, соскочить с его пути — он врезался в нас, ведомый твердой, знающей рукой Гейл Шиихи.

Я помотала головой, чтобы стряхнуть наваждение, и подумала горько: я и сейчас не хочу смотреть правде в глаза! Не надо, не поднимайте мне веки!

Ведь это не Гейл Шиихи сидела за баранкой страшного тягача — это Витечка непонятно как, совсем незаметно выбрался из нашей скорлупной машинки и перебрался за руль грузовика. В кризисе, в слезах, с болью он протаранил меня, с печалью и состраданием понимая, что нет на свете обочины и кювета, в который я могла свернуть от этого разящего удара...

...— Да и толку от нынешних мужиков — на грош! — убеждала меня Людка.— Мне мой жеужок на 8 Марта подарил дрель и набор слесарных инструментов.

Ты, говорит, инженер и теперь все технические проблемы в доме сможешь легко решить! Ну, есть о чем с ними разговаривать?..

— Не о чем,— кивнула я и спросила:— А детям-то что мне сказать?

— Ничего не говори! — дала твердое указание Людка.— Наплети им что угодно: уехал, мол, отец на некоторое время... Нечего их вмишивать!

— А потом? Ведь потом надо будет сказать? Потому что им скажу?

— Потом посмотришь, что надо сказать. По ситуации. Тем более, что приползет скоро твой ненаглядный Витечка... Все образуется...

— Нет, не образуется...— покачала я головой.

— Брось! — махнула рукой Людка.— Вон у нас на кафедре сопромата профессор Васечкин три раза на Галке Фокиной женился.

— Это как? — слабо поинтересовалась я.

— А он с ней жить не может, и врозь не получается. Дважды разводился, а потом снова регистрировался.

Она тут как-то опять отмочила номер, он в третий раз пошел разводиться, а в суде по ошибке назначили слушание на 30 февраля. Васечкин решил, что это знак свыше, и больше не рыпается...

— Эх, Людка, беда в том, что я никогда никаких номеров не отмачивала! И трижды сходиться-расходиться с Витечкой не собираюсь...

— Это ты сейчас от горя-обиды такая горячая, — сочувственно покивала Людка. — Остынешь, подумаешь, отойдешь...

— О чем же мне думать?

— Ну, думать тебе сейчас не передумать! Ты баба красивая, ничего не скажешь, да только годиков тебе, как Христу, натикало. Выгляни в окошко — полна улица девок-красоток. Без детей, без забот и хлопот. Без лифчиков теперь ходят. Никому мы, кроме своих чайников, не нужны. Как моя бабка говорила: коли брошена жена — за беду на ей вина...

— Брошена, — повторила я медленно. — Смотри, Людка, как странно, обо мне надо теперь говорить, как о вещи, — «брошенная». Ненужная. Только ненужные вещи бросают...

— Да перестань ты, — рассердилась Людка. — Тебе сейчас киснуть, расплываться никак нельзя...

Ларионов не приехал. И не позвонил.

Я подумала об этом, как только утром открыла глаза, и охватила меня слепая, бессильная ярость. Я так напрягалась, чтобы не послать его ко всем чертям с этим живым приветом! Меня муж бросил! Мне хотелось весь вечер выть и бить стеклянные предметы, потом влезть в теплую ванну, выключить предвзвешенно свет, и лежать там недвижимо, в теплой темноте и уединенности.

А вместо этого я, как говорит Витечка, «сделала себе выхлудное лицо» и три часа сидела дура душой, дожидаясь гонца из прошлой счастливой жизни с ящиком баклажанов и начавших гореть помидоров. Потом выдернула из розетки телефон, приняла две таблетки родедорма, полночи крутилась без сна и, вынырнув утром из вязкой толщи беспамьяства, вспомнила не об ушедшем Витечке, и не о детях, и не о своих невеселых делишках, а злобно вскинулась на этого густоголового осла, продержавшего меня весь вечер в бессмысленно-ненужном напряжении.

Вам не приходится ждать гостей, когда муж отправляется у вас в бессрочный отпуск? Когда он выходит из дома на месяц, или два, или черт его знает, сколько понадобится, чтобы в последний раз попробовать сломать на себе каменеющий панцирь неудачника...

С утра — от снотворного, от недосыпа, от скользкого холодного кома страха под ложечкой — голова идет кругом. Ребята переругиваются, электроплита, кошмарное изобретение, сначала ни за что не нагревается, потом никак не остывает. На улице изморось, не забыть бы зонтик. Деньги Маринке в школу — в конверт и застегнуть в кармане булавкой.

— Быстрее, ребята, быстрее, ешьте яичницу, пока не остыла...

— Мам, не хочу яичницу, я просто бутерброд с маслом, — нудит Маринка.

— Давай, давай, жри больше белые булки, скоро станешь тетя-шкаф, — подъезжает к ней Сережка.

У Маринки глаз пухнет мерцающей сердитой слезой, она ищет ответ похлестче, словечко пообиднее, но ничего толкового ей не приходит на ум, и она беспомощно-зло гудит:

— А ты... ты... ты сам... сам...

Я пытаюсь ей помочь:

— Во всей классической литературе описано, как дети по утрам едят булки с маслом. У Чехова, например, полно...

— У них у всех был несбалансированный рацион, — небрежно сообщает Сережка. — Совершенно нездоровые люди. Жрали одни жиры и углеводы, мало белков, жуткий дефицит витаминов...

О господи, еще один энциклопедист растет в доме на мою голову! Я узнаю знакомые Витечкины безапелляционные ноты и сразу робею, я и с Сережкой готова заранее согласиться.

— Сейчас точно установлено, что царь Алексей Михайлович умер от авитаминоза... — снисходительно просвещает нас с Маринкой молодой Витечка. — Дикость невероятная! Слез бы с крыльца, стал на четвереньки и просто травы бы пожевал, как козел... И порядок — царствовал бы себе дальше...

— Скорее, дети, скорее, опоздаете...

В небольшой нашей прихожей они натягивают куртки, непрерывно наталкиваясь и мешая друг другу, как гуппи в аквариуме, недовольно бормочут — на них тоже давит грязная серость осеннего утра. А может быть, не зная, предчувствуют: к ним пришла первая беда.

На лестничной клетке пахло пылью, иссохшим мусором, из лифтовой шахты поддувал керосиновый ветер. Люминесцентная лампа на стене точила дрожащий неверный свет, она уже почернела с краев. Видно, догорала ее светлая стеклянная жизнь.

— Ма, я тебя последний раз предупреждаю, — строго сказал мне Сережка. — Я ее с продленки брать не буду, если она...

— Она тебя будет слушаться, не сердись, — попытался я его обнять, но Сережка уже большой, он еле заметно отстраняется, и на лице его выражение непреклонное, как у Витечки, когда он дает мне «укорот». — Она ведь еще маленькая.

— Кто маленькая? Она?! — возмущается Сережка, и голос его заглушает лязг лифтовых дверей. — Да я в ее годы...

Они вваливаются в деревянный футляр кабины, и я еще слышу, как Маринка говорит ему медовым голосом:

— Да! Я еще маленькая! И я девочка, поэтому ты должен меня слушаться во всем...

— Пропуск! — как всегда негромко и внятно сказала Церберуня, обозначив конец моего рабочего дня.

Вот единственный человек на своем месте! Церберуня называется «боец ВОХРа», и охраняет этот негнбаемый боец вход в редакцию от праздношатающихся. Если надо в газету — вот на стене телефон, позвони. Коли пришел по делу — закажут тебе пропуск, и тогда иди, куда тебе надо, с предъявлением паспорта, конечно. Церберуня, настоящая фамилия которой Щерба, работает на этом посту много лет и знает всех сотрудников как облупленных.

Но в штатном списке ее обязанностей нигде не записано, что она должна нас знать в лицо. Поэтому, сколько бы раз за день мы ни проходили мимо ее столика в вестибюле, она проверяет у нас удостоверение. Берет в руки коричневую книжечку, тщательно сверяет лицо с фотографией, внимательно читает лаконичную пропись фамилии-имени-отчества и должности, бдитительно проверяет подлинность подписи главного редактора, слышит ненарушенность печати и тогда возвращает со словами: «Можете идти!»

Скорее всего, если бы она вместо этой процедуры приветливо махала нам рукой, или говорила «Привет!», или просто сухо кивала, как это делают все остальные вахтеры, мы бы и не знали ее фамилии и не стали бы ее называть сначала Церба, а потом ласково-ненавистнически «Церберуня». Мы бы ее не запомнили, мы бы ее практически не знали. А так мы ее помним, мы ее знаем. Ежедневно она служит нам напоминанием торжества принципа «максимальной пакости», поскольку дежурит или утром, когда мчишься на работу, опаздывая ровно на минуту, а с точки зрения начальства именно эта минута является краеугольным камнем дисциплины, или вечером, когда руки заняты сумками, папками с бумагами, зонтом, и приходится сваливать на пол всю эту поклажу, чтобы разрыть закопавшееся на самое дно сумочки удостоверение.

Мы ненавидим Церберуню, скандалим с ней, грубим, она смотрит немгающими глазами, молча качает головой и пишет на нас рапорты своему начальству. А те жалуются нашему главному, который шерстит нас, удивляясь тому, как мы не можем понять, что Щерба добросовестно выполняет свой долг. «Если бы вы отработывали свою зарплату так, как/эта не очень молодая и не очень грамотная женщина, газета была бы много интереснее...» — с печальным вздохом добавляет главный всякий раз после скандала с бойцом ВОХР Щербой.

Мне кажется, что наше отношение к Церберуне ей самой безразлично. Я уверена, что если бы мы вдруг перестали замечать ее или по необъяснимой причине все вместе полюбили ее, она очень скоро бы уволилась. Я убеждена, что наша ненависть питает ее жизненную энергию, наполняет эмоциональный мир человеческими страстями, она поглощает нашу неприязнь, как растения — углекислый газ. Ей не нужен кислород добродетельства, она жадно впитывает источаемую мной углекислоту, когда говорит тихо и отчетливо:

— Пропуск!..

Несколько мгновений сладчайшего торжества от ощущения самой высокой из всех доступных форм власти над другим человеком — возможности заставить его выполнить абсолютно бессмысленное дело, сколь малым бы оно ни было. Тут вопрос не в объеме дела, а в его бессмысленности: чем абсурднее, чем мельче, тем приятнее. Наверное, приятнее, острее это чувство — ничем другим объяснить я не могу это скрупулезное изучение картонки, удостоверяющей личность, которую знаешь до оскомины много лет.

Церберуня еще не выпустила из своих сухих бдительных лапок мое удостоверение, когда я услышала за спиной знакомый густой голос:

— Ирина Сергеевна!..

Отглянувшись — сухопарый белообрый парень в синем плаще и фуражке с золотой кокардой. Невысокий, очень загорелый и смущенно улыбающийся.

— Здравствуйте, Ирина Сергеевна! Извините, я не приехал вчера, меня в милицию забрали... Ларионов моя фамилия, я вам звонил...

Пальцы Церберуни конвульсивно сжались на моем удостоверении, она подняла взгляд на Ларионова, и я прочла в ее бесцветных глазах тоску от невозможности сразу же забрать у него документы. Но это не входило в ее обязанности, она только вздохнула тяжело из-за того, что нет права проверять людей с той стороны ее поста, и отдала мне удостоверение. «Можете идти!»

Интересно знать: если бы я, находясь в редакции, потеряла пропуск, она бы не выпустила меня из здания? Я бродила бы целую ночь по пустым коридорам и гулким кабинетам, жалобно просилась домой, а Церберуня, не смыкая глаз, как настоящий боец, следила, чтобы никто не прошел ко мне с воли, а сама я не прорвалась мимо ее поста?

И острая антипатия к вахтерше, к этому злому караульному животному вдруг перекрыла, смысла бесследно раздражение и досаду, которые я испытывала к Ларионову, заставившему меня вчера столько времени ждать его в тягостном напряжении.

Назло Церберуне я взяла Ларионова под руку и, помахивая игриво сумкой, повела его к выходу.

— Идите быстрее, — сказала я, — иначе она захочет вернуть вас в милицию...

Ларионов засмеялся:

— А мне и так завтра туда идти...

На улице, в меркнувшем свете осеннего вечера я рассмотрела, что от виска по щеке к уху тянутся у него на лице не то царапины, не то ссадины. Он заметил мой взгляд и снова смущенно улыбнулся:

— Вы не смотрите так, я вообще-то не хулиган... Это случайно.

— А что там у вас приключилось?

— Да ну! Глупость! Хмыри какие-то пристали...

— Мальчишки, что ли? — спросила я.

— Да нет, — покачал он головой, — они вполне уже взрослые мальчишки, лет по тридцать, наверное...

— А чего хотели? — полюбопытствовала я.

— Да так, пришлось их уgomонить немножко... Несмотря на сухость, в нем чувствовалась крепкая, мускулистая сила, да и огромный целлофановый мешок с заграничными наклейками и рисунками он нес в руке, будто это была маленькая авосечка. Я почему-то сразу поверила, что он может легко уgomонить разбушевавшихся хмырей.

— Ирина Сергеевна, если вы не возражаете, я провожу вас домой: посылка тяжелая, вам самой не дотащить...

С одной стороны, посвятить два вечера Ларионову при моих нынешних делах — как-то многовато получалось, а с другой — мысль тащить этот огромный мешок, пихаться с ним на остановку, лезть в троллейбус была невыносима. Больше всего хотелось прийти домой, принять ванну и лечь спать, чтобы не вспоминать ни Витечку, ни текущие неприятности дня, ни необходимость объяснять что-то детям, ни ждать завтрашнего пробуждения с массой вопросов, которые мне теперь предстоит решать...

Бог с ним, с Ларионовым, пускай провожает! Может быть, возьмет такси, доедет быстрее до дому, а там как-нибудь от него отобьюсь. Мне было немного неловко из-за своего коммерческого подхода, и я как можно любезней сказала:

— Если вам это не составит труда и у вас нет других, более приятных и нужных дел, то мне вы доставите тем самым удовольствие.

— Да я совсем свободен, мне делать нечего. Командировку я закончил, а видеть вас мне приятно...

Я неопределенно хмыкнула, а он сказал очень убежденно:

— Да-да, очень приятно. Вы знаете, я много раз вспоминал тот вечер, когда мы познакомились.

— Да, тогда был прекрасный праздник, — сказала я неопределенно, поскольку и по сей момент не могла вспомнить о том, как мы с ним танцевали. Его тогда не существовало в моей жизни, его не было на карте земли, потому что в ту пору всем миром для меня был Витечка.

Ларионов будто подслушал мои мысли.

— Я надеюсь, ваш супруг не будет в претензии, что я вас провожаю. Я ведь ничего плохого не имею в виду...

Меня рассмешил его провинциализм, и я подумала о том, что, наверное, Витечка теперь совершенно не будет иметь претензий ни к кому из провожающих меня. Витечка теперь занят Гейл Шиши.

И не знаю почему — никакой в этом не было необходимости, неожиданно для себя я сказала:

— Мой супруг не будет к вам иметь претензий, потому что он меня бросил!

— Вас?! — с безмерным удивлением спросил он.

— Ну не вас же! — раздраженно ответила я. — Конечно, меня!

Он смутился еще сильнее и растерянно забормотал:

— Ирина Сергеевна, простите, я ничего не знал, я как-то так бестактно... Я не хотел...

— Я понимаю, можете не извиняться. Это не ваша и, по-моему, даже не моя вина... Жизнь такая...

Ларионов выпустил мою руку и шел рядом в сосредоточенном молчании. Я видела, как он напряженно о чем-то размышлял. И клокотавшие в нем слова и мысли наконец обрели форму категорического заявления:

— Он наверняка сошел с ума!

— Может быть, — кивнула я, — но только вокруг многовато сумасшедших, судя по количеству разводов. Люди просто надоедают друг другу.

Ларионов закинул свой мешок с одесскими фруктами за плечо и сказал с огромной убежденностью:

— Вообще-то я знаю много людей, которые развелись, но еще ни разу не видел, чтобы человек бросил жену и женился лучше. Обычно новые жены очень похожи на старых, только несколько хуже...

Я усмехнулась, он впал в вакханалию смущения:

— Простите, старая — не в том смысле, что она старая, а просто прежняя жена... И вообще, Ирина Сергеевна, если бы у меня была жена, как вы... Да вообще, по-моему, вы удивительная женщина.

— Ну, хватит, — махнула я рукой, — вы мне лучше скажите, что вас в милиции — оштрафовали или письмо на работу пошлют?

— Да нет, я отказался платить штраф.

Тут уж удивилась я:

— Как это вы отказались? По-моему, согласия нарушителя не спрашивают. Это как при разводе, — засмеялась я, — если не хочешь больше так жить — разводишься.

— Нет, это не совсем так. Они нам предложили в милиции как бы помириться, и всех штрафуют.

— Кто они? — удивилась я.

— Ну, дознаватель там, я не знаю, как называется, оперуполномоченный. Сказал, что все хороши одинаково и всех оштрафуют.

— А вы что?

— А я сказал, что я не согласен. Пускай разбирают дело по существу. Почему это меня штрафовать? Они хулиганье, а штрафовать всех. Выходит, я с ними вместе наравне виноват.

— А вы считаете, что виноваты только они? — спросила я.

— Конечно! Они ко мне пристали. Я их не трогал. Да и вообще!..

Все, что он говорил, он излагал с убежденностью. Вот с этой непререкаемой уверенностью он сказал:

— Я точно знаю, что им нельзя этого вот так спускать с рук. Заплатят четвертак, завтра снова станут хулиганить и драться. Проступок, совершенный дважды, кажется людям дозволенным. А этого нельзя допускать!..

— Вы еще, оказывается, и воспитатель, — засмеялась я.

— Да нет, какой я воспитатель, — сдвинул он на затылок фуражку. — Но все равно противно, когда трое дураков пьяных знают, что одного-то они всегда поколотят. Но не прошел номер на этот раз. Да ладно, — засмеялся он, — завтра разберемся как-нибудь.

Вечер был теплый, слоисто-серый, слепой. Казалось, что мокрый тротуар, дома, облетающие деревья сочатся этой голубовато-сизой дымкой, втекающей в улицы, как сонная вода.

— А что это за фуражка на вас? — спросила я.

— Эта? — Он для уверенности потрогал свой черный фургон с золотым шитьем.

— А у вас при себе есть еще одна?

— Нет, — снова смутился он. Вообще он слишком часто смущался, во всяком случае, для человека, который любит драться сразу с тремя хулиганами. — Вы, Ирина Сергеевна, просто забыли. Рассказывал я вам — я же штурман дальнего плавания. Я старпом на ролкере...

— Ну, конечно! — с притворным воодушевлением воскликнула я. — Я просто не знала, что штурманы носят такие красивые шапки...

Не могу же я ему объяснить, что я и его-то самого не помню, не то что разговоры про какой-то неизвестный мне ролкер.

Люди вокруг нас будто плыли в пепельном сумраке надвигающейся ночи, но плыли они быстро, светливо, пихаясь сумками и толкая в бок локтями. Машины с шипящим шорканьем пролетали по мостовой, оставляя в пелене сгущающейся мглы трассирующие кровавые следы габаритных огней.

— Эх, такси бы поймать... — мечтательно сказал Ларионов. — Да где его взять — час пик...

А поскольку я никак не отреагировала, он добавил, будто извиняясь:

— Вообще с такси здесь неблагополучно... У меня теперь против такси предубеждение будет...

— Это почему еще? — удивилась я.

— Так ведь весь этот скандал вчера из-за такси завязался...

— Черт с ним, с такси, вон троллейбус подходит к остановке, успеем!

Ларионов сунул мне в руки фотоаппарат — я только сейчас рассмотрела, что у него на плече болталась

камера, — схватил мою сумку и со своим ярким полиэтиленовым мешком через плечо устремился передо мной к остановке. В толчее перед растворенной дверью пропустил вперед, нас растаскивали, отпихивали, мяли, потом общим рывком подняли в салон, захлопнулись створки, и мы оказались впрессованными друг в друга в массе крутого пассажирского фарша.

— У вас гривенник есть? — спросила я.

— Есть, но я руками не могу пошевелить.

Распираемая людскими телами коробка троллейбуса казалась хлипкой, ненадежно тонкой. Она тряслась и дрожала на разгонах, едко дребезжали стекла, и тонко вибрировал под ногами пол. Было ощущение, что этот плексигласовый ящик просто надет на нас.

— Контролер не поймает? — озобоченно спросил Ларионов.

— Но если вы не можете достать гривенник, он ведь тем более не достанет свой жетон, — заметила я.

— Я думаю, у контролеров есть тренированность на толкучку, — рассудительно сказал Ларионов и добавил удивленно: — Странная все-таки работа — душить, толкаться, ловить...

Тут я его вспомнила. Мы сейчас стояли лицом к лицу, тесно прижатые толпой друг к другу, как когда-то давно на даче в танце, но раньше я не могла его вспомнить, потому что не смотрела ему прямо в глаза — очень странные глаза, с чуть потупленным взглядом, который сначала казался смущенным и лишь немного погодя оказывался невыносимо упрямым. Ни рассказов его про штурманство, ни про какой-то ролкер, даже внешность его отчетливо не могла припомнить. А вспомнила взгляд. И еще он говорил, что умеет играть на кларнете. Почему? Не помню...

Перед нашей остановкой народ у двери уплотнился, перегруппировался, вспучился — так, наверное, сжимаются и взрываются галактики, — и вышвырнуло нас на тротуар, и, прежде чем я опомнилась, Ларионов выхватил из кармана монету и сунул в чью-то высунутую из салона ладонь.

— Опустите, пожалуйста, за проезд! — крикнул он вслед уносящемуся с завыванием троллейбусу.

— Я вижу, вы всегда аккуратно платите за проезд, — сказала я серьезно.

— Ага, — кивнул он. — Плачу. Я вообще порядок люблю...

И смотрел он немного в сторону, будто снова застенялся своей любви к порядку. Я подумала, что так вот, сильно стесняясь, он за соблюдение исповедуемого им порядка с жены, с подчиненных или обидчика шкуру спустит.

Мы шли по переулку к моему дому, и серый туман над мостовой быстро сгущался в синюю мглу. Было так тихо, что отчетливо слышался сухой шуршащий шелест, с которым падали на асфальт подсохшие кленовые листья.

Чтобы не молчать, спросила, сама не знаю зачем, не интересовало это меня нисколько:

— А ваша жена любит порядок?

— Алена? — удивилась он моему вопросу. И развеялся: — Не-ет, Алена никакого порядка не признает...

— Что так? — равнодушно спросила я, лениво продолжая этот никчемный разговор.

— Ну, как вам сказать... Порядок — это определенная равновесная система обязательств и прав... А там, где всегда возникает запашок обязательств, там исчезает моя Алена... — Он сказал это безо всякой сердитости или досады и снова рассмеялся, видимо, приложив мысленно свою жену к идее порядка.

— А как же уживаетесь?

— Так мы и не уживаемся... Мы ведь врозь живем... Я почти весь год в плавании, на берегу почти не бываю... А Алена живет как-то хаотически-весело.

— И не разводиться? — спросила я и подумала, что всякого рода семейные неурядицы стали для меня сейчас самой интересной темой.

— Нет, — покачал он своей нарядной фуражкой. — Нам это обоим причинило бы массу сложностей. Алена — значительные материальные потери. А мне, по-видимому, моральные...

— В каком смысле?

— Я же на заграничии. Как разведусь, так меня с мостика в два счета турнут. А я только полмира обошел, интересно вторую половину посмотреть. Да и люблю я свою работу...

Полмира обошел! Экий Буцефал. Он меня раздражал своей неколебимой уверенностью в своих незначительных суждениях. А что ей было делать, этой неведомой мне Алене, если она на берегу почти не бывает? Сидеть почти весь год на пристани и дожидаться, когда этот Магеллан пожалует на своем ролкере из второй половины мира? Решила жить хаотически-весело.

И с острой горечью подумала, что Витечку, пожалуй, я бы ждала почти весь год. И еще год. И еще... Только бы вернулся...

Уже в лифте он спросил неожиданно:

— Вы верите в приметы?

— Не верю, — отрезала я. — Я человек несусеверный...

— Не может быть! — застенчиво-уверенно сказал Ларионов. — Несусеверны только попы, мелкие чиновники и могильщики. У них работа без риска...

— А вы суеверный?

— Ну, как вам сказать... В приметы я верю. — Он перекинул с плеча на плечо свой увесистый цветной мешок. — Меня приметы редко обманывают...

— Какая же была у вас примета насчет вчерашней драки?

Он неопределенно хмыкнул:

— У меня была примета не к драке... Да, собственно, это неважно...

Я нажала кнопку дверного звонка, ребята с визгом выкатились мне навстречу, но замерли, увидев Ларинова, и с интересом воззрились на него.

— Познакомьтесь, детки... Это друг нашей Ады, приехал из Одессы...

Сережка протянул ему руку и деловито осведомился:

— Вы моряк?

— Моряк, — кивнул Ларионов. — Штурман...

— А как ваше фио? — продолжал допытываться Сережка.

— Что? — удивилась я. — Что такое «фио»?

— Фамилия-имя-отчество! — сообщил Сережка. — В журналах, вообще в списках есть такая графа — «ФИО»...

— Мое фио — Алексей Петрович Ларионов, — усмехнулся гость. — Можно просто Алексей...

— А меня зовут Сергей...

— Так я тебя, Сергей, помню... Ты тогда, правда, был поменьше... На даче у Ады я вас всех видел... И Маринку, и папу твоего...

Истомившаяся молчаливым Маринка обрадовалась, что ее включили в круг собеседников, и сообщить ей хотелось, конечно, что-нибудь значительное. Она и сказала приподнято-взволнованно:

— Мам, нам Галина Лаврентьевна сказала, что нас приняли в общество охраны памятников. И велела принести завтра двадцать копеек — удостоверение будут давать...

Сережка ехидно спросил:

— А ты за бесплатно памятники охранять не можешь?

— Нет, нет! — заволновалась Маринка. — Нам удостоверение давать будут!

— А фотографию не надо сдавать на удостоверение? — ехидно-серьезно расспрашивал Сережка. — А то ты по растяпству своему потеряешь удостоверение, и кто-нибудь вместо тебя незаконно будет памятники охранять.

— Галина Лаврентьевна ничего не говорила про фотографию, — растерялась Маринка. — Она только про двадцать копеек сказала...

— Ну, тогда твое дело швах, — лицемерно сочувствовал Сережка.

— Отстань, Сергей, — засмеялся Ларионов. — Я прямо сейчас сделаю тебе фотографию на удостоверение. И не простую, а цветную...

Мы недоверчиво уставились на него, а Ларионов положил на пол мою сумку, цветной мешок, скинул на вешалку плащ и взял у меня из рук фотоаппарат.

— Маринка, знаешь, что это такое?

— Фотоаппарат. Но карточки...

— Будут, будут тебе карточки, — обнял ее за плечи и уверенно пошел в гостиную, будто сто раз бывал у нас дома. — Это, Маринка, аппарат, да не совсем обычный. Называется полароид...

Он усадил ее на стул, а мы с Сережкой с любопытством следили за ними. Я опасалась, как бы он не выдумал какой-нибудь глупой шутки, вроде вылетающей из объектива птички вместо фотографии. А он серьезно спросил ее:

— Слушай, если тебе нужно фото на такой важный документ, может быть, наденем тебе мою фуражку? Все-таки ты природу будешь охранять...

— Не природу, а памятники, — поправила Маринка, но идея ей явно понравилась, она с охотой нацепила его фуражку, сдвинув чуть на затылок.

Ларионов быстро открыл футляр — обычный крупный фотоаппарат. Навел резкость, а Сережка бормотнул завистливо под руку:

— Темно здесь, ничего не проработается...

— Проработается, — уверенно сказал Ларионов. — Маринка, смотри на меня, головой не трясись, не моргай — выдержка большая, а то будешь на снимке, как сонная курица...

Нажал на кнопку, короткая ослепительная вспышка блица, шуршащий картонный шорох, и откуда-то из-под аппарата выползла квадратная карточка.

— Прошу, фото готово, — протянул Ларионов Маринке карточку.

— Так тут же ничего нет! — разочарованно воскликнула она.

— Как говорит мой боцман: годи помалу! Ждем минутку...

Середина белой пластмассовой карточки стала наливать мутью, как будто заливали ее киснувшее молоко, в ней появилась голубизна и прозелень, еле заметный вначале цвет стал постепенно набирать силу и глубину. Из туманных разводов цветового хаоса появились отчетливые линии, и вдруг в центре пластинки вынырнуло Маринкино серьезное лицо в фуражке. Ее смешная рожица словно выплывала к нам из глубины морской воды: появились удивленные глаза, сжатые строго губы, кокарда. Из сумрака небытия возникла она, натекла сочным цветом, появилось ощущение пространства и тепла.

— Во зыко! — ахнул Сережка. Два бессмысленных кошмарных слова выражают максимальный восторг, высшую категорию качества: «Зыко!» и «Зыро-вски!» — А мне можно?

— На, работай! — протянул ему поляроид Ларионов. — Учти, в кассете десять снимков, распорядись с умом...

Я на кухне высыпала на стол из мешка присланные Адой фрукты. Огромные алые яблоки, золотисто-желтые длинные груши. Из гостиной доносился Маринкин восхищенный визг, значительно басил, срываясь на петушиный вскрик, Сережка, и чуть тягучий голос Ларионова объяснял им что-то, наверное, про необходимость соблюдать порядок. Потом я услышала недоверчивый вопрос Сережки:

— И на Бермудах?!

— Конечно, бывал...

— А око тайфуна — это не выдумки?

— Нет, не выдумки — кольцо шторма вокруг судна, а внутри мертвая зыбь... Сухогруз «Тарасов» погиб...

Ах, как было бы хорошо, если бы с ними сидел там Витечка! Шутил, подначивал вопросами Ларионова, строил свои обычные несбыточные планы: «С завтрашнего дня строим плот с ларусами — отправляемся через Атлантику...»

Мы ведь, Витечка, готовы были поплыть с тобой на плоту через океан по первому твоему слову. Нам и штурман Ларионов для этого был не нужен. Мы твердо верили, что ты знаешь курс к счастью. Зачем нам еще штурман? А ты нас завез на необитаемый остров. А сам уплыл неведомо куда, обвязавшись на дорожку спасательным поясом с надписью «Гейл Шиихи»...

Из мешка высыпались душистые зеленые огурчики фейхоа и тугие оранжевые комья хурмы. Они были обтекаемо-острые, как девичьи груди, и сочились изнутри светом вроде китайских фонариков.

Маринка с жаром объясняла Ларионову:

— Это давно было, когда еще жили начальные люди, то есть мартышки...

В дверях кухни появился смеющийся Ларионов. Я показала ему на фрукты:

— Впервые слышу, чтобы в Одессе росли хурма и фейхоа...

Ларионов покраснел, заерзал:

— Понимаете, Ирина Сергеевна, глупость вышла с посылкой... Я ведь ее уже поставил в такси, когда драка началась...

— И что, за время драки помидоры превратились в хурму?

— Нет. — Он растерянно развел руками. — Когда драка круто заварилась, таксист дал газ и укатил... И посылочка с ним вместе тютю...

— Тютю-тютю... — бессмысленно повторила я за ним. — Дороговато, боюсь, станет посылочка...

— Да что вы, Ирина Сергеевна! — взмок от неловкости Ларионов. — Я днем заскочил на Центральный рынок — там и выбор лучше нашего, и цены, можно сказать, дешевле... Пусть ребята витаминчиков покушают... Хорошие у вас мальцы!...

Я махнула рукой:

— Да ладно! Все дети прекрасны, все старики почтенны...

У него, по-моему, есть перебои с чувством юмора, потому что он совершенно серьезно ответил:

— Не знаю... Я не верю, что все дети прекрасны, а старики заслуживают уважения. — Помолчал мгновение и добавил: — Есть противные дети и презренные старики...

В кухню влетел Сережка с поляроидом в руках: — Вот так стойте!.. Рядом!.. Ма, чуть-чуть ближе...

— Вот так, стоп!

Польхнула крохотная молния блица, с шуршащим шипением выползла еще слепая карточка. Но грома небесного я не услышала. Не услышала я беззвучного немого грома. В сентябре редко гремит гром.

Так и стоим мы на той цветной карточке — рядом, у стола, заваленного горой золотисто-оранжевых и зеленых фруктов.

К концу дня позвонил на работу Ларионов.

— Ирина Сергеевна, вы хотели передать Аде какие-то книги...

— Да, да, спасибо! И отдать вам поляроид, вы его вчера забыли у нас.

— Ладно, это успеется... Ирина Сергеевна, давайте пойдем на Владимира Фаддеева — это очень интересно, билеты дают только с нагрузкой... И заодно отдадите книги...

— А кто такой Фаддеев? — не поняла я.

— Это знаменитый телепат, гипнотизер. Психологические опыты, называются «Познай самого себя»...

— Да ну, чепуха какая-то! — почему-то рассердилась я. — У меня ужин для детей не приготовлен, а я буду с гипнотизером познавать себя!

— Ирина Сергеевна, во-первых, интересно же проверить — вдруг мы не все о себе знаем? Он ведь и экстрасенс в придачу! Вдруг откроет в вас что-то неведомое?

— Нечего во мне открывать! Со мной дело ясное. А что второе?

— Нет, это я так сказал, в смысле второго... Я имел в виду насчет ужина ребятам. Я уже был у вас дома, привез им биточки по-московски... — У него по-прежнему был странный тон — застенчивый и уверенный одновременно.

— Что-что? Какие биточки?

— По-московски. В кулинарии от ресторана «Центральный» продавались — знаете, лоток такой фольговый, а в нем уже готовые замороженные биточки. С гарниром. Рис припущенный. Только в духовку поставить — через пять минут можно есть. А на сладкое торт «Марика». Ребята сказали, что им такой ужин подойдет...

Какой странный, однако, человек! Ну, кто его присил? На кой черт мне этот Фаддеев? Как всегда, в момент гнева и растерянности потеряла дыхание, ком под горлом кляпом придушил.

— Ирина Сергеевна, ну не молчите! — сказал он тихо, и никакого упрямства и напора в его голосе не было. — Я думал, что вас это развлечет...

И, наверное, потому, что я молчала, стараясь снова поймать дыхание, он быстро заговорил:

— Я из милиции когда вышел, смотрю, народ клубится у театрального киоска. Честно говоря, я тоже никогда не слышал про этого знаменитого психосенса, Фаддеева этого самого... Наверное, что-то вроде Вольфа Мессинга. А потом подумал, может, откроет он мне что-то психологическое про меня, о чем я раньше не догадывался. Сейчас это бы мне пригодились...

— А что у вас там с милицией?

— Не знаю... — медленно ответил он. — Как-то все очень странно получается...

— Что именно странно?

— Трудно сказать... — Он будто вместе со мной снова проверял странности обстоятельств в милиции. — Какое-то странное ощущение — будто я этих хулиганов поколотил, а милиция за них обиделась...

— Любопытно, — согласилась я, хотя мне это было совсем нелюбопытно и хотелось закончить разговор и идти домой. Но во всех нас живет неодолимая потребность резонировать, и я заметила: — Вообще-то говоря, милиция возражает против любых драк, независимо от того, кто виноват...

— Да, конечно, — не стал спорить Ларионов. — Но обиделись они только после того, как я твердо отказался мириться и платить штраф. Вот это меня и удивило...

— Что значит обиделись?

— Да это я так сказал, чего им на меня обижаться! Они меня стали исподволь припугивать. Мол, не хочешь по-хорошему, то почитай кодекс — вон сколько интересных статей тебя касается. Я от этого немного растерялся...

— Испугались? — спросила я напрямик.

— Да нет, — неспешно ответил он, и я почему-то поверила ему сразу. — Я не очень робкий паренек. Но когда на тебя смотрят жестяными глазами и не хотят слушать, видеть, понимать, вот это тоскливо! Да ладно! Ирина Сергеевна! Идемте на гипнотизера! Мы оба сегодня не очень счастливы — вдруг он нам докажет, что мы не правы? Ребята сыты и довольны жизнью... Идемте! Сережка обещал проверить уроки у Марины. Идемте!

— А как ребята отнеслись к вашим биточкам?

— К биточкам? — удивился Ларионов. — Нормально! Пожаловались, что вы никогда не покупаете готовые котлеты и пельмени, а они их очень любят...

Я подумала с испугом, какой дал бы мне укорот Витечка, если бы я приперла из кулинарии замороженные биточки! У Витечки есть некоторый застрит, поэтому всякие полуфабрикаты в наш дом не допускаются ни под каким видом. Я очень гордилась своей стряпней, а ребята, оказывается, мечтают о готовых котлетах.

— Ирина Сергеевна, вы о чем думаете? — настойчиво спросил Ларионов. — Если не хотите идти на гипнотизера, давайте просто пройдемся до дома, я вас провожу, подышите свежим воздухом. Или в ресторан пойдем, поужинаем. Ну, чего вы молчите? О чем думаете?...

О чем я думаю? О чепухе какой-то! Я думала о бесчисленных тоннах продуктов, которые я перетаскала в сумках. Грузовик здоровый за раз не вывезет. Много лет. Мы все, семья, были похожи на рисунок из занимательной арифметики Перельмана — человек-гора, в разверстную пасть которого вползает товарняк с едой. Цистерны борщей, платформы котлет, пульманы картошки.

Надо бы спросить Ларионова, возят ли на ролкере продукты.

А вдруг я сама во всем виновата? Может быть, не ушел бы Витечка к своей Шиихи, если бы я со скандалами и боями с самого начала заставила его принести в дом замороженные биточки по-московски и хоть раз в месяц отстоять очередь за тортом «Марика»? Не знаю. Может быть. А теперь и не узнаю.

— Хорошо, идем на гипнотизера...

Не знаю, сколько Ларионов взял билетов на нагрузку у театральной кассирши, но на выступлении гипнотизера мы сидели в первом ряду. Ларионов утверждал, что сидеть дальше не имеет смысла — упущенные детали разрушат достоверность представления.

А я бы хотела сидеть подальше, где-нибудь рядом в тридцатом клуба печати, в сумраке нависающей кровли балкона, чтобы вершащий на сцене чудеса маг не мог рассмотреть моего лица. Мне было грустно и смешно одновременно. Но я сидела в трех метрах от него, и он обращался прямо ко мне.

Наверное, по моему лицу видно, что у меня слабая воля и легко внушаемое сознание. А может быть, гипнотизер Фаддеев, как все выступающие со сцены, говорил не с необъятной прорвой зрительного зала, а выбрал себе первого попавшегося внимательного слушателя и сообщал свои удивительные тайны он именно мне.

— Никаких чудес не существует... Поразительные явления, которые я вам продемонстрирую, — результат большого природного дара, развитого длительной правильной тренировки... Способностью читать мысли на расстоянии, передавать свою волю другим людям, находить спрятанные вещи внутренним провидением, двигать предметы взглядом и многие другие видеомоторные акты — всем этим обладали такие реально-исторические персонажи, как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Сенека, Наполеон, Григорий Распутин...

Я, наверное, смогла бы поверить — с моей-то внушаемостью, — что он продолжает ряд этих реальных исторических персонажей, но меня очень отвлекло несоответствие его величаво-значительной жестикуляции колдуна с бойкой скороговоркой приказчика. И с гордостью отметила про себя рост самосознания современных работников прилавка — сейчас колдуны и гипнотизеры говорят, как прежние приказчики, а нынешние продавцы вещают с загадочной снисходительностью магов.

Ах, если бы Фаддеев согласился пойти на стажировку в мебельный или радиомагазин! Как сильно бы выросли артистизм и убедительность его выступления! Полгода за прилавком — и речь, разбитая неритмичными таинственными паузами, мучительно оборванными репликами, освещенная великими несбыточными обещаниями «в конце квартала...», общее выражение лица размыслителя о вещах, нам недоступных, тоска страдателя и радателя, отвлекаемого праздными ротоэями от постижения вечного, — все это сошло бы Фаддееву надлежущий образ.

И мне было бы легче поверить, что избавление от всех моих бед и проблем — в умении свергнуть себя в состояние «имаго»...

—...«Имаго» по-латыни значит «образ»... Вы слышали, наверное, слово «имажинизм» — оно той же природы... Создайте себе образное представление — и ваш организм нальется чудесной космической силой... Расставьте в стороны руки, поверните вниз ладони — они стали сильнейшим магнитом!.. Магнит ваших рук притягивает к себе маленький шарик Земли... Чувствуйте! Чувствуйте! Вы ощущаете, как легкий, но плотный шарик Земли притягивается к вашим ладоням... Отключите сознание!.. Действует только «имаго»! Ваше собственное «имаго»!..

Ко мне наклонился Ларионов и шепнул:
— По-моему, я своим «имаго» приподнял Землю на полметра... — Лицо у него было абсолютно непроницаемое.

—...А теперь все — руки вверх! Подняты ладони ввысь!.. Они антенны, через которые в вас вливается солнце!.. Вы чувствуете, как в вас течет энергия солнца!.. Отключите ум от мозгового аппарата!.. Вы полны солнцем и ощущаете свое тело при полном бездействии мозга!..

Наверное, мое несчастье в том, что никак не могу отключить свой слабый мозг от переполненного солнцем тела. Я вхожу в состояние «имаго», и через антенны моих рук втекает в меня не тепло солнечной энергии, а холод моего разрушенного мира. Я пытаюсь магнитами своих сверхчувственных ладоней притянуть к себе шарик Земли и ощущаю безнадежность этой затеи — так же, как невозможно притянуть к себе обратно Витечку. Для него теперь магнетизм в руках неведомой мне Гейл Шихи, с которой он вместе преодолевает свой непреодолимый творческий кризис.

Что же ты наделал, Витечка? Как жить теперь?

— Аутогенная тренировка даст нам основу постижения состояния «имаго», — бойко разъяснил со сцены Фаддеев. — Постигнув технику аутогенной тренировки, вы подарите себе чудеса перевоплощения... узнаете остроту ранее неведомых вам чувств...

Потом он пообещал одарить весь зал ощущением этих удивительных чувств. Девушки-ассистентки в развевающихся полупрозрачных хитонах плавали за его спиной, как тропические рыбы, и пластически изображали всем своим видом эти неведомые нам чувства.

— Примите исходную позицию — позу кучера... Ноги расслаблены, согнуты в коленях... Руки безвольно лежат на бедрах... Подбородок опущен на грудь... Вызывайте образ! «Я еду в санях!» Глаза закрыты-ы! Зима... Шуршит снег под полозьями... Вы закрыли глаза от нестерпимого блеска солнца... «Я совершенно здоров!» Ветер нежно овеивает мое лицо... моим рукам тепло... мне приятно... душа моя наполняется покоем... мне радостно... моя жизнь — подарок... счастье простого чувствования...

Ветерок овеивал мое разгоряченное лицо, по которому текли слезы, едкие, как кислота, мне казалось, что они выжигают на щеках полосы... Они стекали к углам рта, горький солончак на губах... Я не могла их смахнуть, чтобы не растеклась по лицу косметика... Я мечтала только о том, чтобы никто не обращал на меня внимания, не мешал мне испытывать счастье простого чувствования. Моя жизнь — подарок, как верно заметил аутогенный экстрасенсуальный психомагический чародей Фаддеев.

Краям глаза я увидела мучительно сцепленные руки Ларионова — они не лежали безвольно на бедрах, а душили друг друга, будто он надумал одним кулаком раздавить другой, — побелели костяшки, до синевы надувались вены, на засохших осадинах выступила сукровица. Из-под прикрытых век искоса я взглянула на него — подбородок не лежал на груди, не послушался он Фаддеева, и легла у него на лице печать муки. Видел он мои слезы? Или чувствовал, что происходит со мной? Или страдал от своей неуместности?

—...Гражданочка! Гражданочка в первом ряду!.. Видите ли вы цветные сны? — гремел где-то надо мной Фаддеев. — Какой они тональности? В какой части цветового спектра расположены ваши сны?

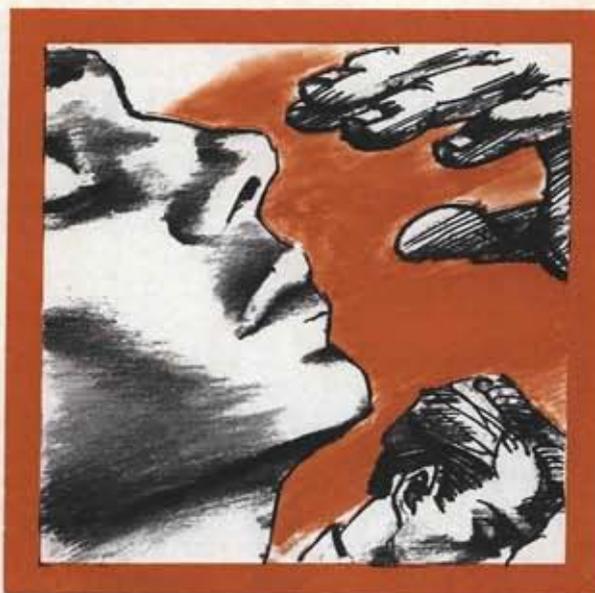
Я видела сейчас цветной сон наяву — он весь был багрово-черный.

— Гражданочка видит зеленые сны! — сказал Ларионов, чтобы он отвязался от меня.

— Это прекрасно! — обрадовался ученый маг. — Зеленые и голубые тона сновидений свидетельствуют о душевном равновесии и психологическом благополучии...

Если удалось прервать неприятный сон, надо сразу вставать, иначе задремлешь опять и сон вернется снова. Я не встала и как сквозь дымную алую пелену наблюдала психологическое могущество Фаддеева. Он отыскивал спрятанные в зале часы, давал нюхать зрителям белоснежный платок, и они все узнавали запах любимой парфюмерии. Потом на спинки двух расставленных на сцене стульев он положил зрительницу — гражданочка в ступорном сне лежала мостиком, опираясь на ребра спинки стульев лишь шеей и пятками. Фаддеев предлагал желающим нажать ей на живот, чтобы убедиться в негибавшей прочности мышц, которую он дал ей в волшебном сне.

Мне было страшно. Мне казалось, что это я — отсутствующая, подчиненная чужой воле, окаменевшая, — зацепившись за неверную опору двух точек,

вишу над бездной. Человек не должен висеть над землей на затылке и лодыжках. Я должна стоять на ногах. Поставьте меня на землю.

— Простите, Ирина Сергеевна, я не думал, что вас это расстроит... — сказал, глядя в сторону, Ларионов. — Я хотел, чтобы вы отвлеклись, развеялись...

— Да бросьте! Это мне стыдно перед вами, срам какой — реветь на людях...

Мы шли по пустой, продуваемой едким ветерком улице. Это был не ветер, а уличный сквозняк. Он разогнал сизое неопрятное тряпье ночных облаков, и над домами показалась луна, красно-желтая, как куриный желток с зародышем.

— Я думаю, что способность забывать — это тоже дорогой дар, — сказал Ларионов вдруг.

— В каком смысле?

— Представьте, как было бы жутко жить, если бы мы хранили в себе боль нанесенных нам обид, горечь потерь и утрат, ужас физического страдания — всю жизнь, ничего не забывая...

— А как же с радостями быть? Мы ведь и радости забываем? Наслаждения? Ушедшее ощущение счастья? — спросила я.

Он помотал головой.

— Нет, я, например, никаких радостей не забываю... И ощущения счастья — может, их было у меня не так много, — но я все помню. Ну и вообще каждый под словом «счастье» свое понимает...

— Наверное, — согласилась я.

Мы вышли на улицу Маяковского, сонно перемигивались на перекрестке красно-зеленые вспышки светофоров. Уличное освещение уже было пригашено, фонари на столбах — через один — висели, как раскаленные капли йода. Желтоватым туманом подсвечивали они снизу зависшую в дальнем провале улицы луну — сплюснутую, как плоская тыква, будто черт впотьмах уселся на нее.

— Вот здесь и разыгралась моя баталья, — сказал со смущенной улыбкой Ларионов и обвел рукой круг, захвативший тротуар, разбитую витрину радиомagasина, закрытую фанерой, и старуху, продававшую из сумки цветы. Он показал на бабу: — Можно сказать, из-за этого одуванчика и разгорелся сыр-бор...

— А почему из-за нее? — не поняла я.

— Ну, это я шушу, конечно... Она была случайным поводом... Я вон у того перекрестка подхватил освободившееся такси. Кинул назад Адину посылку, проехал квартал и увидел, что бабу цветы продает, и велел шефу притормозить...

— И бабу на вас напала? — засмеялась я.

— Нет, бабу мне дала цветы — все полминуты заняло, поворачиваюсь к машине, а трое уже сидят сзади, четвертый усаживается рядом с водителем. Я им говорю: занята машина, видите, счетчик включен...

— А вы мне говорили, что их было трое?

— Ну да, три мужика и девушка... Ну, про нее что говорить — она же в драке не участвовала! Да и вообще она потом куда-то исчезла. Я только слышал, как один ей кричал: «Рита, не подходи...» Так вот, я говорю тому, что впереди сидел: занято... А он мне мягко, душевно так говорит: пошел вон, козел, мы за тебя оплатим, что ты наездил. Я ему еще спокойно сказал: не наглей, не веди себя грубо, иначе я тебя из машины руками выйму... Он отворил обратно дверцу, я к нему подался, и тут он... он...

У Ларионова вдруг перехватило дыхание, он слотнул воздух с трудом, кадык на его загорелой жилистой шее подпрыгнул, как теннисный мячик, выражение стыда и отвращения на его лице удивительно не сочеталось с захватками сдвинутой на затылок фуражкой.

— Что? — не поняла я и как-то заранее испугалась.

— Он мне... в лицо... плюнул... — растерянно сказал Ларионов, и в голосе его задрезжали вновь унижение и ярость.

Ларионов остановился, повернулся ко мне и повторил:

— Представляете — плюнул в лицо?!

Он испытывал острый стыд и сильный испуг — особый испуг за другого человека, обезумевшего на глазах.

— Вы ударили его? — бессмысленно спросила я.

— Да. Очень сильно. Но у меня тряслись от волнения руки — вон разбил все костяшки. Со мной никогда такого не случилось. Не знаю, как вам объяснить, Ирина Сергеевна, у меня было ощущение, что я от гнева и обиды потерял сознание... Мне как-то в голову не приходило, что вот так спокойно, на улице один незнакомый человек может плюнуть в лицо другому. Что же у него в мозгах в это время происходило?

— И что с ним стало?

— Ничего, вырубился, конечно, на некоторое время, пока я со вторым разбираюсь...

— А второй откуда взялся?

— С заднего сиденья выскочил и врезал мне по голове бутылкой коньяка — я его со спины не заметил...

— Господи! Как же он вас не убил?

— Он промазал немного — на пару сантиметров, удар пришелся по тулье фуражки. Такого дефицита — бутылки коньяка — для моей башки не пожалел. — Ларионов грустно усмехнулся.

— Может, он за своего друга-плеваку испугался? — предположила я.

— Наверное, — пожал он плечами. — Но зря он за него пугался — я от мандража его несильно вырубил. И всю злость на молотобойца с бутылкой выплеснул...

— Вы ему тоже «врубили»? Или «вырубили»? — Я уже начала ориентироваться в этой рубочной технологии.

— Нет, он на меня с обломком бутылки пошел. Насмотрелся киношек, там всегда блатные отбитой бутылкой грозятся...

— А что люди вокруг? Милиция?

— А что люди? Стоят вокруг, кричат... Да и быстро все это случилось... Я как увидел эту обломанную бутылку, мне вроде бы снова в лицо плюнули. Мразь такая! Он пьяный, неуклюжий, за ним только наглость, понт неукротимый... Я его через себя как вертанул! Да не рассчитал — он прямо в эту витрину улетел... Стекло вышиб и два цветных телевизора обратно на транзисторы башкой разобрал...

Мы стояли около темной, забранной неопрятной фанерой витрины, сиротливо топталась неподалеку бабу с цветами.

— Н-да, — неуверенно протянула я. — Крепко вы с ними разобрались...

— Да, видит бог, я не хотел этого, — усмехнулся Ларионов грустно. — Вышло так... У меня боцман — натурфилософ с начальным образованием... Он в таких случаях говорит: будьте вежливы с чужаками, потому что, толкая незнакомца в грудь, рискуешь очнуться со сломанной пастью...

— А вы говорите, что в милиции против вас настроены?

— Да это только сегодня обозначилось. Когда я сказал, что ни на какую мировую с ними не пойду. И штраф платить не буду, пусть расследуют по закону, расспрашивают свидетелей, найдут таксиста уехавшего, и все остальное прочее. Ну, а они мне мягко сообщают в ответ, что, помимо невыясненных обстоятельств драки — это, мол, отдельная статья 206 УК, — мною причинен ущерб государственному имуществу на сумму в 1626 рублей 48 копеек...

— А если вы не будете настаивать на возбуждении дела, ущерб меньше станет?

— Как я понял, в этом случае мои спарринг-партнеры это уладят сами...

— Послушайте, Алексей Петрович. — Я положила руку ему на рукав и вдруг подумала, что впервые назвала его по имени — раньше все как-то случая не было. — А может быть, не стоит принцип выводить? Их трое, таксист пропал, телевизоры разбиты, драка с кровопролитием, а вы на трансплантации. И сами говорите: милиция не на вашей стороне. Эта история может вам очень дорого обойтись...

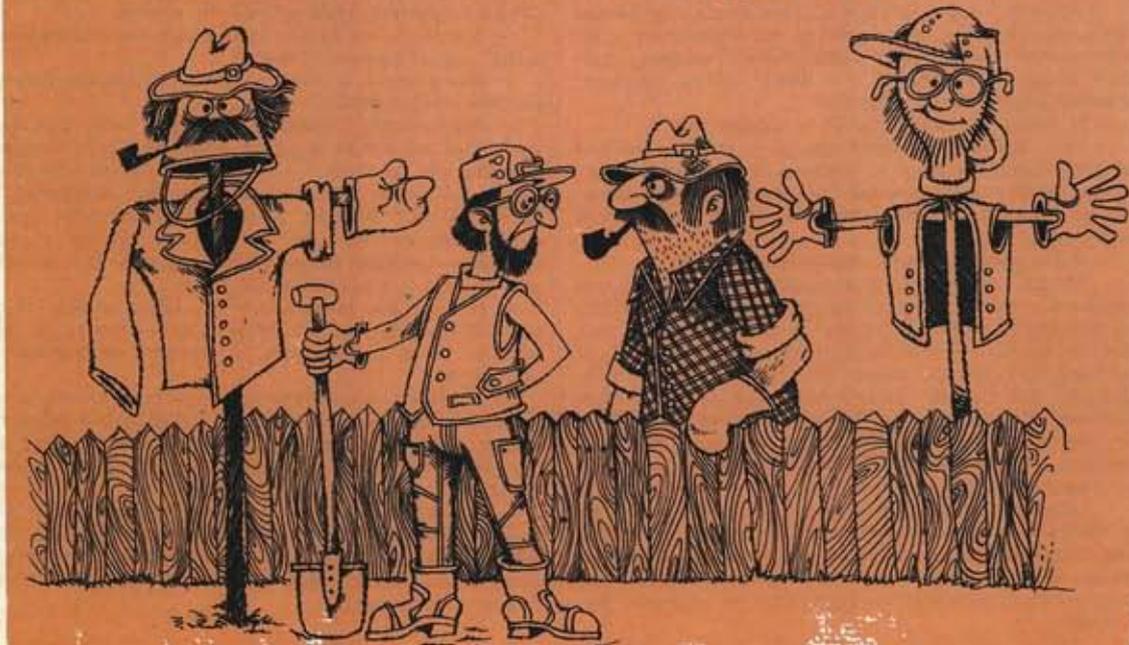
— И что вы предлагаете? — вдруг очень жестко спросил он, и ни тени застенчивости в нем нельзя было обнаружить, а только несокрушимое упрямство.

— Я ничего не предлагаю, — не выдержала я его колющего взгляда. — Человека, плюющего в лицо, по-моему, не перевоспитаешь. А неприятности у вас могут быть большие. По-моему, нет резона с ними биться...

— Может быть, — сухо кивнул он. — Но они мне плюнули в лицо. Человеку, который утрет и тихо уйдет, больше в этой жизни делать нечего. А у настоящего мужика может быть только один резон — твердо принятое решение.

На открытии любого серьезного вернисажа обязательно должен выступить какой-нибудь солидный человек. Кандидатура Сергея Богачева, решили мы, самая что ни на есть подходящая: и борода, и должность соответствует — художественный редактор одного весьма уважающего себя журнала. Вот только рисунки у него, между прочим, дизайнера по образованию, чересчур озорные. Ну да солидный человек может себе позволить время от времени пошутить...

СЕРГЕЙ БОГАЧЕВ

30-я шахматная олимпиада

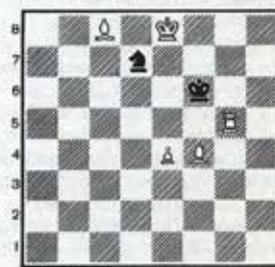
Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Олимпиада проводится в 14 туров, каждый тур состоит из нескольких заданий. За выполнение отдельного задания, в зависимости от степени его трудности, участник соревнования получает от одного до пяти баллов. Максимальная сумма баллов за правильное решение всех заданий олимпиады равна 100. В нашем соревновании установлены квалификационные нормы для выполнения и подтверждения спортивных разрядов по шахматам: 32 балла для получения четвертого разряда, 52 балла — третьего, 92 балла — второго.

Двадцать пять участников, показавших лучшие результаты, объявляются победителями олимпиады и награждаются дипломами «Смены» и книжными призами.

Задачи сегодняшнего тура составлены В. Чепижным специально для олимпиады.

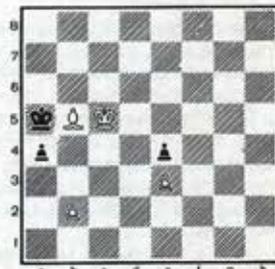
I тур I. Публикуется впервые

Белые: Кр8, Лг5, Сс8, Сf4, п.е4 (5)

Черные: Крf6, Кd7 (2)

Мат в 2 хода (1 балл).

Белые: Крс5, Сб5, пп. b2, e3 (4)

Черные: Кра5, пп. a4, e4 (3)

Мат в 3 хода (2 балла).

Каждый участник олимпиады должен прислать ответы на задания первого тура только на открытках (без конверта!), где следует также указать фамилию, имя и отчество, возраст, профессию, спортивный разряд по шахматам и домашний адрес. **Последний срок отсылки писем (по почтовому штепелю) — 1 марта.** Ответы, посланные позднее этого срока, не рассматриваются.

Конкурс составления задач-миниатюр

Одновременно с 30-й шахматной олимпиадой журнал «Смена» объявляет всесоюзный конкурс составления шахматных задач-миниатюр (с числом фигур не более семи) по двум разделам: двухходовки и трехходовки. В каждом разделе установлены призы, почетные и похвальные отзывы. Оригинальные (нигде ранее не публиковавшиеся задачи), изображенные на диаграммах, с полным авторским решением следует посылать по нашему адресу до 1 сентября. Судья конкурса — международный арбитр В. Чепижный. На конверте необходимо сделать пометку: «Конкурс составления миниатюр». Все присланные композиции примут участие в конкурсе, рецензии на задачи даваться не будут. Результаты конкурса будут опубликованы в журнале в 1989 году.

Читайте в ближайших номерах:

БАМ. Проблемы ударной стройки.

Политучеба.
Отказ
от
стереотипов?

Машина —
своими
руками.
Фотоочерк.

Анатолий Рыбаков
о «Детях Арбата»,
о времени, о себе.

Михаил ДУДИН:
Гумилев нашей
молодости.

Группа
«Алиса»:
два
полярных
мнения.

Новые стихи
Евгения Винокурова.

Подписка на «Смену»
не закончилась,
она продолжается.
Вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу журнал
поступает
в ограниченном
количестве.

КРОССВОРД

Составил И. Манега, Речица Гомельской области

1		2		3		4		5		6	7		8		9
						10									
11										12					
						13									
14										15		16		17	
						18						19			
20	21		22		23					24					
								25							
26															
										27		28		29	30
31		32		33		34									
35										36					
						37									
38										39					
						40									
41										42					

По горизонтали:

1. Очень крупная и красивая медуза, от яда которой пострадал Ю. Сенкевич во время плавания на «Ра». 6. Плана-та. Через три миллиарда лет, как считают ученые, она станет звездой. 10. Рыба, издающая при нападении на жертву разбойничий посвист. 11. Необходимый для жизни процесс. 12. Национальность Казбича в «Герое нашего времени» М. Лермонтова. 13. Мера влияния, значения, степень участия. 14. Ударный музыкальный инструмент, тайной изготовления лучшей разновидности которого вот уже 350 лет владеет одна турецкая семья. 15. Русский гребной корабль, близкий по конструкции к галерам и каравеллам. 18. Узловат Кузьма, развязать нельзя (загадка). 19. «...В халате ел и пил; спокойно жизнь его катилась» (пушкинский персонаж). 20. Один из древнейших на земле хищников, прародитель гиены. 25. Лекарственное растение горных лу-

гов. В средние века в Альпах корни его собирали монахи, дабы искупить вину. 26. Должность Г. Державина во время статской службы в Сенате. 27. Объект охоты Мориса Джеральда, героя в романе М. Риды «Всадник без головы». 31. Картина В. Васнецова. 34. Цветной камень, изображающий равнины и горы на каменной карте в Эрмитаже. 35. Горная страна, край кашмирских горцев, чемпионов среди долгожителей земли. 36. Замысел, предварительный план. 37. «Не убрана пещера и ..., разбаловалась ты в матриархат» (В. Высоцкий «В каменном веке»). 38. Старинный ткацкий станок. 39. Первый роман В. Скотта. 40. Остров в Эгейском море, драматический момент событий на котором изображен на картине Э. Делакруа. 41. Центр одного из штатов США, где открыт памятник Саманте Смит. 42. Северная обувь из оленьих шкур.

По вертикали:

1. Живописец, ставший, по словам И. Крамского, «отражением литературы Гоголя». 2. Архитектор, построивший Адмиралтейство в Петербурге. 3. Австрийский крестьянский танец, в Вене превратившийся в вальс. 4. Единственное из позвоночных, способное к автономии. 5. Бертель Торвальдсен, не меньше Г.-Х. Андерсена популярный датчанин (специальность). 7. Граница, мера. 8. Герой в цикле новелл О'Генри «Благородный жулик». 9. Автор пьесы «Сирано де Бержерак», ставшей источником пословиц и крылатых слов. 16. Железное дерево, дающее росный падан. 17. Золотой азиатский апельсин, плодоносящий круглый год. 21. Советская бегунья, семнадцатикратная чемпионка страны. 22. Гора на севере Ал-

бании. 23. Балкон, с которого зазывали зрителей в балаган. 24. Восточный домашний скот, выведенный из индийского тура. 25. Профессия Теренция в романе Л. Фейхтвангера «Лже-Нерон». 27. Зверек, спасший плантации сахарного тростника Ямайки от нашествия грызунов. 28. «Необходимая русская вещь», по мнению Ф. Достоевского. 29. Финикийская богиня, аналогичная греческой Афродите. 30. Единственный сначала способ печатания книг. 31. Одно из русских названий кадки для стирки белья. 32. Скатертью дорожка; собаку съел; стих находит (оборот речи). 33. Трава, из которой в древности делали ядовитые снадобья, а в 1820 году выделили первые алкалоиды.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 24

По горизонтали:

3. Дэви. 6. Змея. 10. Шниц. 11. Поло. 12. Барановская. 14. Агама. 16. Схема. 18. Мали. 19. Офсет. 20. Верн. 21. Фуст. 24. Нияз. 26. Таможня. 30. Березняк. 32. Фтор. 33. Ури. 34. Варница. 35. Осколок. 37. ...аил. 38. Наль. 39. Поляника. 41. Антракт. 44. Луна. 46. Некк. 49. Анри. 50. Ботва. 51. Зима. 53. Лилия. 56. Гайде. 57. Двусмыслица. 58. Шуба. 59. Ценз. 60. Баян. 61. Агат.

По вертикали:

1. Эшпай. 2. Тинаму. 4. Эйре. 5. Ионифон. 6. Завоек. 7. Ейка. 8. Поженян. 9. Комер. 12. Балта. 13. Ясенец. 15. Мастрояни. 17. Хризантема. 21. Футбол. 22. Сорока. 23. Тенирс. 25. Зяблик. 27. Муки. 28. Жила. 29. Явка. 30. Брат. 31. Рила. 36. Снаряд. 40. Луалаба. 42. Невеста. 43. Книга. 45. Гофман. 47. Кейтен. 48. Олеша. 52. Ферзь. 54. Щука. 55. Чина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 1 (1455)

январь 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНИУШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художник
Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отдель:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 19.11.87.
Подписано к печати 01.12.87.
А 05171. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 1633.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Овал крытого ледового катка, ограниченного высокими бортами, давно «обжит» хоккеистами или фигуристами. Но конькобежцы?! Это что-то новое.

Между тем состязания по бегу на коньках на короткой дорожке родились еще в начале нынешнего столетия — в США и Канаде, где разыгрывали национальных чемпионов скоро стукнет сто лет.

В Европу это увлечение перекочевало в 30-х годах, и законодателями мод в «шорт-треке», что переводится как «короткая дорожка», здесь стали англичане. Забеги тогда проводились на традиционную британскую дистанцию длиной в милю. Вскоре к ним присоединились шотландцы, и с 1948 года матчевые встречи конькобежцев этих двух стран не прерывались ни на сезон.

Впрочем, сезон в «шорт-треке» — понятие весьма относительное. На заре увлечения этим видом спортсмены использовали бег в коробке как раз в межсезонье — летом, для поддержания «чувства льда». Теперь же все крупные соревнования (а с 1981 года — и чемпионаты мира) проводятся в зимние сроки.

«Шорт-трек» не поражает скоростью, не ошеломляет невиданно быстрыми секундами. «Шорт-трек» — это прежде всего виртуозная техника бега по повороту. По существу, вся дистанция тут — сплошные виражи.

Двукратный олимпийский чемпион канадец Газтан Буше, открывший семь лет назад список мировых чемпионов в «шорт-треке», утверждал, что после тренировок на короткой дорожке стал значительно увереннее чувствовать себя в прохождении

«больших» поворотов в скоростном беге на коньках — обрел устойчивость, которой раньше ему не доставало. А уж на прямых-то Буше всегда «выстреливал» со скоростью курьерского поезда.

Его основной многолетний соперник москвич Сергей Хлебников серьезно увлекся коротким бегом уже в зрелом для конькобежца возрасте и очень жалел о потерянном времени, вспоминая свои досадные падения на виражах во многих, казалось бы, выигранных турнирах.

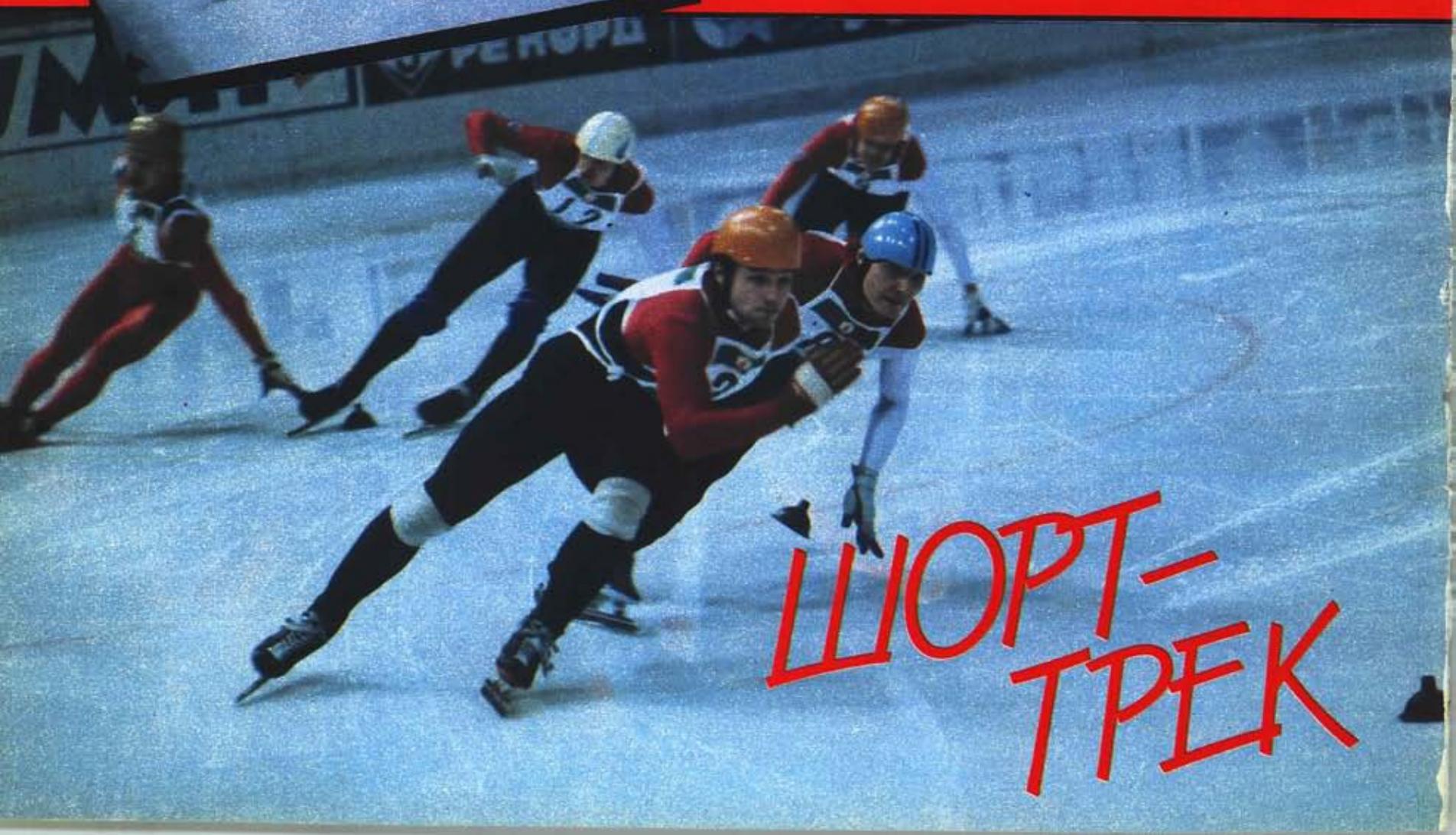
Наши спортсмены действительно не торопились с выходом на международную арену «шорт-трека» и впервые заявили о себе лишь в 1985 году, на зимней студенческой универсиаде в Италии. Там, между прочим, с ними соревновались уже не только североамериканцы и европейцы, но и представители взлетского и даже австралийского континентов — искусственный лед хоккейной площадки завоевал себе приверженцев уже по всему миру.

Выиграть наши сразу не выиграли, но смотрелись на фоне опытных соперников неплохо, а лучших из них пригласили в гости — осенью прошлого года Международный союз конькобежцев провел в Москве семинар-демонстрацию с показательными выступлениями шестнадцати сильнейших шорт-трековиков мира. На семинаре обсуждалась и перспектива включить со временем «шорт-трек» в число олимпийских видов спорта. Пока же он приглашен на зимние Игры в Калгари в качестве своеобразного почетного гостя — на Олимпиаде бег по повороту будет представлен в показательной программе.

Галина СЕРЕГИНА

Цена номера 35 коп. Индекс 70820.

Фото Владимир Чашкин

ШОРТ-ТРЕК